

ISSN 2072-8557
ISSN (online) 2310-6794

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Юриспруденция

О ЮРИДИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТАХ

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ СРЕДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

2015/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557

2015 / №3

ISSN (online) 2310-6794

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8557

2015 / №3

ISSN (online) 2310-6794

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., проф., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8557

ISSN (online) 2310-6794

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2015. № 3. М.: ИИУ МГОУ. 146 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300

Индекс серии «Юриспруденция»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40735

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Гольшев В.Г. — к.ю.н., доц., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Коновалова И.А. — к.ю.н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Васильева О.Н. — к.ю.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Антонян Ю.М. — д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник МВД РФ, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел

Гладких В.И. — д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Государственный университет управления

Глотов С.А. — д.ю.н., проф., Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (г. Москва)

Гриненко А.В. — д.ю.н., проф., МГОУ

Грудцына Л.Ю. — д.ю.н., проф., Почетный адвокат РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Иванова С.А. — д.ю.н., проф., Финансовый университет при Правительстве РФ

Марченко М.Н. — д.ю.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Миронов О.О. — д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Никитин А.Н. — д.и.н., д.ю.н., проф., МГОУ

Пашенцев Д.А. — д.ю.н., проф., МГПУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Певцова Е.А. — д.ю.н., проф., МГОУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Подшибякин А.С. — д.ю.н., проф., МГИМО

Пудовочкин Ю.Е. — д.ю.н., проф., Российская академия правосудия (г. Москва)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Jurisprudence»

Editor-in-chief:

V.G. Golyshev – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.A. Kononova – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.N. Vasilieva – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

Yu.M. Antonyan – Doctor habil. of Law, Professor, All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

V.I. Gladkikh – Doctor habil. of Law, Professor, Russian Federation State University of Management

S.A. Glotov – Doctor habil. of Law, Professor of International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)

A.V. Grinenko – Doctor habil. of Law, Professor, MRSU

L.Y. Grudtsyna – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

S.A. Ivanova – Doctor habil. of Law, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

M.N. Marchenko – Doctor habil. of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University

O.O. Mironov – Doctor habil. of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation of Modern Humanitarian Academy (Moscow)

A.N. Nikitin – Doctor habil. of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor of MRSU

D.A. Pashentsev – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; Financial University under the Government of the Russian Federation

E.A. Pevtsova – Doctor habil. of Law, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

A.S. Podshibyakin – Doctor habil. of Law, Professor of Moscow State Institute of International Relations

Y.E. Pudovochkin – Doctor habil. of Law, Professor of the Russian Academy of Justice (Moscow)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8557

ISSN (online) 2310-6794

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Jurisprudence». 2015. № 3. M.: MSRU Publishing house. 146 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26300

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Галушкин А.А.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЮЗА ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ НАЦИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	8
<i>Глотов С.А., Григорьев И.А.</i> ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	12
<i>Певцова Е.А.</i> О ЮРИДИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ	27
<i>Черногор Н.Н.</i> ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ	39
<i>Шаповалов Н.И.</i> НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	46

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Андреев В.В., Белова Г.В.</i> ДУАЛИЗМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ГЕРБА КАК ОФИЦИАЛЬНОГО СИМВОЛА.....	50
<i>Мазаев В.Д.</i> КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ И ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	55
<i>Марченко М.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ.....	63

РАЗДЕЛ III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Гапеев Д.Е.</i> НАЕМНЫЕ ДОМА – НОВЕЛЛА ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	76
---	----

Егунов В.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЙМА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА СОЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	83
Косенко Е.В. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА	89
Молчанов А.А., Афанасьева Е.С. КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ НА СЛУЖЕБНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОВЛИЯЛИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	97

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Варыгин А.Н. ПРЕСТУПНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	105
Гладких В.И. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, ПРИРОДНЫХ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ ИЛИ ЖЕМЧУГА (СТ. 191 УК РФ).....	112
Киркина Н.В. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЖЕНСКУЮ НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ	120

РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Гриненко А.В. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА	128
Мельник В.В. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: (I).....	135
Надысева Э.Х. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ» И ЕЕ СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ	139
Наши авторы	144

CONTENTS

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>A. Galushkin.</i> LEGAL BASES OF THE UNION OF SOUTH AMERICAN NATIONS FORMATION AND DEVELOPMENT: THEORETICAL LEGAL ASPECT.....	8
<i>S. Glotov, I. Grigoriev.</i> THE LEGAL SYSTEM OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: STATING THE PROBLEM	12
<i>Ye. Pevtsova.</i> ON LEGAL INTERPRETATION OF PEDAGOGICAL STRUCTURES USED IN NORMATIVE LEGAL ACTS.....	27
<i>N. Chernogor.</i> THE PROBLEM OF LEGAL ENVIRONMENT IN MODERN JURISPRUDENCE.....	39
<i>N. Shapovalov.</i> NEW THEORETICAL APPROACHES TO POLITICAL INTEGRATION OF THE EUROPEAN UNION.....	46

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>V. Andreyev, G. Belova.</i> LEGAL DUALISM OF THE COAT OF ARMS AS AN OFFICIAL SYMBOL.....	50
<i>V. Mazayev.</i> CONSTITUTIONALISM AS AN INSTRUMENT AND FORM OF ECONOMIC DEVELOPMENT.....	55
<i>M. Marchenko.</i> PROBLEMS OF THEORY AND METHODOLOGY OF STUDYING THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION	63

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>D. Gapeyenok.</i> HOUSES FOR RENT AS A NEW PHENOMENON IN HOUSING LEGISLATION.....	76
<i>V. Yegupov.</i> PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RENTING LIVING QUARTERS OF SOCIAL HOUSING STOCK	83
<i>Ye. Kosenko.</i> TOWARDS THE ISSUE OF FAMILY LAW METHODOLOGY.....	89
<i>A. Molchanov, Ye. Afanasyeva.</i> CARDINAL CHANGES IN THE LEGAL REGULATION OF COPYRIGHT LAW TO SERVICE-RELATED WORKS POSITIVELY AFFECTING THE RESULTS OF POLICE OFFICERS SCIENTIFIC ACTIVITY	97

SECTION IV. CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>A. Varygin.</i> CRIMINALITY OF THE POLICE AS A CRIMINOLOGICAL PHENOMENON	105
<i>V. Gladkikh.</i> CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION OF TRAFFICKING OF PRECIOUS METALS, NATURAL JEWELS OR PEARLS (ARTICLE 191 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	112
<i>N. Kirkina.</i> SOME BASIC DIRECTIONS IN PREVENTING FEMALE DRUG CRIMINALITY	120

SECTION V. CRIMINAL PROCESS

<i>A. Grinenko.</i> FEATURES OF PROOF AT THE INITIAL STAGE OF TERRORIST ACT INVESTIGATION	128
<i>V. Melnik.</i> SOCIO-POLITICAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF COURT JURY (I)	135
<i>E. Nadyseva.</i> INTERPRETATION OF THE CATEGORY «CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES» AND ITS CONSTITUENT ELEMENTS	139
<i>Our authors</i>	144

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34.096

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-8-11

Галушкин А.А.

Московский государственный областной университет

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЮЗА ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ НАЦИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В настоящей статье автором проводится исследование теоретико-правового аспекта формирования и развития Союза южноамериканских наций (УНАСУР). Обзорно рассматривается история создания (в том числе ратификации учредительного соглашения государствами-учредителями) и становления работы организации, анализируются основные положения Учредительного соглашения УНАСУР. В заключение автор делает вывод о целесообразности дальнейшего научного осмысления места и роли УНАСУР на современном этапе.

Ключевые слова: УНАСУР, Латинская Америка, нации, государства, международная организация, право.

A. Galushkin

Moscow State Regional University

LEGAL BASES OF THE UNION OF SOUTH AMERICAN NATIONS FORMATION AND DEVELOPMENT: THEORETICAL LEGAL ASPECT

Abstract. In the present article the author conducts research of theoretical legal aspects for the Union of South American Nations (UNASUR) formation and development. The UNASUR history of foundation (including ratifications of the constituent agreement by the founder states) and first years of work are briefly reviewed. The basic provisions of the Constitutive Treaty of the Union of South American Nations are analyzed. In conclusion the author argues for the expediency of further scientific research into current place and role of the Union of South American Nations.

Key words: UNASUR, Latin America, nations, states, international organization, law.

Союз южноамериканских наций (УНАСУР) – международная организация, состоящая из 12 стран Южной Америки. В российских официальных документах и литературе также иногда УНАСУР называют не Союзом южноамериканских наций, а Союзом южноамериканских стран (к примеру, на VI Совместном заявлении Российско-Бразильской Комиссии высокого уровня по сотрудничеству, состоявшемуся в г. Бразилиа (Бразилия), 20 февраля 2013 года [4]).

«Латинская Америка является самым динамично интегрирующимся регионом развивающегося мира, а <...> формирующийся Союз южноамериканских наций входит в первую «пятерку» интеграционных объединений мира по экономическому потенциалу» [4, с. 11].

Решение о создании УНАСУР было принято 23 мая 2008 г. в г. Бразилиа (Бразилия), где главами всех 12 государств было подписано Учредительное соглашение Союза южноамериканских наций [6, с. 465]. Все страны ратифицировали подписанное учредительное соглашение, однако процесс ратификации был не столь быстрым. «Ни одно государство не ратифицировало учредительное соглашение в год подписания (2008), в 2009 году учредительное соглашение было ратифицировано 2 государствами, в 2010 году 6 государствами, в 2011 году оставшимися 4 государствами.

Следует обратить внимание на то, что такая густо населенная страна, как Колумбия, ратифицировала учредительное соглашение только в начале 2011 года, а самая большая и густонаселенная страна Бразилия была и вовсе последней ратифицировавшей учреди-

тельное соглашение только в середине 2011 года (более чем через 3 года после подписания)» [2, с. 36].

В Учредительном соглашении УНАСУР содержится преамбула и 28 статей (включая переходную статью):

- Статья 1. Конституция УНАСУР;
- Статья 2. Цели;
- Статья 3. Определенные цели;
- Статья 4. Органы;
- Статья 5. Институциональное развитие;
- Статья 6. Совет глав государств и правительств;
- Статья 7. Временное Президентство;
- Статья 8. Совет министров иностранных дел;
- Статья 9. Совет делегатов;
- Статья 10. Генеральный секретариат;
- Статья 11. Юридические источники;
- Статья 12. Одобрение законодательных мер;
- Статья 13. Принятие политики и создание учреждений, организаций и программ;
- Статья 14. Политический диалог;
- Статья 15. Отношения с третьими лицами;
- Статья 16. Финансирование;
- Статья 17. Парламент;
- Статья 18. Участие граждан;
- Статья 19. Ассоциативные государства;
- Статья 20. Вступление новых участников;
- Статья 21. Урегулирование спора;
- Статья 22. Привилегии и неприкосновенность;
- Статья 23. Язык;
- Статья 24. Законности и денонсирование;
- Статья 25. Поправки;

- Статья 26. Вступление в силу;
- Статья 27. Регистрация;
- Переходная статья.

Из представленного выше видно, что Учредительное соглашение УНАСУР грамотно структурировано, при этом сохранена значительная лаконичность, что может положительно влиять на практику правоприменения.

Видится целесообразным рассмотреть некоторые статьи.

Важное место занимают учредительные статьи. Так, в статье 1 «Конституция УНАСУР» определено, что государства-участники Соглашения решили учредить Союз южноамериканских наций (УНАСУР) как структуру с международной правосубъектностью.

В статье 26 «Вступление в силу» настоящее Учредительное соглашение Союза южноамериканских наций вступит в силу спустя тридцать дней после даты получения 9-й ратификационной грамоты. Ратификационные грамоты будут депонированы у Правительства Республики Эквадор, которая сообщит дату депозита в другие государства, а также сообщит дату вступления в силу этого Учредительного соглашения. Для государства-участника, которое ратифицирует Учредительное соглашение после депозита 9-й ратификационной грамоты, Соглашение вступит в силу спустя 30 дней после даты, в которую то государство внесет свою ратификационную грамоту.

Как известно, девятой страной, ратифицировавшей Учредительное соглашение УНАСУР, стала Колумбия. Колумбия ратифицировала Учредительное соглашение 28 января 2011 г. Следует отметить, что оставшиеся 3 государства (Уругвай, Парагвай, Бра-

зилия) ратифицировали Учредительное соглашение УНАСУР в течение февраля-июля того же года.

Следует обратить внимание на статью 27 «Регистрация», в соответствии с которой рассматриваемое Учредительное соглашение и его поправки будут зарегистрированы в Секретариате Организации Объединенных Наций, что подчеркивает важность создаваемой организации.

Следует рассмотреть цели и задачи созданной организации, которые определены в статье 2 «Цели» и статье 3 «Определенные цели» Учредительного соглашения УНАСУР.

В соответствии со статьей 2 «Цели», цель Союза южноамериканских наций состоит в том, чтобы построить на объединенной и согласованной основе интеграцию и союз среди его народов в культурных, социальных, экономических и политических областях, расположив по приоритетам политический диалог, социальную политику, образование, энергию, инфраструктуру, финансы и окружающую среду, среди других, в целях устранения социально-экономического неравенства, чтобы достигнуть социального включения и участия гражданского общества, в целях усиления демократии и уменьшения асимметрии в рамках укрепления суверенитета и независимости Штатов.

В статье 3 «Определенные цели» указано, что Союз южноамериканских наций имеет ряд целей, среди которых важны такие как: укрепление политического диалога среди государств-участников, гарантирующего пространство для консультаций по укреплению южноамериканской интеграции и присутствию УНАСУР на

международной арене; содержательное и равноправное социальное развитие и развитие человека в целях уничтожения бедности и преодоления неравенства в регионе; уничтожение неграмотности, универсального доступа к качественному образованию и региональному признанию курсов и названий; энергетическая интеграция для составного и устойчивого использования ресурсов региона в духе солидарности; развитие инфраструктуры для соединения региона и наших народов, основанных на стабильных социально-экономических критериях развития и др.

Очевидно, что организация имеет большой потенциал. В Учредительном соглашении определено значительное количество целей. Перед УНАСУР стоит множество важных и сложных задач, решение которых требует комплексного подхода и участия практически всех государств, расположенных на континенте.

Как отмечают юристы-международники, актуальны вопросы «разрешения международных споров в различных отраслях международного права» [1, с. 3], «развития между-

народного экологического права» [5, с. 4], «решения насущных экологических проблем» [3, с. 110–131] и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Агейченко К.В. Мирное разрешение международных споров. Современные проблемы: Монография. М.: РУДН, 2011. 307 с.
2. Галушкин А.А. К вопросу о создании Союза южноамериканских наций (УНАСУР) и работе Генерального Секретаря // Балтийский юридический журнал. 2015. № 3. С. 32–39.
3. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. 2010. Т. 1. № 77. С. 110–131.
4. Костюнина Г.М. Эволюция концепции формирования общерегиональной зоны свободной торговли в Латинской Америке // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 7. С. 11–20.
5. Солнцев А.М. Практикум по международному экологическому праву: учебное пособие. М.: РУДН, 2011. 159 с.
6. Учредительное соглашение Союза южноамериканских наций // Обзор законов и деловой обзор Америк. 2009. № 15. С. 465.

УДК 341.24:334.784(4/5)

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-12-26

Глотов С.А.*Государственная Дума Федерального Собрания РФ***Григорьев И.А.***Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции РФ по Московской области*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В 2014 г. Россия, Белоруссия и Казахстан заключили договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который затем вступил в силу. В 2015 г. к ЕАЭС присоединилась Армения и Киргизия. В статье идет речь о формирующемся праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Предлагается концепция правовой системы ЕАЭС и ее основные составляющие. Анализируется деятельность государств-членов Союза по созданию и развитию таможенного и иного законодательства. В перспективе может быть создано «парламентское измерение» ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, правовая система ЕАЭС, таможенное законодательство, евразийская интеграция.

S. Glotov*Doctor of Law, Professor**Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation***I. Grigoriev***Head of the Federal Budgetary Institution**The Russian Federal Center of Forensic Science under the Ministry of Justice
of the Russian Federation (the Moscow Region Branch)*

THE LEGAL SYSTEM OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: STATING THE PROBLEM

Abstract. In 2014 Russia, Belarus and Kazakhstan reached an agreement on the Eurasian Economic Community (EAEC) which soon came into effect. In 2015 Armenia and Kyrgyzstan joined the same organization. The article is concerned with the emerging law of the Eurasian Economic Community and proposes a concept of EAEC legal system and its main components. It reviews the measures taken by the Member States of the Community to draft and develop customs and other legislations. The authors consider parliamentarism as a possible dimension of EAEC.

Key words: the Eurasian Economic Community, EAEC legal system, customs legislation, Eurasian integration.

1. Новейшая политическая история знает немало примеров различного рода союзов¹, в том числе интеграции государств на постсоветском пространстве. Более чем двадцатилетняя практика показывает, что движение в направлении интеграции в области экономической политики, культуры, права, социальной сфере и т. д. со стороны государств может быть «разноскоростным», и сегодня на базе СНГ – ЕврАзЭС сформировалась группа государств – Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия, которые не только заявили о стремлении жить в Таможенном союзе, но и пойти дальше: иметь единое экономическое пространство (речь идет о свободном перемещении товаров, капиталов, услуг, рабочей силы, а также более тесном союзе стран), единый экономический союз.

Ранее, как известно, главами РСФСР, Белоруссии и Украины было создано Содружество Независимых Государств путем подписания в Вискулях под Брестом (Белоруссия) 8 декабря 1991 г. соглашения об СНГ. В Соглашении, в том числе, говорилось о том, что Советский Союз прекратил свое существование как субъект международного права и геополитической реальности. Затем к СНГ присоединились другие бывшие республики СССР, за исключением прибалтийских, а 21 декабря 1991 г. была принята Алма-

Атинская декларация, закрепляющая цели и принципы Содружества. Устав СНГ был принят 23 января 1993 г. 18 октября 2011 г. 8 государств (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия, Молдавия и Таджикистан) подписали Договор о зоне свободной торговли. Затем одни государства-члены СНГ пошли по пути свертывания своего участия в работе этой организации (Грузия, Туркмения, Украина), другие, наоборот, – более тесного сотрудничества, создали Евразийское экономическое сообщество (Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан и др.) [6].

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [7], призванный обеспечить экономический прогресс путем совместных действий Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (затем к ним присоединилась Республика Армения, планирует вступить Киргизская Республика), направленных на развитие стоящих перед этими странами общих задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилении конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики [12].

В своем выступлении с Посланием Федеральному Собранию РФ (2014) Президент России В.В. Путин, говоря о базовых принципах ЕАЭС, отметил: «Прежде всего, это равноправие, прагматизм и взаимное уважение. Это сохранение национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц. Убежден, что тесная кооперация станет мощным источником развития всех участников Евразийского Союза» [10].

¹ В современном мире существует 26 региональных экономических объединений: 5 экономических и валютных союзов (ЕС, Экономическое Сообщество стран Центральной Африки (ЭкоЦАС) и др.), 4 общих рынка (Евразийское экономическое пространство, Карибское сообщество и общий рынок) и др.), 6 таможенных союзов (ЕС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и др.), 11 зон свободной торговли (Африканский Союз, СНГ и др.) [1].

Действительно, все страны-участницы Евразийского экономического союза дорожат своим суверенитетом. Вместе с тем, согласно Конституциям, действующим в своих странах, они могут вступать в различные союзы. Например, в ст. 79 Конституции России говорится: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий, в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации»¹.

В ст. 8 Белорусской Конституции говорится: «Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них. Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции»².

2. Как известно, в начале пути к современному этапу интеграции был «проект» о формировании Евразийского Союза Государств (ЕАС), представленный Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в МГУ им. М.В. Ломоносова еще в марте

1994 г. [9]³. Создать ЕАС предполагалось в целях стабильности и безопасности на основе реально работающих экономических и политических связей с учетом разного уровня экономического развития, демократизации стран и т. д. Этот Союз должен был стать ответом на дезинтеграцию, кризисное состояние экономики и финансов на постсоветском пространстве. Как показала практика, на это понадобилось немало времени – почти десять лет для создания Евразийского экономического сообщества и пятнадцать лет для провозглашения Евразийского экономического союза [4; 5; 6; 7].

Между тем ранее 70 лет народы стран жили вместе в составе СССР, совместно вели хозяйственную и иную деятельность, созданный народно-хозяйственный комплекс Советского Союза демонстрировал иногда высокие темпы роста (табл. 1, 2).

Таблица 1

Рост общего объема промышленной продукции в отдельных союзных республиках СССР (1913 = 1)⁴

Республика	1940	1960	1977
СССР	7,7	40	145
РСФСР	8,7	43	144
Украинская ССР	7,3	27	95
Белорусская ССР	8,1	34	192
Казахская ССР	7,8	57	223
Киргизская ССР	9,9	61	311
Таджикская ССР	8,8	38	131
Армянская ССР	8,7	68	311

¹ Не следует забывать и о том, что Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., принятая Первым Съездом народных депутатов РСФСР, содержит ст. 6: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика объединяется с другими республиками в союз на основе договора...». Торжественно провозглашая государственный суверенитет, Декларация также констатировала решимость создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

² См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2013.

³ Сама идеология евразийства активно формировалась более 100 лет назад при участии Н.С. Трубецкого, П. Савицкого, Н. Алексеева, Л. Красавина, Л. Гумилева, Г. Вернадского и других ученых, писателей, практиков.

⁴ См. подробно: СССР. Энциклопедический справочник / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 207-245.

Несложно заметить, что уже в 90-е годы будущие участники ЕАЭС развивались достаточно динамично (табл. 1, 2, 3).

Таблица 2

Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, по некоторым союзным республикам СССР (млрд. руб.)

Республика	1940	1977
СССР	18,0	230,6
РСФСР	11,7	133,5
Украинская ССР	3,2	40,4
Белорусская ССР	0,5	8,2
Казахская ССР	0,4	11,0
Киргизская ССР	0,1	2,2
Таджикская ССР	0,1	1,9
Армянская ССР	0,1	2,1

3. Кратко основные вехи интеграции в рамках Евразийского пространства можно представить следующим образом:

Основные этапы экономической интеграции в рамках Евразийского Экономического Сообщества – ЕврАзЭС [1; 3; 13]

10.10.2000	Подписание Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (5 стран – Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан)	Формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства
06.10.2007	Принятие решения о создании ТС Учреждение наднационального органа – Комиссии Таможенного союза	Создание Таможенного союза трех государств – РБ, РК и РФ
01.07.2011	Завершение формирования Таможенного союза РБ, РК и РФ	ФС РФ ратифицировало 42 документа из 51, составляющих правовую базу ТС
09.12.2010	Подписание документов, формирующих Единое экономическое пространство (ЕЭП) . Вступление в силу документов (3 страны)	Начало функционирования ЕЭП
01.01.2012	Разработка и подписание 55 документов, реализация более 70 мероприятий правительств сторон (3 страны)	Обеспечение полноформатного функционирования ЕЭП
2011 -2015	Договор о создании Евразийского экономического союза (подписан 29 мая 2014 года в Астане, вступил в силу 1 января 2015 года)	Определение этапов и сроков создания экономического союза, порядка его работы

Таблица 3

Показатели численности населения, размера ВВП, уровня инфляции, безработицы и торгового баланса в России, Белоруссии и Казахстане

Страны	Население, млн. человек	Размер реального ВВП, млрд. долларов США	Размер ВВП на душу населения, тыс. долларов США	Инфляция, %	Уровень безработицы, %	Торговый баланс, млрд. долларов США
Россия	142.5	2113.0	14.8	6.8	5.8	174.0
Белоруссия	9.6	69.2	7.2	19.0	0.0	-3.1
Казахстан	17.7	224.9	12.7	5.8	5.3	35.2

Таким образом, к 1 января 2015 г. стал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС), занимающий восьмое место в мире по численности населения – 176 252 830 человек, первое по территории – 20 229 248 км², пятое по валовому внутреннему продукту (ВВП (ППС)) – 4 077,1 млрд. дол. США (по данным МВФ). ЕАЭС стал международной организацией экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Как отмечалось выше, в ней обеспечивается свободное передвижение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, проводится скоординированная (общая) экономическая политика государств-участников [14].

В соответствии с Декларацией о евразийской экономической интеграции (от 18.11.2011) [4] к 1 января 2015 г. была завершена кодификация международных договоров, созданы правовые основы (нормативная база) ЕАЭС, проведены следующие мероприятия:

- осуществлена балансировка (согласование) макроэкономической, бюджетной и конкурентной политики;
- проведены некоторые реформы рынка труда, капиталов, товаров и услуг;
- продолжено создание евразийских сетей в сферах энергетики, транспорта и телекоммуникаций;

– реализовывался потенциал Таможенного союза и Единого экономического пространства.

23 января 2015 г. Государственная Дума ФС РФ приняла (затем Президент РФ подписал) Федеральный закон 3 февраля 2015 г. № 1-ФЗ «О ратификации Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества», в связи с началом работы Евразийского экономического союза.

4. В рамках ЕЭП должны функционировать однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах, гармонизации и унификации норм и права. В рамках Единого экономического пространства России – Белоруссии – Казахстана были приняты документы, обеспечивающие:

- а) свободу передвижения рабочей силы:
 - Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств;
 - Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей;
- б) свободу движения услуг: Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах-участниках ЕЭП;
- в) свободу движения капитала:
 - Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала;
 - Соглашение о свободных принципах валютной политики;

г) согласованную экономическую политику:

- Соглашение о согласованной макроэкономической политике;
- Соглашение о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий;
- Соглашение о порядке организации управления, функционирования и развития общего рынка нефти и нефтепродуктов РБ, РК и РФ;
- Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции и др.

В течение 2011 г. был принят пакет из 17 базовых соглашений по созданию Единого экономического пространства. Эти соглашения вступили в силу в 2012 г., что означает начало работы ЕЭП в составе РБ – РК – РФ.

В период 2011–2015 гг. приняты еще 13 международных договоров и более 40 других документов (протоколов, методик и т. п.) для функционирования ЕЭП.

Результатом этих и иных интеграционных действий должен стать экономический рост.

Таблица 4

Интеграционный эффект от создания ЕЭП¹

	Динамика ВВП (2011 г.=1,0)			ВВП (млрд. долл. США) 2011 г.		
Отсутствие ЕЭП						
	2015	2020	2030	2015	2020	2030
Россия	1.25	1.60	2.47	2380.3	3809.0	9411.1
Беларусь	1.18	1.37	1.77	65.3	89.4	157.9
Казахстан	1.19	1.51	2.36	224.0	338.5	797.6
Создание ЕЭП						
	2015	2020	2030	2015	2020	2030
Россия	1.27	1.62	2.53	2411	3905	9890
Беларусь	1.23	1.44	3.23	67.8	97.4	314.3
Казахстан	1.22	1.53	2.63	229.5	350.8	921.1
ИТОГО				38.65	116.76	758.96

¹ Источник – расчеты ИНП РАН.

Как показывают проведенные расчеты, создание ЕЭП в составе трех стран дает суммарный интегральный эффект к 2030 г. свыше 750 млрд. дол. США в ценах 2011 г. (табл. 4). Наиболее значительными интеграционными процессами являются для Белоруссии, чей ВВП к 2030 г. окажется в 3,2 раза выше уровня 2011 г., по сравнению с ростом в 1,7 раза в сценарии отсутствия интеграции. Суммарный выигрыш Казахстана от создания Единого экономического пространства, а затем и Евразийского экономического союза оценивается в период 2011–2030 гг. свыше 120 млрд. дол. в ценах 2011 г., а Россия к 2030 г. обеспечивает дополнительный прирост ВВП чуть менее 500 млрд. дол.

Уже в 2010 г. объем взаимной торговли в рамках Таможенного союза увеличился на 25,6 %, в 2011 г. этот прирост составил 35 % [1, с. 182–183, с. 190–193].

Одним из ключевых факторов евразийской интеграции выступает формирование ее договорно-правовой базы, включая, конечно, Таможенный союз (ТС) [4; 5; 6; 7; 8; 14; 15; 16]. Непосредственное формирование и развитие международно-правовой базы ТС началось с 2007 года, когда Межгосударственный совет ЕврАзЭС (РБ – КР – РФ) был наделен статусом Высшего органа Таможенного союза – постоянно действующего регулирующего органа, хотя соглашения о Таможенном Союзе принимались 6 января и 20 января 1995 г., а 26 февраля 1999 г. был заключен Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве.

Разработчики идеи и практики создания ЕАЭС двигались от «ре-

жима свободной торговли» (отмена таможенных пошлин и других ограничительных мер в торговле товарами, произведенными на территории государств-членов) к «таможенному союзу» (создание единой таможенной территории, в пределах которой обеспечивается свободное движение товаров, как произведенных на данной территории, так и ввезенных из третьих стран и выпущенных в свободное обращение) и «единому экономическому пространству» (свободное перемещение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы), а затем и к единому экономическому союзу.

Правовые документы Таможенного союза – Единого экономического пространства – Евразийского экономического сообщества – Евразийского экономического союза весьма объемны по своему содержанию и сложны в понимании (табл. 5).

Примерами могут служить Единый таможенный тариф Таможенного союза РБ – РК – РФ, утвержденный Решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) от 27 ноября 2009 г. № 18 и Решением Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130 (с последующими изменениями и дополнениями) [8].

Речь идет о своде ставок таможенных пошлин, применяемых к тарифам, вводимым на Единой таможенной территории трех стран, систематизированных в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (в «книжном варианте» он занимает 760 страниц).

Единый таможенный тариф Таможенного союза включает 21 раздел,

в том числе раздел I «Живые животные: продукты животного происхождения», раздел II «Продукты растительного происхождения», раздел III «Жиры и масла», раздел IV «Готовые пищевые продукты, алкоголь и табак», раздел V «Минеральные продукты», и замыкает его раздел XXI – «Произведения искусства, предметы коллекционирования и антиквариата» [8].

Основой правовой системы таможенного регулирования на таможенной территории ТС является Таможенный кодекс ТС [16], договор о котором был подписан главами государств-членов ТС 27 ноября 2009 г. Кодекс состоит из двух частей (общей и специальной), включает 8 разделов, 50 глав и 372 статьи. Нормы Кодекса устанавливают на таможенной территории ТС:

- единые правила таможенного контроля;
- единые правила декларирования товаров;
- единый порядок применения таможенных процедур к товарам;
- единую методологию определения таможенной стоимости;
- унифицированные формы документов, используемых при осуществлении таможенных операций и проведении таможенного контроля.

В настоящее время данный кодекс перерабатывается.

В целом, право ЕАЭС составляют целый ряд документов, основополагающим из которых является договор о Евразийском экономическом союзе.

Право ЕАЭС составляют:

- Договор о ЕАЭС;
- международные договоры, заключенные в рамках Союза;
- международные договоры ЕАЭС с третьими странами;

– решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии;

– приоритет в разрешении противоречий принадлежит Договору о ЕАЭС;

– решения высших органов ЕАЭС исполняются государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальными законодательствами.

В целом, в процессе разработки права и практики Таможенного союза – ЕврАзЭС – ЕАЭС использовался как опыт правового регулирования в рамках Европейского Союза, так и ВТО, СНГ, других международных организаций, в целом международного права [2; 11; 17].

Так, в праве ЕС интерес по-прежнему будут представлять такие разделы (компоненты), как: а) право внутреннего рынка Европейского сообщества; б) общий таможенный тариф Европейского Сообщества; в) антимонопольная политика и право конкуренции ЕС; г) правовое регулирование юридических лиц (корпоративное право ЕС); д) правовое регулирование экономического и валютного союза; е) правовые основы финансирования системы ЕС; ж) налоговое право Европейского союза; з) правовые основы транспортной политики и транспортного законодательства ЕС; и) правовое регулирование.

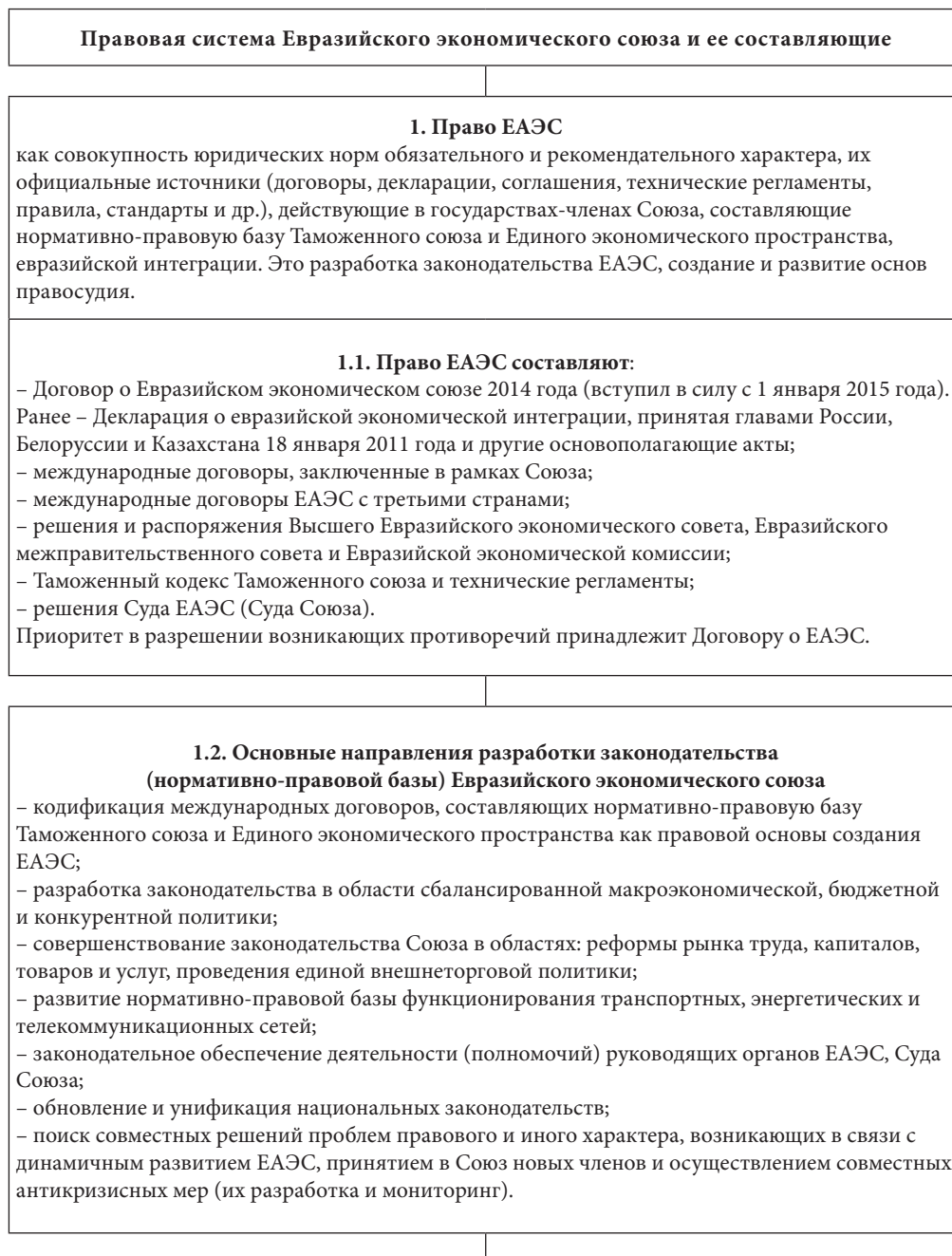
Таблица 5

Формирование договорно-правовой базы Таможенного союза

Октябрь 2007 г.	4 Договора (на уровне глав государств): – условия создания и статус ТС; – институциональная структура ТС; – механизм присоединения членов ЕврАзЭС
Январь 2008 г.	9 Договоров (на уровне глав правительств): – установление единого регулирования торговли с третьими странами; – унификация таможенного администрирования; – передача Комиссии ТС полномочий по регулированию внешнеторговой деятельности
Декабрь 2008 г.	16 Договоров (на уровне глав правительств): – вопросы таможенно-тарифного регулирования; – таможенное администрирование
2009–2010 гг.	Продолжение формирования правовой базы ТС. Принято 42 договора, 14 из которых вступили в силу, в том числе: – Таможенный кодекс (вступил в силу 1 июля 2010 г.); – о нетарифном регулировании; – о техническом регулировании; – по вопросам налогообложения

5. Правовая система АЕЭС, по мнению авторов, может выглядеть следующим образом:

Схема 1.

1.3. Учет специфических особенностей развития законодательства

– в Таможенном союзе РБ – РК – РФ (Таможенный кодекс ТС) необходимо унифицировались не только таможенное законодательство, но и иные виды законодательства – гражданское, банковское, налоговое, которые остались до настоящего времени исключительно национальными;

– сложности, связанные с делегированием на наднациональный уровень таких функций, как: ведение торговой политики и единого таможенного тарифа, таможенного регулирования; унификация таможенного режима; ведение переговоров с внешними партнерами, введение и применение защитных мер, нетарифных ограничений во внешней торговле; введение единой системы ветеринарного, санитарного и фитосанитарного контроля;

– проблемные вопросы гармонизации функций, остающихся в ведении национальных органов; разработка проблематики проведения единой внешнеторговой политики, включая:

– создание общего рынка товаров (в том числе устранение барьеров и ограничений для доступа к нему);

– переход к расчетам в национальных валютах, создание в перспективе единой валюты и развитие законодательства о валютном регулировании и валютном контроле;

– совершенствование налогового законодательства (в том числе области косвенных налогов), законодательства об экспортном контроле;

– развитие законодательства о таможенной службе;

– совершенствование уголовного и административного законодательства в области правонарушений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, и др.

1.4. Открытие новых направлений в развитии законодательства (сфер деятельности) ЕАЭС

в первую очередь, в сфере гуманитарного, человеческого измерения, прав и свобод человека, развития образования, науки и культуры, социальной сферы, социального обеспечения и обслуживания населения.

2. Юридическая практика

деятельности политико-правовых институтов ЕврАзЭС – ЕАЭС в области экономических интеграционных процессов на евразийском пространстве, а затем и в других сферах.

2.1. Учет особенностей нормотворческого процесса на постсоветском пространстве

Например, принятие в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) пакета из 22 международных договоров, формирующих основы договорно-правовой базы Таможенного союза (ТС), имеющих отложенный статус (отложенный характер введения в действие). Договоры вводили в действие отдельными решениями высшего исполнительного органа – Межгоссовета ЕврАзЭС (РБ – РК – РФ – Киргизия – Таджикистан):

– создание Таможенного союза (2008-2011) в рамках Евразийского экономического сообщества, реализация Договора о создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза (2007), Договора о Комиссии ТС и Протокола о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, учет в законотворческой и практической работе нормативной базы ВТО;

– принятие в 2007 году Таможенного кодекса Таможенного союза и начало его применения с 1 июля 2010 года, утверждение в декабре 2009 г. Единого таможенного тарифа Таможенного Союза (РБ – РК – РФ) (ЕТТ) (с последующими дополнениями);

– формирование Единой таможенной территории:

а) 01.01.2010 – введение Единого таможенно-тарифного и нетарифного регулирования (отмена таможенного оформления товаров во взаимной торговле РБ – РК – РФ);

б) 01.07.2010 – введение механизма зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин;

в) 01.02.2011 – перенос контроля на внешнюю границу РБ, введение в действие Таможенного кодекса Таможенного союза; перенос таможенного контроля на внешнюю границу РК.

Из 52 международных договоров ТС вступили в силу и применялись 43 (7 утратили актуальность).

2.2. Реализация и создание новых целевых программ ЕврАзЭС – ЕАЭС:

- инновационные биотехнологии (2010–2015);
- создание автоматизированной информационной системы контроля таможенного транзита государств-членов ЕврАзЭС (2010–2014);
- рекультивация территорий государств-членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств (2013–2016);
- создание системы информационного и методического обеспечения единого порядка экспортного контроля государств-членов ЕврАзЭС (2013–2016);
- укрепление и обустройство внешних границ государств-членов ЕврАзЭС (2013–2015); «Здоровье народов ЕврАзЭС» (с 2011 г.);
- Евразийская стратегическая программа развития электронных технологий на 2014–2018 гг.;
- создание Центра высоких технологий ЕврАзЭС (2009) и Антикризисного фонда ЕврАзЭС (2009), а также создание Центра высоких технологий и антикризисного фонда.

2.3. Евразийская интеграция до недавнего времени (2015 г.) носила чисто экономической характер, тем самым определяя границы делегирования национального суверенитета на наднациональный уровень. Компетенция наднационального органа (Комиссии Таможенного союза – Евразийского экономического сообщества – ЕАЭС) ограничивалась вопросами: а) торговой политики; б) таможенного, технического, антимонопольного регулирования; в) санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля; г) таможенной статистики. Государства-члены Союза самостоятельны в вопросах денежной политики, согласовании макроэкономической политики, гармонизации вопросов налогового и финансового регулирования.

– Со вступлением в силу Договора о ЕАЭС (с 1 января 2015 г.), а также в целях дальнейшего развития государств-членов Союза возможно и целесообразно расширение как границ экономической интеграции, так и ее направлений (новых сфер), в том числе в направлении гуманитарного сотрудничества, более полного развития человеческого потенциала.

– Продолжение работы по совершенствованию действующего законодательства (нормативно-правовой базы) в рамках ЕАЭС, в том числе работа над новой редакцией Таможенного кодекса (Таможенный кодекс ЕАЭС) с учетом изменений в финансовой сфере, на рынке труда, в торговых отношениях (деловом обороте). Предстоит до конца 2015 г. осуществить имплементацию в него положений 16 новых международных договоров, регулирующих таможенные правоотношения и 6 проектов международных договоров (в том числе с учетом Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли от 11 декабря 2013 г.)¹, развития современных информационных технологий и создания «единого окна» для подачи документов.

– Следует также учитывать, что ранее (18 октября 2011 г.) главы правительств стран СНГ подписали многосторонний договор о зоне свободной торговли, который заменил около 110 действовавших на тот момент двусторонних соглашений о взаимной торговле. Договор вступил в силу 20 декабря 2012 г. и начал действовать в отношениях между РБ, РФ, Украиной, Арменией, Молдовой и Казахстаном (подписали договор также Киргизия, Таджикистан, Узбекистан; Азербайджан и Туркмения оставили за собой право присоединиться к этому Договору).

Конечно, на пути к эффективно-му функционированию Евразийского экономического союза еще предстоит решить множество проблем и вопросов, однако вектор движения – по пути экономической интеграции, к росту благосостояния людей (например, будет определена единая валюта Союза).

Возможно, что в скором времени движение на этом пути будет допол-

нено и парламентским объединением, будет создан парламент ЕАЭС.

Возможно, появится Счетная палата и другие органы. Сам Союз уделит больше внимания социальной проблематике, вопросам сотрудничества в области науки, образования и культуры.

Идея евразийской интеграции (ре-интеграции на постсоветском пространстве) поддерживается жителями многих бывших союзных республик.

Таблица 6

**Результаты ответов жителей разных стран в пользу объединения
Беларуси, Казахстана и России в Таможенный союз (в процентах)**

Страна	2012	2013
Россия	72 %	67 %
Беларусь	60 %	65 %
Казахстан	80 %	73 %
Армения	61 %	67 %
Азербайджан	38 %	37 %
Киргизия	67 %	72 %
Молдова	65 %	54 %
Таджикистан	76 %	75 %
Узбекистан	67 %	77 %
Грузия	30 %	59 %
Туркменистан	–	50 %
Украина	57 %	50 %

Начиная с 2012 г. Евразийский банк развития (создан в России и Казахстане) проводит регулярный опрос мнения жителей отдельных государств в отношении евразийских интеграционных проектов. Следующий вопрос был задан жителям отдельных стран: «Беларусь, Казахстан и Россия объединились в Таможенный союз, который освободил торговлю между тремя странами от пошлин, и создали Единое экономическое пространство (по сути – единый рынок трех стран).

¹ Так, ст. 1 Соглашения по упрощению процедур торговли (2013 г., ВТО) требует, чтобы каждый член ВТО в легкодоступной форме публиковал и информировал правительства стран и предпринимателей о: а) импортных, экспортных и транзитных процедурах, необходимых формах и документах; б) любых видах применяемых ставок пошлин и налогов в связи с импортом и экспортом; в) сборах и пошлинах, налагаемых Правительством страны; г) правилах и оценки стоимости товара для таможенных целей и т. д.

Как Вы относитесь к этому решению?»

Результаты ответов суммарно «выгодно» и «очень выгодно» приведены в табл. 6¹:

Как видно, идея создания Таможенного союза и Евразийского экономического пространства в целом одобряется и выглядит «выгодной» в глазах большинства населения, практически всех, за исключением Азербайджана, стран СНГ, и даже в Грузии.

На это есть разная реакция. Так, США в своей внешней политике выступают против Таможенного союза и ЕАЭС, утверждая, что это является попыткой восстановить доминирование России на постсоветском пространстве и создать союз наподобие СССР. Однако это не пугает ни руководство, ни граждан стран ЕАЭС.

Схема 2.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью. (Ст. 1 Договора о ЕАЭС)	
Союз заключен 29 мая 2014 года в г. Астане (Казахстан).	
В рамках ЕАЭС обеспечивается:	
1. Свобода движения капиталов, товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.	2. Проведение скоординированной согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза.
3. Реализация: а) общепризнанных принципов международного права; б) уважение особенностей политического устройства стран-участниц; в) взаимовыгодное сотрудничество, учет национальных интересов; г) соблюдение конкуренции стран и принципов рыночной экономики; д) функционирование Таможенного союза без изъятий и ограничений (ст. 3 Договора о ЕАЭС).	

Евразийский экономический союз действует с 1 января 2015 года.	
Цели ЕАЭС:	
– создание условий для собственного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; – формирование единого рынка товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов в рамках Союза; – всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4 Договора о ЕАЭС).	
Право ЕАЭС составляют:	
– Договор о ЕАЭС; – международные договоры, заключенные в рамках Союза; – международные договоры ЕАЭС с третьими странами; – решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; – приоритет в разрешении противоречий принадлежит Договору о ЕАЭС; – решения высших органов ЕАЭС исполняются государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальными законодательствами.	

Руководящие органы ЕАЭС (ст. 8 Договора о ЕАЭС)	
Высший Евразийский экономический совет (Высший совет) – входят главы государств	Евразийский межправительственный совет (Межправительственный совет) – состоит из глав правительств
Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК) – постоянно действующий регулирующий орган Союза, его правительств. Место пребывания – г. Минск.	Суд Евразийского экономического союза (Суд Союза) – постоянно действующий судебный орган. Заседает в г. Минске.

¹ Источник: Википедия (Свободная энциклопедия) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таможенный_союз_ЕАЭС (дата обращения: 10.09.2015).

В рамках ЕАЭС действуют (проводятся):	
группа ревизоров для осуществления контроля за исполнением бюджета Союза	группа инспекторов, осуществляющих внешний аудит (контроль) за формированием, управлением и расходованием средств бюджета Союза
проводятся мероприятия по сбору и обработке статистической информации	

В рамках ЕАЭС функционируют:	
1. Таможенный союз	
– внутренний рынок товаров; – единый таможенный тариф ЕАЭС; – меры регулирования внешней торговли с третьими странами; – единое таможенное регулирование; – перемещение товаров внутри ЕАЭС без таможенного дискриминирования и госконтроля (в т.ч. транспортного, санитарного, ветеринарного и др.).	
2. Свободные (специальные, особые) экономические зоны и свободные склады для развития производства, туризма, транспорта и т. д.	
3. Внутренний рынок и свободное движение товаров, капиталов, услуг, лиц, и запрет на вывозные таможенные пошлины, платы, сборы, меры не территориального регулирования и антидемпинговые меры.	

Договор о Евразийском экономическом союзе, регулирует вопросы:	
создания руководящих органов Союза, общий порядок их деятельности, компетенцию;	формирование бюджета Союза и контроля за его использованием;
функционирование Таможенного союза, создания свободных (специальных) экономических зон;	регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий;
судебной деятельности, работы Суда ЕАЭС;	таможенного регулирования;
текущего регулирования (технические регламенты и т.д.);	внешней политики Союза, режимов наибольшего благоприятствования и свободной торговли (тарифные преференции и регулирование);
санитарного, ветеринарного и т.п. контроля;	защиты прав потребителей;
единого экономического пространства, включая согласованную макроэкономическую политику, валютную политику, торговлю услугами, привлечение инвестиций и т.п.;	административного сотрудничества между компетентными органами государств-членов;
	финансовых рынков;
	налогов и налогообложения;
установление общих принципов и правил конкуренции, в том числе государственного ценового регулирования;	деятельности естественных монополий;
скоординированной транспортной политики;	взаимодействия государств-членов в сфере энергетики, формирования общего энергетического рынка Союза;
закупок для государственных и муниципальных нужд;	
интеллектуальной собственности;	скоординированной (согласованной) агропромышленной политики, поддержки сельского хозяйства со стороны государства;
промышленной политики;	переходных и заключительных положений статуса русского языка как рабочего языка Союза;
сотрудничества в сфере трудовой миграции, прав и обязанностей работодателей, трудящихся;	
статуса государств-наблюдателей Союза;	
разрешения споров через консультации и переговоры и порядок выхода из Договора о ЕАЭС;	порядка опубликования актов ЕАЭС и действия приложений к Договору о ЕАЭС (всего 38).

ЛИТЕРАТУРА:

1. С.Ю. Глазьев, В.И. Чушкин, С.П. Ткачук. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного сотрудничества. М.: ООО ВИКТОР МЕДИА, 2013. 240 с.
2. Плотов С.А. Право Европейского союза в редакции Лиссабонского договора: учебное пособие. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010. 452 с.
3. Плотов С.А. Экономическая и политическая интеграция на постсоветском пространстве: от СНГ к ЕвразЭС и АЕЭС // Сб. тр. Московского нового юридического института. Вып. 7. / Отв. ред. В.И. Дюкарев. М.: Изд-во МНЮИ, 2015. С. 154–260.
4. Декларация о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения: 10.09.2015).
5. Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, 9 декабря 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/802> (дата обращения: 10.09.2015).
6. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., г. Астана. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iecp.ru/docs/agreements/5rus-evr.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).
7. Договор о Евразийском экономическом союзе, 29 мая 2014 г., г. Астана. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70670880/> (дата обращения: 10.09.2015).
8. Единый таможенный тариф Таможенного союза. М.: Проспект, 2010. 760 с.
9. Назарбаев Н.А. Проект о формировании Евразийского союза государств // Независимая газета. 1994. 8 июня.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [официальный сайт]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_law_171774/ (дата обращения: 10.09.2015).
11. Право Европейского Союза: учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист; Высшее образование, 2010. 1119 с.
12. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.
13. Регулирование внешней торговли Таможенного союза в рамках ЕвразЭС: учебное пособие / Под общ. ред. С.Ю. Глазьева и Т.А. Мансурова. М.: Митель-пресс, 2011. 416 с.
14. Сборник нормативных правовых актов в сфере трудовой миграции государств-участников Договора о создании Союзного государства. Минск: БЕЛТА, 2009. 352 с.
15. Статут Суда Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31565800 (дата обращения: 10.09.2015).
16. Таможенный кодекс Таможенного союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12171455/#help> (дата обращения: 10.09.2015).
17. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник / В.Л. Толстых. М.: Волтерс Клувер, 2010. 1056 с.

УДК 37.014.15

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-27-38

Певцова Е.А.*Московский государственный областной университет*

О ЮРИДИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

Аннотация. В статье раскрываются особенности процесса юридического толкования правовых норм педагогического содержания. Автор указывает на необходимость использования в современных нормативных актах однозначных трактовок, обозначающих педагогическую деятельность, учета доктринальных концепций, раскрывающих суть педагогического взаимодействия участников образовательных отношений. Официальное юридическое толкование педагогических терминов рассматривается как особая правопедагогическая деятельность, осуществлять которую должны специально подготовленные профессионалы.

Ключевые слова: толкование права, правопедагогическая деятельность, официальное толкование нормативных актов.

Ye. Pevtsova*Moscow State Regional University*

ON LEGAL INTERPRETATION OF PEDAGOGICAL STRUCTURES USED IN NORMATIVE LEGAL ACTS

Abstract. The article describes the features of the process of interpretation of legal structures with pedagogical content. The author argues for the need of unambiguous treatment of educational activity in modern regulations, taking into account the doctrinal concepts, revealing the essence of pedagogical interaction of the participants of educational relationships. The official interpretation of pedagogical terms is considered a special legal pedagogical activity which should be implemented by experts.

Keywords: interpretation of the law, legal pedagogical activity, official interpretation of regulations.

С самых давних времен интерпретационная деятельность юристов вызывала большой интерес в научной среде. В эпоху древности такие функции выполняли жрецы, понтифики, а затем и профессиональные юристы, чей авторитет был непререкаем, а пояснения законов, высказываемые в

устной беседе, становились прямым руководством к действию в различных юридических спорах и ситуациях. Вспомним о том, что юристы древности ассоциировали свою деятельность исключительно с процессом толкования права. «Ita in civitate nostra aut lege, id est lege, constituitur, aut est proprium ius civile, quod sine scripto in sola pru-

dentium interpretatione consistit» (D. 1. 2. 2. 12. Pomponius) / «Так и в нашем государстве [правосудие] строится или на основании права, т.е. писаного закона, или действует собственное гражданское право, которое устанавливается без записи, одним толкованием знатоков права» [18]. В словах, которые высказал известный римский юрист II века Помпоний, подчеркнута творческая роль римского толкования законов и его большое значение как источника права.

Доподлинно известно, что именно посредством толкования XII таблиц были выработаны институты эмансипации (освобождения) детей от отцовской власти, наследования по закону. На основе интерпретационной деятельности развилась большая часть институтов гражданского права, которые, пройдя сквозь столетия, оказались весьма современными и востребованными в условиях рыночной экономики стран мира.

Немалое внимание толкованию права уделяли юристы и в последующие периоды истории, в том числе в XIX–XX вв. Вспомним о том, что даже известный русско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин отмечал важность процесса толкования права и законов. В своих сочинениях он указывал, что «когда закон точен и ясен, тогда не возможны его различные толкования, каждый может легко определить чего хочет закон»¹.

Но был и такой период в истории права, когда толкование воспринималось как ненужное и вредное занятие, позволяющее толкователю исказить

истинное содержание закона. Так, например, известен факт о том, что в Баварии после издания Уголовного кодекса 1813 г. король запретил писать какие-либо толкования этого нормативного акта. Таким образом, руководитель государства пытался обезопасить общество от неверного пояснения норм права.

Толкованием права и законов занимались активно и в советский период отечественной истории. Так, например, П.Е. Недбайло [5] указывал, что толкование есть часть проблемы претворения в жизнь норм права, а толкование советских законов направлено на разъяснение государственной воли советского народа.

Прошли годы, и современные законы по-прежнему нуждаются в интерпретации. И вызвано это не только субъективными потребностями человека, но и многочисленными объективными факторами быстротечного течения общественной жизни людей.

Толкование права – это особая мыслительная деятельность личности, которая является необходимой для верного и единообразного понимания сущности права и его использования в реальной жизни. Традиционно в зависимости от субъектов, толкующих право, выделяют официальное и неофициальное толкование. При этом официальное толкование влечет за собой юридически значимые последствия и помогает участникам правовых отношений принять правильные решения, соответствующие воле закона.

Особую актуальность в последние годы приобрела проблема юридического толкования педагогических конструкций, которые использует за-

¹ Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. The crisis of our age / Питирим Сорокин. М.: ИСПИ РАН, 2009.

конодатель в нормативных правовых актах [3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 17]. Потребность в толковании педагогических конструкций обусловлена существованием неоднозначных подходов ученых к правопедагогической деятельности. К настоящему времени не вполне сформировался и профессиональный педагогико-юридический язык, используемый учеными и специалистами, работающими в сфере юридической педагогики и педагогической юриспруденции.

В большинстве случаев педагогические конструкции используются в нормативных актах, регулирующих образовательные отношения. Однако обнаружившиеся увеличение юридических коллизий, пробелов в образовательном праве, несоответствие новых нормативных актов принципам права, реформаторских подходов условиям правовой действительности предъявляют особые требования к процессу юридического толкования педагогических конструкций. При этом следует учитывать ряд обстоятельств: во-первых, образовательные отношения являются наиболее распространенными и не минуют практически ни одного человека, проживающего в нашей стране; во-вторых, используемые законодателями педагогические конструкции не всегда однозначно определены в рамках доктринального подхода, что приводит к сложностям в их толковании как для себя, так и для других участников образовательных правоотношений. Для примера обратимся к недалекому прошлому.

Еще в середине и во второй половине XX столетия развернулась дискуссия по вопросу о соотношении понятий «правовое воспитание» и

«правовое обучение», которые довольно часто используются в нормативных актах образовательного права. А.И. Долгова рассматривала правовое просвещение, правовую пропаганду и правовое обучение как составные части процесса правового воспитания [2]. Г.П. Давыдов и В.М. Обухов считали, что правовое обучение как процесс формирования правовых знаний и умений имеет самостоятельное значение¹. По их мнению, правовое обучение может и должно создавать основу для решения задач правового воспитания – формирование правовых взглядов, правовых чувств, убеждений, установок и опыта как компонентов правосознания и правовой культуры².

В начале XXI столетия средством правового воспитания в научной литературе стало рассматриваться, в первую очередь, правовое обучение. Но с точки зрения содержательного аспекта воспитания правовое обучение – это форма правового воспитания. В этом смысле **правовое обучение** – это «способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания»³. Такой подход позволяет утверждать, что это теоретико-познавательная деятельность, заключающаяся в передаче

¹ См.: Давыдов Г.П., Обухов В.М. Правовое воспитание в системе работы школы. М., 1976.

² См.: Давыдов Г.П. Основы правового воспитания учащихся общеобразовательной школы : автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1984; Задания для самостоятельной работы по курсу «Основы советского государства и права». Пособие для учителя // А.Ф. Никитин, В.М. Обухов, Я.В. Соколов и др. М., 1987.

³ См.: Приказ МО РФ от 9 марта 2004 г. «О введении в действие федерального компонента государственного образовательного стандарта» // Стандарты общего образования. М.: Дрофа, 2004.

специального объема знаний объектам воздействия, а также в формировании умений и навыков использования ими полученных знаний в реальной действительности, оценки права и его институтов. Целью правового обучения является формирование правового сознания и правовой культуры, обеспечение необходимого уровня систематизации знаний о праве, развитие правовых интересов, чувств, правового мышления, формирование научно-правового мировоззрения.

Для преодоления коллизий доктринального характера законодатель вводит комплекс дефинитивных норм в нормативный акт, который позволяет «договориться» изначально о понимании сущности педагогических конструкций. В качестве примера можно указать статью 2 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) [16]. В ней закреплено, что «для целей Федерального закона применяются следующие основные понятия:

1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;

2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства;

3) обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни;

4) уровень образования – завершенный цикл образования, характеризующийся определенной единой совокупностью требований;

9) образовательная программа – комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий и в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, форм аттестации, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, а также оценочных и методических материалов;

12) профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволя-

ющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности;

13) профессиональное обучение – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий);

14) дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования;

15) обучающийся – физическое лицо, осваивающее образовательную программу;

16) обучающийся с ограниченными возможностями здоровья – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий;

17) образовательная деятельность – деятельность по реализации образовательных программ» [16].

Дефинируя образование, законодатель указывает на широкий контекст его сути, важность формирования знаний и компетенций наряду с воспитанием личности. Положительным является тот факт, что знаниям, как базе для развития личности, оказывается уважение. Вместе с тем, анализ исполь-

зования педагогических конструкций в нормативных актах последних лет позволяет сделать вывод о некотором невнимании законодателя и, бесспорно, толкователя к процессу правового воспитания, призванному обеспечить высокий уровень правовой культуры населения, а в конечном итоге и качество правоприменительной, правотворческой и интерпретационной деятельности. Так, например, в ведущих федеральных законах, подзаконных актах, регулирующих образование, правовое образование не выделяется как самостоятельный вид педагогической деятельности.

Реализация Указа Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [15] потребовала более детального уяснения и разъяснения понимания таких конструкций, как технологии социальной работы, педагогические технологии. В этом нормативном правовом акте поставлена задача «обеспечения для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения; формирования новой общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, законопослушное поведение» [15]. Важно, чтобы в рамках воспитания, с учетом толкования указанных норм, достойное место было найдено и правовому воспитанию.

До сих пор не нашли своего нормативного закрепления и выдвинутые в ряде научных работ цели правовоспитательной деятельности: ближайшая – формирование правовой компетентности, прочной системы правовых знаний, промежуточная – формиро-

вание правовой убежденности, завершающая – формирование мотивов и привычек правомерного поведения¹. В данном случае под **правовой компетентностью** понимается возможность использовать эффективно правовые знания в процессе реализации права для достижения результата, предусмотренного нормой права. Эффективность правовой деятельности субъекта права в данном случае определяется результативностью в достижении целей.

В нормативных актах начала столетия правовое обучение по-прежнему нередко отождествлялось с правовым информированием, что нашло закрепление в нормативных правовых актах (например, школьникам предлагалось усвоить определенный объем информации на каждом этапе обучения). Действительно, обучение воздействует на когнитивно-рациональную сферу личности, но не может быть результативно вне эмоционально-волевой деятельности несовершеннолетнего. Недооценка этого приводит к потере структурообразующего элемента правового воспитания – направленности.

Кроме того, воспитание есть часть социальной технологии и может быть использовано по-разному – в зависимости от целей субъекта социального управления. Правовое воспитание призвано, с одной стороны, транслировать нормы правовой культуры, закрепляя при этом выработанные механизмы защиты прав и интересов личности. С другой стороны, оно передает воспитуемому желаемые для властвующего субъекта направления и нормы деятельности как необходимые.

¹ Этот аспект проблемы прописан в ряде исследований на теоретическом уровне, без разработки механизма реализации. См.: [1, с. 26].

Чем сильнее расхождение последнего предназначения с первым, тем менее эффективной оказывается правосопитательная деятельность и тем более противоречивым, нестабильным оказывается ее результат – правовая культура личности и общества.

Правовое обучение и воспитание являются средством, способствующим эффективной реализации права: предполагается, что в процессе целенаправленного воздействия осуществляется познание и уяснение смысла прав и обязанностей, выработка отношения к ним и, наконец, их использование. При этом первая и вторая стадии являются внутренними процессами, протекающими в правовом сознании и психологии индивида. Это есть внутреннее реагирование духовного мира на воздействие правовой среды. Третья стадия – это внешнее проявление процессов, протекающих в правовом сознании личности.

По мере взросления у несовершеннолетнего возрастает объем знаний о праве, независимо от того, осуществляется ли это путем целенаправленной системы получения правовой информации, или складывается стихийно-эмпирическим путем [14]. Однако возрастной аспект определяет разные цели, уровни и формы получения правовой информации, как главной базы формирования правовой культуры и правового сознания общества. Эта особенность развития «школьной личности» должна учитываться правоустановителем, определяющим объем общеобязательной информации для школьников, разграничение непрофессиональных и профессиональных знаний.

На основании сказанного можно утверждать, что при использовании

в нормативных актах, регулирующих процесс образования личности, понятий «воспитание» и «формирование», необходимо учесть, что, хотя разница между этими понятиями относительна, их все же следует различать. Понятие **воспитание** прежде всего означает воздействие на личность субъективных факторов, то есть различных видов идейно-политической и культурно-просветительной деятельности. Понятие же **формирование** носит более широкий характер, так как помимо субъективного фактора включает в себя и объективный фактор, то есть целый комплекс социально-экономических и психолого-культурных механизмов воздействия на несовершеннолетнего – таких, как характер производственных отношений, общественного труда, социально-политической и культурной организации общества. К таковым мы относим и конкретные условия правовой образовательной среды, в которой обучается несовершеннолетний. Ведь она в разных регионах России неодинакова. Вследствие этого становятся понятными роль и значение правового воспитания как культурно-исторического способа становления, формирования и развития личности, реализуемого путем целенаправленного воздействия на сознание несовершеннолетнего. Речь идет о становлении и развитии личности школьников как социально-демографической группы и общества в целом в целях формирования необходимых качеств, превращения правовых требований в личные убеждения, в норму поведения, формирования правовой культуры и социально-правовой активности.

Сегодня отношения в сфере образования как отдельный род общественных отношений, возникающих по поводу обучения и воспитания, на наш взгляд, требуют усиления правового регулирования, что во многом предопределяется их содержанием. Образовательные отношения включают в себя взаимосвязи между субъектами, участвующими в процессе обучения и воспитания с целью достижения обучающимися установленных государством образовательных уровней, цензов. Особенности правового воздействия в образовательной сфере обусловлены, в первую очередь, «комплексностью» регулируемых общественных отношений и вследствие этого взаимосвязанностью с различными отраслями права – конституционным, гражданским, административным, трудовым, финансовым, бюджетным и др. В сфере образования сталкиваются одновременно частные и публичные интересы, что объясняет специфику правового регулирования. Сложность образовательных отношений требует особого внимания к ним правоустановителей¹.

Правовые отношения, возникающие в сфере образования, включают не только образовательные, но и воспитательные, педагогические и иные отношения. Объектом образовательных отношений выступают духовные блага не только в виде знаний, навыков и умений, но и социальных компетентностей, которые становятся достоянием в первую очередь несовершеннолетних, развивая их правовое сознание.

¹ В настоящее время наблюдается особая потребность в разработке юридических норм, оказывающих воздействие на сознание и поведение школьников.

Действующее законодательство устанавливает требования к обучаемым и педагогам как к субъектам образовательных отношений, но диспозитивность правового регулирования многих вопросов в сфере образования определяет некоторую свободу в выборе поведения. Особое значение в образовательных правоотношениях придается институту правоспособности обучаемого как элементу правосубъектности в целом.

В юридической литературе распространена точка зрения, в соответствии с которой **правосубъектность**, как способность лица быть субъектом правоотношений, включает три элемента: *правоспособность*, *дееспособность*, *деликтоспособность*¹. Применительно к образовательным отношениям такой подход не совсем приемлем. Школьник, вступая в образовательные отношения по достижению 6–7 лет, безусловно, может рассматриваться как субъект образовательных отношений, хотя в этом возрасте он не обладает деликтоспособностью и полной дееспособностью в общем понимании этих терминов в теории права. *Дееспособность образовательная* имеет некоторую специфику. Ее фактическая возможность определяется способностью субъекта становиться дееспособным в образовательных отношениях с самого раннего возраста (4–7 лет), то есть с момента начала занятий в дошкольных образовательных учреждениях. Это особенно актуально в условиях современного реформирования об-

разовательных отношений, предполагающих обязательную предшкольную подготовку субъекта. В современных условиях создается основательная обучающая среда для лиц дошкольного возраста в связи с реализацией требований нового Федерального государственного образовательного стандарта. Вот почему важно понять, что ребенок, еще не достигший возраста малолетнего, согласно гражданскому законодательству, уже может считаться субъектом образовательных отношений особого рода, испытывая на себе воздействие различных обучающих и воспитательных методик, в которых предполагается его активное участие. А это важно учитывать в процессе юридического толкования педагогических конструкций.

Кроме того, нам представляется правильной позиция, заключающаяся в том, что является неточной норма, предполагающая, что обучающиеся до 18 лет как субъекты образовательных отношений обладают ограниченной дееспособностью. Признание несовершеннолетних обучающихся субъектами, имеющими ограниченную дееспособность в образовательных отношениях, означало бы, что их недостающая правоспособность должна восполняться родителями или другими законными представителями, как это имеет место в гражданском праве. Однако непонятно, чем конкретно должна ограничиваться дееспособность обучающихся и каким образом ее могут восполнить родители (законные представители) обучающихся? Образовательные программы дошкольного и начального общего образования составлены таким образом, что их в состоянии освоить любой здо-

¹ В юридической литературе существуют и другие позиции на этот счет, но в данном исследовании для нас важно показать особенности правосубъектности лица, вступившего в образовательные правоотношения.

ровый ребенок. Не требуется, чтобы законные представители осваивали необходимые компетенции, заложенные в Федеральном государственном образовательном стандарте.

В образовательных отношениях обучающийся всегда самостоятельно, своими действиями реализует предоставленные ему права и исполняет свои обязанности. Кроме того, особенность правоспособности субъекта состоит в том, что ее прекращение надо связывать не со смертью, как это имеет место в отношении общей административной, гражданской и другой правоспособности, а с моментом возникновения определенных фактических обстоятельств, ведущих к частичной потере правоспособности, например, наступлением предельного возраста получения основного общего образования, прекращением трудовой деятельности (при повышении квалификации, обучении в вузе по заочной форме и т.д.).

В возрасте до 7 лет родители создают условия для реализации права несовершеннолетнего на образование. В связи с введением Федерального государственного стандарта дошкольного образования появляется необходимость реализовать все заложенные в нем требования как обязательные. Став школьником, субъект в рамках выбранной законными представителями организационной формы обучения своими силами, исходя из собственных способностей и соответствующих возрасту возможностей, участвует в процессе обучения и воспитания. Его дееспособность в образовательных правоотношениях ограничена, так как реализуется в рамках обязательности получения образования. Это, во-

первых, означает, что обучающийся не может, с юридической точки зрения, «самостоятельно», то есть без согласия законных представителей, и «правомерно», то есть, не нарушая обязательства получать общее образование, прекратить обучение. Во-вторых, самостоятельность ограничена вышеупомянутыми правами и обязанностями родителей. Есть точка зрения о том, что полная дееспособность, которая характеризуется не только способностью своими действиями реализовывать свое право на образование, но и создавать по своему усмотрению своими действиями новые права и обязанности, наступает в области образования ранее наступления совершеннолетия, а именно с 14–15 лет [4]. Это положение обосновывается тем, что современное законодательство предоставляет 14–15-летним подросткам, получившим основное общее образование, возможность самостоятельно решать вопрос о выборе образовательного учреждения, формы получения дальнейшего образования или о прекращении обучения.

Анализируя правовой статус участников образовательного процесса, нельзя не отметить особое значение для его установления наличия гарантий права на образование. Фактически принято считать, что конституционные права человека предполагают обязанность государства своими действиями обеспечивать создание необходимых предпосылок для полной и всесторонней реализации гражданами этих прав. Соответственно, и праву на образование, как конституционному праву, а также как элементу правового статуса гражданина, корреспондируют обязанности государства по созданию

условий, гарантирующих реализацию этого права. Правовой статус несовершеннолетнего в области образования, рассматриваемый изолированно, вне связи с обеспечением государством, без реальных гарантий, может остаться формальным лозунгом.

Соединение в лице педагогического работника, а также органа управления образовательной организацией обязанной и одновременно обладающей властными полномочиями стороны образовательного правоотношения составляет его характерную особенность¹. Указанные выше черты образовательных правоотношений определяются особенностями правового положения обучающихся как их субъектов.

Составляющей частью правового статуса несовершеннолетних является право на поступление в общеобразовательное учреждение, которое в настоящее время затрудняется в отдельных случаях многочисленными препятствиями со стороны некоторых образовательных организаций, «отбирающих» для обучения контингент детей. На наш взгляд, установление на уровне локальных актов, распоряжений органов управления на местах подобных ограничений по приему школьников в образовательную организацию не только противоречит федеральному законодательству, но и нарушает конституционную норму (в частности, ст. 43 Конституции РФ о праве каждого на образование). Очевидно, что государственные гарантии обеспечения получения образования детьми, закрепленные в федеральном

законе «Об образовании в Российской Федерации», должны быть распространены и на лиц школьного возраста, не являющихся гражданами, но проживающих в России.

В настоящее время требуется закрепление на уровне законов субъектов Федерации прав школьников на конкретные дополнительные льготы, виды и нормы материального обеспечения, на обжалование результатов и процедуры государственной аттестации, на продолжение образования в зависимости от профильной подготовки, на возмещение ущерба, причиненного некачественным образованием. Необходимо развить и конкретизировать права школьника и родителей на участие в управлении образовательной организацией, что позволит реализовать принцип государственно-общественного (демократического) характера управления образованием.

Важнейшим компонентом правового статуса школьников в области образования являются не только их права, но и юридические обязанности. Определенность и четкость перечня обязанностей в образовательном законодательстве являются важнейшим условием их реализации.

В настоящее время права и обязанности субъектов образовательных отношений конкретизируются в большинстве своем подзаконными актами, в том числе локальными актами образовательных организаций. Среди общих обязанностей выделяют учебные и дисциплинарные обязанности. К учебным относятся обязанности освоения соответствующих образовательных программ, добросовестного выполнения всех видов работ, предусмотренных всеми учебными планами и

¹ См.: Основные положения Концепции Кодекса Российской Федерации об образовании (Общая часть) / Под общ. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Кудрявцева. М., 2001.

программами. Учитывая, что социально-правовая активность является основой формирования правосознания, в юридическом закреплении нуждаются требования к школе формировать социально-правовую активность учащихся, способность овладения навыками самообразования. Общие дисциплинарные обязанности обучающихся нуждаются в уточнении. Большинство требований к поведению школьников, в том числе выполнять определенные задания по учебным предметам, вправе устанавливать сама образовательная организация.

Осуществляя разъяснение педагогических конструкций, толкователь должен учитывать, что образование не может исключать воспитательный процесс, но и не должно сводиться к нему. При толковании необходимо учитывать общепризнанные доктринальные воззрения ученых, сложившиеся в юридической педагогике (т.н. *communis opinio doctorum*). Очевидно, необходимо развитие аутентичного толкования, предполагающего более четкое разъяснение употребляемых педагогических конструкций. Результат толкования должен быть точным, ясным, непротиворечивым. Он должен быть понятен любому человеку, даже не обладающему специальными педагогическими знаниями: родителям, например. В отдельных случаях при толковании должно быть установлено, какими целями руководствовался законодатель, создавая толкуемую норму права. Кроме того, при толковании педагогических конструкций важно помнить о существовании важных юридических принципов, сложившихся в доктрине и – прямо или косвенно – закрепленных в законода-

тельстве (*Lex specialis derogat generali*, *Lex superior derogat legi inferiori*, *Lex posterior derogat legi priori* и др.).

В настоящее время в России отсутствует специальный закон, который бы регулировал процесс толкования права, в том числе указывал на значимость толкования педагогических конструкций. Подобные законы действуют в ряде государств. Достаточно вспомнить *Interpretation Act 1975 г.*, который был принят Канаде. Вместе с тем в России отдельные нормы о толковании права содержатся в Конституции Российской Федерации (ст.15, 16, ч. 5 ст. 125), Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 431, 1187, 1191), Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ», иных законодательных актах. Активизировано в этом смысле и региональное законодательство. В Санкт-Петербурге действует специальный городской закон от 2 октября 2003 г. N 522-77 «Об официальном толковании законов Санкт-Петербурга». Аналогичные законы приняты и в ряде других субъектов Российской Федерации. В настоящее время требует своего совершенствования важная работа по созданию и закреплению в образовательных нормативных актах норм – дефиниций, разъясняющих значения педагогических терминов, использующихся в тексте того или иного закона. При этом не следует забывать о важности воспитательной функции права, которая предполагает не просто воздействие на личность, но и изменения, направленные на ее преобразование.

Все вышеуказанное позволяет заключить, что официальное толкование педагогических терминов следует рассматривать как особую правопедаго-

гическую деятельность, осуществлять которую должны специально подготовленные профессионалы, обладающие юридической и педагогической компетентностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Головченко В.В. Эффективность правового воспитания. Понятие, методика, критерии измерения. Киев, 1985.
2. Долгова А.И. Правовое воспитание молодежи как средство борьбы с преступностью // Правосознание и правовое воспитание молодежи. Сборник научных трудов. М., 1977. С. 31–36.
3. Кравченко А.И., Певцова Е.А. Правосознание: в 2 ч. М.: Русское Слово, 2008.
4. Куров С.В. Образование и гражданское право. М., 2004.
5. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
6. Певцова Е.А. Реализация доктрины правового образования учащихся общеобразовательных учреждений в современной России: дис. ... докт. пед. наук / Институт общего образования. М., 2004.
7. Певцова Е.А. Юридическое образование: формирование правовой культуры общества // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2012. № 5. С. 119–122.
8. Певцова Е.А., Важенин А.Г. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов сред. спец. учеб. заведений; под общ. ред. проф. Е.А. Певцовой. Ростов-на-Дону, 2005.
9. Певцова Е.А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи (теоретико-правовые аспекты): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
10. Певцова Е.А. и др. Правовые и социальные проблемы российской молодежи / Певцова Е.А., Чупров В.И., Зубок Ю.А. // Право и образование. 2008. № 10. С. 90–109.
11. Певцова Е.А. Эффективность правового регулирования в сфере образования: вопросы теории и практики // Право и образование. 2012. № 2. С. 4–17.
12. Певцова Е.А. Роль молодежи в современном правовом обществе // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 31–46.
13. Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография / Певцова Е.А.; Акад. правовой культуры детей и молодежи, Автономная некоммерческая орг. высш. проф. образования Центросоюза Российской Федерации «Российский ун-т кооперации». М., 2012.
14. Тагиев А.С. Социальные функции юридического всеобуча: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.
15. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2012).
16. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2012).
17. Pevtsova E. Conception and New Ways of Protecting the Rights of Children and Young People: Theory, History and the Present [Электронный ресурс] // Reviewer Acknowledgements for Review of European Studies. Vol. 7. No. 5. P. 274–284. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/issue/view/1297> (дата обращения: 08.09.2015).
18. Zoltán Végh: Pomponius B. 4. // In: Der Kleine Pauly. Band 4. 1972. Sp. 1039.

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-39-45

Черногор Н.Н.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты осмысления феномена правовой среды в теоретико-правовом контексте. Автором предпринята попытка выйти на абстрактный уровень обобщения знания о закономерностях возникновения и развития этого правового явления, обосновать реальность его бытия и актуальность постановки задачи исследования правовой среды как фундаментальной проблемы правовой науки, выявить тенденции и закономерности функционирования этого правового феномена на современном этапе развития общества, государства и права.

Ключевые слова: государство, право, наука, среда, теория.

N. Chernogor*Moscow State University named after M.V. Lomonosov*

THE PROBLEM OF LEGAL ENVIRONMENT IN MODERN JURISPRUDENCE

Abstract. The article presents the results of understanding the phenomenon of legal environment in theoretical and legal context. The author attempts at reaching the abstract level of generalization of knowledge about the patterns of occurrence and development of this legal phenomenon, to justify the reality of its existence and the relevance of setting research objective of legal environment as a fundamental problem of jurisprudence, to identify trends and patterns of its functioning at the present stage of social, state and legal development.

Key words: state, law, science, environment, theory.

В последнюю четверть века мы наблюдаем существенное приумножение научного знания о государстве и праве, а также об отдельных государственно-правовых явлениях [1].

Констатируя этот факт, не будем углубляться в анализ количественных и качественных характеристик современных достижений правоведов, так как это не является целью настоящей статьи.

Это объясняется высокой динамикой развития человеческого общества,

появлением новых вызовов и угроз, а также актуализацией ранее существовавших. Наука, в том числе юридическая, как и многие другие надстроечные явления, рефлексивно реагирует на них, устремляется к поиску ответов на эти вызовы и угрозы. Вследствие протекания этих процессов появляются новые теоретические и отраслевых построения, расширяется понятийно-категориальный аппарат юридической науки, происходит переосмысление общепризнанных положений с пози-

ций современного уровня понимания закономерностей развития общества, государства и права. В ряде случаев их использование в научных исследованиях или в процессе принятия и реализации важнейших государственных решений, имеющих правовое содержание, имеет методологическое значение, предопределяет формирование новых подходов в исследовании права и государства, сопряжение различных углов зрения на государственно-правовые явления, закономерности их развития, определение приоритетов правовой политики, путей, средств и способов преодоления имеющихся противоречий между потребностями общественного развития и действующим правом или складывающейся на его основе юридической практикой. Это, в известной мере, объясняется несовершенством методологического арсенала юридической науки, консерватизмом устоявшихся методологических подходов или частичной утратой навыков их умелого применения. Специалистов в области теории государства и права, а вслед за ними и саму теоретико-правовую науку, нередко упрекают, и иногда справедливо, в том, что они (теоретики) все чаще создают оторванные от жизни образы несуществующих явлений и увлекаются бесплодным теоретизированием. Юридическая наука стала оперировать понятиями и терминами, вызывающими неоднозначное отношение и даже раздражение многих социалистов, причиной которого является, прежде всего, их происхождение из публичных заявлений политиков, высокопоставленных должностных лиц, предвыборных программ и т.п. Такие термины, как *правовая модернизация*, *правовая ин-*

новация, *правовое поле*, *правовое пространство*, *правовая жизнь* и многие другие, достаточно прочно вошли в научный оборот. Встречая их время от времени на страницах научных изданий, в монографиях и диссертационных исследованиях, мы все чаще задаемся вопросом, существуют ли в действительности эти явления. Не являются ли они плодом воображения, изобретением, искусственно созданным в стремлении сказать новое слово в науке, заявить о важном открытии, не имеющем на самом деле никакой практической ценности? Не растрачиваем ли мы понапрасну силы, принимаясь за разработку оторванных от жизни теоретических построений, пытаясь выявить закономерности развития и функционирования несуществующих явлений, или готовя планы и программы их модернизации?

Одним из терминов, все чаще употребляемых в трудах, как теоретиками права, так и представителями отраслевых юридических наук, является *правовая среда* [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 18; 19; 20]. Даже при поверхностном ознакомлении с существующей библиографией этого вопроса мы обнаруживаем десятки работ, авторы которых подходят к анализу и разрешению правовых проблем именно под углом зрения их возникновения и возможного разрешения либо в условиях правовой среды, либо посредством ее формирования, оптимизации и развития [2, с. 74-80; 3, с. 61-66; 11, с. 88; 20, с. 146-148]. В частности, опубликованы работы и защищены диссертации, посвященные вопросам формирования правовой среды малого предпринимательства [15, с. 65-74; 17, с. 54-61], общеобразовательного учреждения [1, с. 31-45; 8; 14], модерни-

зации [10, с. 347–353], страхования [5, с. 23–30], экономического развития [6, с. 134–135; 9, с. 4–11], гражданского общества [4; 12; 13; 16, с. 134–142] и др. В ряде случаев этим термином обозначаются явления, ранее именуемые *правовым полем, правовым пространством, правовой системой, правовой жизнью, правовой реальностью* и др. Последнее нередко используется для формулирования понятия правовой среды. Резонно возникает вопрос, о чем же идет речь, что это за образ, именуемый «правовой средой», и соответствует ли ему существующее в реальной жизни явление? Погружение в проблему дает основание полагать, что правовая среда существует. Она также реальна, как государство, право и многие другие государственно-правовые явления, бытие которых не вызывает сомнений. Однако, если это так, то напрашивается следующий вопрос: *что она собой представляет?* Поиск ответа на него приводит к выводу о вариативности подходов к определению понятия правовой среды. Некоторые из них уже заявлены представителями юридической науки. Правовую среду определяют как:

– окружение взаимодействующих в правовой сфере индивидов, правовое поле, в котором правомерные действия выступают следствием различных факторов и обусловлены благоприятным влиянием экономики, политического режима, качеством законодательства, эффективностью работы правовых учреждений;

– пространство, в котором совершаются правомерные действия субъектов;

– социально-правовую обстановку, в которой действует право и протекает бытие его субъектов;

– форму (оболочку) или реальность, в которой действует право;

– эффект права как совокупность правовых смыслов, правовых идей и идеалов, духовных и нравственных принципов в области права, правоприменительной практики, действующей правовой системы, объединенной в пределах сообщества и воздействующей на правовое поведение в соответствующей социальной системе [19, с. 8–14].

С нашей точки зрения, **правовая среда** представляет собой совокупность отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития [7, с. 4–5].

Отправной точкой в исследовании закономерностей ее функционирования и развития могут служить следующие представления о данном явлении.

1. Важнейшим элементом правовой среды является человек и его социально-правовая активность, направленная на восприятие, осуществление и воспроизводство правовых установлений. Она оказывает непосредственное воздействие на выбор участниками урегулированных нормами права общественных отношений правомерных способов деятельности.

2. Правую среду создает активное и пассивное поведение людей в государственно-правовой сфере жизни общества. В ней интегрированы процессы установления и развития правовых связей во времени и в пространстве.

3. Правая среда – явление не статичное. Она подвержена изменениям под

воздействием самых разных факторов как правового, так и внеправового характера. Ее динамика может быть позитивной или негативной, а состояние в определенные периоды времени стабильным или нестабильным. При этом развитие и функционирование правовой среды подчинены определенным закономерностям.

4. Правовая среда имеет свои содержание и форму. Содержание правовой среды образуют разнообразные государственно-правовые явления (правовые отношения, юридические связи, правовые доктрины и идеи, правоприменительную практику и др.), создающие предпосылки для правового поведения субъектов. Она выступает некой оболочкой, в которой живет и функционирует право. С этим качеством правовой среды следует связывать характеристику ее формы.

5. Правая среда имеет свои пределы (масштаб). Именно она оказывает решающее воздействие на эффективность права [19, с. 12].

Можно сколько угодно модернизировать право, совершенствовать его институты, корректировать отдельные правовые нормы, однако эффективность его действия будет неизменно низкой, если условия, в которых оно функционирует, не способствуют реализации правовых предписаний в поведении людей. Этот тезис наглядно иллюстрирует опыт проведения в постсоветской России правовой, административной, судебной и других реформ, в ходе которых то и дело менялось содержание правовых отраслей и институтов, создавались новые нормативные комплексы. В этих условиях сложился стереотип, нацеливаю-

щий на решение любых проблем, возникающих в обществе, посредством принятия закона. В его основе лежит идеализированное представление об инструментальных возможностях права и закона. Практика показывает, что сам факт принятия закона еще не означает неизбежной и полноценной реализации его положений. Для этого должен быть создан механизм (включающий организационно-правовую, экономическую и другие составляющие) и условия, обеспечивающие воплощение юридических норм в поведении субъектов права. С начала 90-х гг. XX в. в России не ослабевает активность государства, нацеленная на приведение права в желаемое состояние. Однако оно по-прежнему не отвечает полной мере потребностям общественного развития, вызывает неудовлетворенность у граждан, хозяйствующих субъектов и должностных лиц. Следует отметить, что это проблема не только современной России. Право всегда в чем-то несовершенно, его содержание в чем-то неудовлетворительно. Для этого есть объективные причины, и это обстоятельство необходимо учитывать, характеризуя и оценивая право конкретного государства в определенный момент времени. В стремлении создать благоприятные правовые условия для развития общества следует концентрировать усилия не столько на коррекции права, сколько на формировании и развитии среды его функционирования. Пришло время сместить акцент правовой политики именно в сторону создания благоприятной правовой среды. Упомянутая среда изменяется под воздействием внутренних и внешних факторов.

Первые связаны с развитием международных процессов в экономике, политике, праве, науке и образовании. Все более возрастает влияние международного права, межгосударственных союзов, международных институтов. Существенным фактором является взаимное влияние и отражение национальных правовых систем и правовых сред различных государств. Вторые связаны с динамикой экономических, политических процессов, демографической, экологической ситуаций, особенностями природно-географического положения страны, национального состава ее населения, а также с уровнем государственно-правового развития российского общества и др. Современные изменения в государственно-правовом развитии разных стран отражают общие тенденции в развитии правовых сред отдельных государств. В их числе можно выделить:

- усиление воздействия факторов глобализации на состояние и динамику правовой среды, возрастание влияния международного права и правовых систем отдельных государств на развитие правовой среды, взаимное отражение правовых сред различных государств, обновление содержания элементов правовой среды и усложнение ее структуры;

- ситуационная рефлексия правовой среды на новые вызовы и угрозы, актуализацию старых, быстро изменяющуюся внутривнутриполитическую и международную обстановку;

- подчинение развития правовой среды стратегическим целям государства, формализованным актами государственного стратегического планирования;

- утверждение плановых начал в государственном воздействии на развитие правовой среды;

- интенсификация и взаимное влияние процессов интеграции и дифференциации сегментов правовой среды;

- интенсивное внедрение инноваций в отдельные сегменты правовой среды;

- расширение сферы и пределов правового регулирования, появление большого количества новых сфер жизни общества, нуждающихся в правовом опосредовании, усложнение регулируемых правом отношений;

- интенсивное развитие новых отраслей и институтов права, обеспечивающих решение задачи повышения эффективности использования интеллектуальных ресурсов [7, с. 9–10].

Правовая среда Российской Федерации развивается в русле общемировых тенденций, отражающих мировые закономерности и процессы, обуславливающие динамику правовых сред разных стран. Понимание этих тенденций и закономерностей, формирование и использование научного знания о них имеет важное значение для практики управления государством и обществом, так как позволяет избежать ошибок в процессе принятия стратегических и тактических государственных решений. В связи с этим одной из актуальных задач юридической науки, прежде всего теории государства и права, становится научное и методическое обеспечение государственного управления развитием правовой среды. Решению этой задачи будет способствовать разработка теории правовой среды и методики прогнозирования ее динамики. Одна из сложных проблем, с которой при этом придется столкнуться (уже

столкнулись) исследователям, состоит в определении четкой границы между такими явлениями, как правовая среда и правовая система. С большой долей вероятности можно предположить, что именно этот вопрос станет предметом жарких дискуссий ученых. От содержания ответа на него будет зависеть признание или непризнание объективного существования правовой среды как явления. Полагаем, что такого рода дискуссия может дать необходимый материал для дальнейшей разработки не только проблематики правовой среды, но и отдельных вопросов методологии юридической науки, так как введение в научный оборот понятия правовой среды формирует определенный методологический подход к изучению права, государства, государственно-правовых явлений, который, наряду с другими, может быть эффективно использован как в научном исследовании, так и в процессе принятия важнейших государственных решений.

Отметим, что изложенные размышления во многом сделаны в порядке постановки проблемы. Идея правовой среды подлежит серьезной проработке. Мы не претендуем на бесспорность заявленных в настоящей статье тезисов и приглашаем всех заинтересованных коллег к дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бочков В.Е., Кочерга С.А., Мартынова Т.Н. Проблемы формирования институциональной и правовой среды для развития дистанционного образования в условиях реформирования системы образования // *Право и образование*. 2007. № 8. С. 31–45.
2. Вавилин Е.В. Благоприятная правовая среда как основа осуществления гражданских прав // *Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации*. М., 2009. Т. 2. С. 74–80.
3. Вавилин Е.В. Благоприятная правовая среда как условие беспрепятственного осуществления прав и исполнения обязанностей // *Российский юридический журнал*. 2009. №3 (66). С. 61–66.
4. Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества. Материалы Международной научно-практической конференции: В 2-х т. Т. 1 / Редкол.: Елисеева И.А., Лукьянцев А.А., Чепига Т.Д. (отв. ред.). Краснодар: Просвещение-Юг, 2005.
5. Даева Т.А., Дубова Ю.И. Анализ правовой среды страхования ответственности директоров и должностных лиц в России // *Актуальные проблемы права: материалы международной заочной научно-практической конференции Часть. II (9 апреля 2012 г.)*. Новосибирск: Изд-во «Сибир. ассоц. консультантов», 2012. С. 23–30.
6. Киселев В.К. Динамика правовой среды функционирования российских фирм // *Политико-правовая система России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: К 15-летию юридического факультета ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»: К 10-летию НОУ ВПО «Волгоградский юридический институт»*. Волгоград: Станица, 2006. С. 134–135.
7. Концепция инновационного развития правовой среды / Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н., Минин А.Я., Коваль А.В. М.: Международный юридический институт, 2013. 17 с.
8. Коротков В.В. Формирование правовой среды общеобразовательного учреждения: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2003. 179 с.
9. Мовсесян А., Огневцев С. Правовая среда экономического развития // *За-*

- конодательство и экономика. М., 2000. № 10. С. 4–11.
10. Мочалов А.Л. Конституция и конституционное правосудие как факторы формирования правовой среды модернизации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. Казань: ООО “Офсет-сервис”, 2012. Вып. VII. С. 347–353.
 11. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520 с.
 12. Певцова Е.А. Образовательный и профессиональный статус современной молодежи: социолого-правовой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2009. № 2. С. 12–16.
 13. Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9.
 14. Певцова Е.А. Формирование правопорядка в образовательных отношениях современной России // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6. С. 6–9.
 15. Проходцева И.В., Сухина И.В. Формирование правовой среды малого предпринимательства // Вестник Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства. М.: Спарк, 2002. № 3. С. 65–74.
 16. Сигалов К.Е. Среда права и правовые свойства гражданского общества // Право и образование. 2008. № 7. С. 134–142.
 17. Тарусина Н.Н. Правовая среда «демографического взрыва» и последующего выживания малого предпринимательства в России // Регламентация защиты субъективных прав в основах гражданского законодательства. Сборник научных трудов. Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1992. С. 54–61.
 18. Хорунжий С.Н. Доктринальные аспекты правовой среды: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 231 с.
 19. Черногор Н.Н. Правовая среда и ее методологическое значение для юридической науки и практики // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сб. научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбургский государственный университет. 28 мая 2014 г. / под ред. И.Б. Гоптаревой. Оренбург: ОГУ, 2014. С. 8–14.
 20. Шерер А.А. Человек в правовой среде: возможный вариант происхождения преступлений // Право в XX и XXI веке: проблемы теории и практики, перспективы развития. Тезисы докладов IV и V ежегодных научно-практических конференций юридического факультета Гуманитарного университета с участием преподавателей, аспирантов и студентов в 2-х частях. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2003. С. 146–148.

УДК 346.176.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-46-49

Н.И. Шаповалов*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»*

НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем теории политической интеграции Европейского союза, поиску путей выхода из системного кризиса Еврозоны правовыми средствами, а также оценке федерализации, как основе осуществления политической интеграции, представляющей собой наиболее проблемную теорию процесса интеграции. Проблемность рассматриваемой теории связана с невозможностью ее осуществления без существенного ограничения суверенитета государств-членов ЕС. Предложение Ф. Олланда создать в рамках Еврозоны правительство, бюджет и парламент ведет к созданию разноразмерной интеграции в Евросоюзе.

Ключевые слова: Европейский Союз, политическая интеграция, теория федерализма, системный кризис Евросоюза.

N. Shapovalov*Moscow Financial-Industrial University "Sinergy"*

NEW THEORETICAL APPROACHES TO POLITICAL INTEGRATION OF THE EUROPEAN UNION

Abstract. The article deals with the study of the problems of the theory of political integration of the European Union, and also looks for the legal ways out of the Eurozone systemic crisis. Federalization is evaluated as the basis for political integration. Problematical character of the latter is connected with the impossibility of its implementation without essential restriction of the sovereignty of EU member states. President F. Hollande's proposal to create a government, a budget and a parliament within the Eurozone leads to the creation of different levels of integration in the European Union.

Key words: the European Union, political integration, the theory of federalism, systemic crisis of the European Union.

Недостатки в понимании теории интеграционных процессов в Европе привели к серии кризисов, разразившихся в Европейском союзе и, в конечном итоге, к стагнации европейской интеграции, о чем совершенно спра-

ведливо говорят Дирк Леффен, Бертольд Рутберген и Франк Шиммельфенинг [1, с. 21]¹.

Основной прагматической целью любой из теорий является создание сильного объединения, способного

© Н.И. Шаповалов, 2015.

¹ Несколько ранее об этом говорил Дэвид Матимер.

повлиять на геоэкономическую и геополитическую ситуацию в регионе, что в свою очередь может привести к организации и обеспечению международного мира. А если учитывать, что участниками реализации этих теорий являются субъекты международного права, то и теории носят международно-правовую природу, следовательно, исследоваться могут международно-правовыми инструментами.

На сегодняшний день в западной литературе встречаются несколько взглядов, обосновывающих различные теории европейской интеграции.

Наиболее весомой представляется теория «федерализма», базирующаяся на принципах суверенного равенства и национального самоопределения. Ее сторонники считают важным строительство здания мирового правительства, центральной политической власти с основными атрибутами государства. По их мнению, международное сообщество могло бы объединиться в глобальную федерацию на основе Конституции или в серию региональных федераций.

Подобная идея не бесспорна. Так, Дэвид Мантимер из Йоркского университета Торонто считает, что Лига Наций, созданная в свое время на основе принципов суверенного равенства и национального самоопределения, не смогла решить основную задачу обеспечения мира. Более того, ее неудачи привели ко Второй мировой войне.

Думается, что основные причины неудачи Лиги Наций состоят в том, что это была международная политическая организация, которая ничего общего с политической интеграцией не имела. И ее пример едва ли применим к опыту Европейского союза.

В ситуации острого кризиса, развившегося в Европейском союзе, лидеры современного европейского объединения в очередной раз возвращаются к идее политической интеграции. По сообщению «Ленты.ру», активность в этом направлении проявляют Франция и Германия.

Нельзя сказать, что это новая идея. Еще в 1940 г. Уинстон Черчилль высказал предложение создать союз Великобритании и Франции. Эту идею поддержали будущие отцы-основатели европейской интеграции Шарль де Голль и Жан Монне, однако ей не суждено было сбыться (помешала война). У. Черчилль вернулся к идее федерализма в своей речи в Цюрихе в сентябре 1946 г. Она содействовала в создании Совета Европы в мае 1949 г., однако и этот проект не мог привести к политической интеграции: отсутствовала консолидирующая основа.

После создания Европейского объединения угля и стали на основе Парижского договора 1951 г. федералисты – сторонники европейской политической интеграции – осознали невозможность ее проведения единовременно. Это стало особенно ясно, когда в 1954 г. Национальная ассамблея Франции провалила ратификацию договора об учреждении Европейского оборонного сообщества.

Тем не менее, вопрос о политической интеграции продолжает остро стоять в Европейском союзе. 19 июля 2015 г. в еженедельнике **«Le Journal du Dimanche» Франсуа Олланд, президент Франции, заявил: «Я предлагаю принять идею Жака Делора (Jacques Delors, экс-председатель Еврокомиссии) и создать правительство Еврозоны, специальный бюджет Еврозоны,**

а также парламент, который позволит осуществлять демократический контроль» [2, с. 2].

Предложения, высказанные Ф. Олландом, наверное, могут содействовать проведению политической интеграции, однако они носят продолжительный характер, к тому же сложны в реализации. Следуя теории федерализма, необходимо учитывать возможность создания федерации исключительно на солидной правовой основе. Как показывает опыт, такой основой может быть государственно-правовой акт, которым является Конституция.

Еврозона представляется международной организацией, являющейся частью другой международной организации, не все государства-члены которой входят в состав первой организации, к тому же у них имеются различия в компетенции, которая пересекается в части применения евро в качестве платежной единицы, имеющей хождение на всей территории Европейского союза. При этом лишь 19 государств-членов ЕС из 28 являются членами Еврозоны, отказавшимися от своей национальной валюты, которая, бесспорно, представляется чертой национального суверенитета. Таким образом, вновь приходится сталкиваться с национальным суверенитетом государств-членов ЕС. Так, американский федерализм, на который так любят ссылаться западные авторы, строился благодаря Конституции, которая, после ее ратификации Штатами, и закрепила федеральную форму территориально-государственного устройства.

Можно ли рассматривать федерацию как одну из теорий политической интеграции Европейского союза? При определенных обстоятельствах,

можно. Некоторые авторы, стремясь адаптировать теорию федерализма к условиям Европейского союза, предлагают отказаться от системы отношений между федеральным центром и регионами и сделать их более сложными, многослойными. Так, например, считает Е. Вистрич [3, с. 22–23], который уверен, что принцип субсидиарности, закрепленный в учредительных договорах ЕС, может лечь в основу формирования политической интеграции Европейского союза. На взгляд автора, применение принципа субсидиарности в федерализме ведет к распылению суверенных полномочий государств-членов, а не к их передаче институтам политической интеграции и консолидации, что, возможно, могло бы привести к выходу из системного кризиса, в котором находится Евросоюз.

Важнейшим условием реализации теории федерализма в Европейском союзе является отказ от значительной части национального суверенитета государств-членов ЕС. А готовы ли они сегодня упразднить свои Конституции, отказаться от государственно-национальной идентичности и создать новую, объединяющую Конституцию для Евросоюза? Едва ли, тем более что такая попытка уже была предпринята в 2004 г., когда был подписан Договор об учреждении Конституции для Европы, ратификация которого, как известно, не осуществилась.

Определенный интерес может представить опыт Швейцарии. Наши оппоненты ссылаются на швейцарскую модель, где кантоны, изначально являясь субъектами международного права, объединились в ассоциацию, затем в конфедерацию и сегодня, как

считается, содержат черты федерации. Однако, Швейцарии для этого потребовалось 300 лет, которых нет у Европейского союза. Выходы из кризисов, которые, как считается, лежат в плоскости политической интеграции, следует искать сегодня, в противном случае они могут привести Евросоюз к распаду, который государства-члены стремятся не допустить любыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dirk Leuffen, Berthold Rittberger and Frank Schimmelfennig. Differentiated Integration. Explaining Variation in The European Union. Palgrave Macmillan, 2013.
2. Francois Hollande. Ce qui nous menace, ce n'est pas l'excès d'Europe, mais son insuffisance [Электронный ресурс] // Ежедневник «Le Journal du Dimanche». 19 juillet 2015. P. 2 / Рубрика «Политика». URL: www.lejdd.fr (дата обращения: 22.07.2015).
3. Wistrich E. After 1992: The United States of Europe. London, 1991. P. 22–23.

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 141.112:342.228

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-50-54

В.В. Андреев, Г.В. Белова

Российский университет кооперации

(филиал: Чебоксарский кооперативный институт)

ДУАЛИЗМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ГЕРБА КАК ОФИЦИАЛЬНОГО СИМВОЛА

Аннотация. Авторы предлагают дуально рассматривать юридическую природу герба в качестве официального символа, показывают важность данного института для развития современного государства. В отечественной науке отсутствует четкое категориальное определение понятий «легальность» и «легитимность» по отношению к институту официального символа (герба), поэтому целью данной статьи становится выявление сущности данных дефиниций, определение их правовой природы, степени соотношения и конечного результата. В заключение суммируются основные положения о статусе герба в целом и в российской правовой системе в частности.

Ключевые слова: герб как официальный символ, легальность герба, легализация герба, легитимность герба, легитимация герба.

V. Andreyev, G. Belova

Cheboksary Cooperative Institute (Branch of Russian University of Cooperation)

LEGAL DUALISM OF THE COAT OF ARMS AS AN OFFICIAL SYMBOL

Abstract. The authors of the article propose a two-focused approach to the study of the legal aspect of the Russian coat of arms as an official symbol. In Russian legal literature there are no accurate definitions of the concepts «legality» and «legitimacy» in relation to the official symbol (coat of arms) of the country, therefore the purpose of this article is to reveal the essence of these definitions, their legal nature, degree of the ratio and end result. In conclusion the authors summarize the basic provi-

© В.В. Андреев, Г.В. Белова, 2015.

sions on the status of the coat of arms in general and in Russian legal system in particular.

Key words: coat of arms as an official symbol, legality of the coat of arms, legalization of the coat of arms, legitimacy of the coat of arms, legitimation of the coat of arms.

Герб создается как опознавательный знак, который должен помочь отличить одного гербовладельца от другого, указать на права, которыми они наделены. Правовой аспект герба как официального символа чрезвычайно важен. Двойственный характер юридической природы герба выражается в том, что герб в качестве официального символа обозначает статус публично-правового образования, а также – как правовой знак – обозначает правовое поле деятельности органа власти. Для этого герб должен быть правомерен и правомочен, т.е. обладать легальностью и легитимностью как основными признаками официального символа, что и определяет дуализм юридической природы герба. Смешение понятий легальности и легитимности герба, отсутствие представления о сущности данных категорий ведет к распространению ошибочных суждений, сдерживающих развитие современной территориальной геральдики России.

В политической энциклопедии под **легальностью** понимается формально-юридическая узаконенность, официальная разрешенность, признание политико-правового статуса различных организаций, институтов и иных форм социальной жизни [6, с. 614]. Легальность официального символа публично-правового образования обеспечивается определенной процедурой принятия в соответствии с законодательством, которая называется **легализацией герба**. Основным механизмом геральдического обеспечения публично-правовых образований Рос-

сийской Федерации являются федеральные, региональные и муниципальные правовые акты, регулирующие правоотношения в сфере геральдики. Таким образом, **легальность герба** соответствует понятию «законность герба», т.е. указывает на соблюдение публично-правовым образованием процедуры его утверждения. Представляется важным выделить следующие факторы легализации герба как официального символа:

1) герб должен исходить от конкретного субъекта правотворчества (публично-правового образования);

2) разрабатываться с соблюдением геральдических правил и правовых норм;

3) представлять собой отличительный (репрезентативный) знак, состоящий из определенных фигур и цветов (финифти);

4) отражать характерные особенности публично-правового образования как субъекта герботворчества (исторические, национальные, культурные и др.);

5) иметь условный (конвенционный) характер;

6) приниматься в установленном законом порядке (законодательное закрепление символа).

Результат легализации герба выражается в возможности выполнения официальным символом своей опознавательной функции – как основного средства визуальной идентификации публично-правового образования, отличия его от других субъектов правотворчества.

Таким образом, концепт **легальности герба** как официального символа необходимо отнести к юридической категории, определяющей законность происхождения и способа установления официального символа.

Более сложным является понятие **легитимности герба**. *Legitimus* в буквальном переводе означает «законный, узаконенный», как и *легальность* (корень латинского происхождения «leg»), но данное понятие имеет иное правовое значение и особую процедуру признания официального символа, поэтому *легитимность* (правомочность) герба и его *легальность* (правомерность) не являются синонимами. Дуализм герба выражается в сосуществовании двух различных, не тождественных друг другу сущностных характеристик официального символа.

Необходимо выделить следующие качественные **характеристики легитимности герба** как официального символа:

- герб как официальный символ по преимуществу обозначает власть и властные полномочия;
- обозначает правовой статус публично-правового образования;
- служит основным средством, обозначающим круг прав и обязанностей публично-правового образования;
- обозначает публично-правовое образование как субъект права;
- является средством легитимной деятельности публично-правовых образований в официальном делопроизводстве;
- является основным геральдическим знаком, на базе которого строятся все прочие символы публично-правового образования (флаг, эмблемы, знаки различия и отличия).

В ходе анализа легитимности герба необходимо выделить особый механизм обретения легитимности официального символа. **Легитимация герба** – это процедура реализации правомочности официального символа в ходе его регистрации. Юридическая легитимация опирается на установление или признание какого-либо института правом [7, с. 238].

В процессе легитимации герба как официального символа необходимо учитывать следующие факторы:

- 1) изображения, текст и символы на гербе публично-правового образования (субъекта Российской Федерации или муниципального образования) не должны совпадать с государственным гербом Российской Федерации, государственными гербами субъектов Российской Федерации, гербами муниципальных образований Российской Федерации, с государственными гербами иностранных государств; не должны узурпировать чужие статусные знаки;
- 2) соблюдение геральдических правил при составлении герба;
- 3) правильное оформление нормативно-правовых актов о гербе;
- 4) законодательное закрепление основного символа (герба), его легализация;
- 5) обязательная регистрация официального символа публично-правового образования как завершающая стадия легитимации [3; 4].

Герб публично-правового образования проходит государственную регистрацию в соответствии с распоряжением Президента РФ от 13.10.2003 г. «Порядок выдачи свидетельств о регистрации официальных символов и отличительных знаков в Государствен-

ном геральдическом регистре РФ» [1, с. 45]. Право на официальный символ появляется у публичного образования с момента выдачи свидетельства о регистрации герба.

Таким образом, процессы обеспечения легальности и легитимности герба как официального символа публично-правовых образований различны. Придание гербу легитимности называется легитимацией и приводит к признанию официального символа не только в геральдическом пространстве данного государства, но и на международном уровне. Однако легитимность герба базируется на легальности символа. Легальность же герба обеспечивается процедурой его легализации – процессом утверждения официального символа в установленном законом порядке. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что легитимация герба относится к сложной по структуре юридической категории, состоящей из двух уровней: на начальном этапе происходит легализация символа, а завершающим этапом является государственная регистрация официального знака.

Важным является и то обстоятельство, что при разработке официального символа (герба) необходимо руководствоваться геральдическими правилами в соответствии с п. 1 ст. 9 федерального закона № 131-ФЗ [5]. Но на практике публично-правовые образования часто пренебрегают правилами геральдики, прописанными в методических рекомендациях Геральдического Совета, которые разработаны в соответствии с международными нормами и российскими традициями.

Проблема легитимности – это в значительной мере проблема призна-

ния правомочности герба как официального символа публично-правового образования и возможности реализации его правовых функций в деятельности субъекта правотворчества. Неспособность осознания данного факта приводит к использованию официального герба только как отличительного знака и сувенирного продукта, нивелируя его значимость как правового символа. Данная тенденция сформировалась в советский период и служит на современном этапе непреодолимым препятствием для окончательной легитимации многих официальных атрибутов советского времени, сочиненных с нарушением геральдических правил, однако законодательно утвержденных в тот период, т.е. легальных, но не легитимных сегодня в правовом отношении.

На современном этапе российской государственности проблеме легитимности герба как официального символа придается большое значение [2]. Механизмом для укрепления легитимности герба является возможность влияния власти через законотворчество и деятельность Геральдического совета при Президенте Российской Федерации на процесс геральдического обеспечения публично-правовых образований, на повышение геральдико-правовой культуры социума.

Юридическим выражением категорий «легитимность герба» и «легальность герба» (герб рассматривается как официальный символ публично-правового образования) выступает нормативность, способность воплощаться через нормы права и функционировать в рамках законности. На современном этапе в Российской Федерации формируется норматив-

но-правовая база государственного регулирования геральдического пространства на уровне нормативных правовых актов высшей компетенции, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований, которые призваны обеспечить как легальность, так и легитимность основного официального символа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бюллетень Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. Выпуск 1: Официальные нормативные правовые акты, регулирующие проведение единой государственной политики в сфере геральдики на территории Российской Федерации // Союз геральдистов России. М., 2005. 120 с.
2. Дуденкова А.А. Легитимность российской правовой политики: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 156 с.
3. Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы: Методические рекомендации по разработке. СПб., 1998. 53 с.
4. Никитин А.В. Правовые символы: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 1999. 241 с.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. № 40. Ст. 3822.
6. Политическая энциклопедия в двух томах. Т. 1. / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. проекта Г.Ю. Семигин; Науч. ред. совет: председ. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. 750 с.
7. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.В. Кутафин. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 559 с.

УДК 346.15

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-55-62

Мазаев В.Д.*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ И ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о конституционализме как форме экономического развития, об адекватном конституционно-правовом обеспечении экономического развития России в условиях защиты экономического суверенитета; дается оценка различным подходам к идеям конституционализма применительно к существующей экономической модели. В выводах констатируется, что система ценностей конституционализма является универсальной, гибкой политико-правовой формой, которая позволяет сделать наиболее справедливый и взвешенный выбор экономической модели, методов ее осуществления применительно к данным историческим условиям.

Ключевые слова: конституционализм, конституционная модель экономики, сильное государство, верховенство права, разделение властей, конституционные принципы рыночной экономики, специальные экономические меры.

V. Mazayev*National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)*

CONSTITUTIONALISM AS AN INSTRUMENT AND FORM OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article raises the question of constitutionalism as a form of economic development; an adequate constitutional and legal support of economic development of Russia under the conditions of the protection of economic sovereignty; assesses different approaches to the ideas of constitutionalism in relation to current economic model.

Key words: constitutionalism, constitutional model of economy, strong state, the rule of law, separation of powers, constitutional principles of market economy, special economic measures.

Современный этап развития российской экономики требует качественно иного уровня управления экономической системой. Это связано прежде всего с внутренними нерешенными задачами, такими как освобождение от сырьевой зависимости, прорыв на уровень инновационной экономики, коррупция, а также

сложнейшими внешними проблемами, связанными с экономическими санкциями, изоляцией России от источников новейших технологий, финансовых средств и т.д. Эти проблемы дополняются также тем, что свободный рынок и российский национальный капитал не проявили должного созидательного потенциала для решения указанных задач.

В этих условиях проявляются объективно существующие социально-экономические и политические противоречия, которые выражаются в форме правовых коллизий и конфликтов. Так, в сфере конституционного регулирования экономических отношений система ценностей свободной рыночной и открытой экономики вступает в определенное противоречие с ценностями государства как социального, а также национального (позиционирующегося как самостоятельное и самодостаточное) и суверенного образования многонационального народа России.

Основной политико-правовой механизм разрешений общественных противоречий и коллизий заложен в Конституции РФ. В то же время в самой Конституции России закреплены основы противоречивости подходов к решению указанных вопросов. Так, российская Конституция 1993 г. восприняла классическую либеральную рыночную модель, отказавшись от таких современных элементов, как социальная ответственность частной собственности, роль государства в социально-ориентированной экономике, обеспечение суверенных прав национального государства в условиях глобализации экономики. Тем самым она заложила ряд проблем, которые и сейчас требуют разрешения.

В современных условиях объективно возрастает роль государства в экономике. Как это соотносится с конституционными ценностями рыночной экономики, где необходимо проводить границы вмешательства публичной власти в свободу экономической деятельности? Например, Е.М. Примаков ставил вопрос о необходимости противодействия политике неолибералов

в России, которая содействовала экономическому спаду. По его мнению, она заключается в усилении государственного участия в экономике для обеспечения и сбалансированности экономики, достижения технико-технологического прогресса [9]. По мнению же экспертов ОЭСР, излишнее вмешательство государства в экономику является серьезным тормозом развития российской экономики [12]. Вновь острейшим конституционно-правовым вопросом является поиск выбора оптимальных моделей развития страны и степени участия государства в экономике (в рамках рыночной парадигмы). Все это требует осмысления, уточнения и конституционно-правового отражения.

Базовым критерием формирования стратегической перспективы в регулировании социально-экономических отношений, выборе форм и методов решения экономических задач являются идеи конституционализма. В них предопределяется справедливость и взвешенность взаимоотношений государства и общества в выборе и решении общих экономических задач.

Важнейшие ценности конституционализма заложены в основах конституционного строя. Они представляют собой систему императивных ориентиров, которые позволяют решать сложнейшие вопросы современного развития России. Следует отметить, что традиционно конституционализм связывают с ограничением государства, политической власти Конституцией. В то же время, как справедливо отмечает В.Е. Чиркин, современный конституционализм помимо названного признака включает в себя идеи верховенства права, приоритета

прав и свобод человека, социальной справедливости и т. д. [11, с. 18-21]. С.А. Авакьян представляет еще более широкое содержание конституционализма, в том числе суверенитет народа, демократизм (достаточную легитимность власти), приоритет прав человека, разделение властей, дееспособное гражданское общество [1, с. 230–233].

С нашей точки зрения, расширение содержания конституционализма вполне закономерно, так как процесс гуманизации и усложнения современных общественных отношений требует взаимных ограничений – государства, общества и личности. Исходная цель конституционной формы – ограничение государственного властвования – дополняется не менее важными целями и задачами. Так, система ценностей конституционализма используется для обеспечения баланса интересов государства, общества и личности, нахождения той меры свободы и взаимной ответственности, которая соответствует социальной гармонии и поступательному развитию в данный исторический момент. При этом важнейшим инструментом нахождения и поддержания баланса является национальное суверенное государство.

На наш взгляд, эволюция экономических отношений, а именно свобода экономической деятельности, конкуренция, частная собственность породили необходимость появления философско-правовой парадигмы обеспечения нового политико-правового порядка, основанного на ограничении государства в пользу свободной личности и свободы частной деятельности.

Взаимосвязь конституционализма и экономики, экономических интересов наиболее точно отразил О.Е. Кутафин, который прямо увязал несправедливость проведенной приватизации и порожденные ею проблемы построения конституционного, правового государства, искажения конституционных ценностей [4, с. 342]. Конституционализм необходимо рассматривать реальным фактором, воздействующим на состояние экономики и социальной среды. Такие составляющие элементы конституционализма, как правовое государство, независимая судебная система, реальная легитимность власти, современные экономисты (особенно сторонники институциональной экономики) давно рассматривают в качестве определяющих условий успешного экономического развития. Так, в Декларации Совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи о верховенстве права на национальном и международном уровнях (19 сентября 2012 г.) отмечено, что верховенство права имеет особо важное значение для устойчивого и всеохватывающего экономического роста, устойчивого развития [3].

Исходная модель российской либеральной рыночной экономики в последнее десятилетие наполнялась элементами социально-ориентированной экономики и значительной ролью государства в экономических отношениях. Это является определенным фоном для критики нынешней власти в части отхода ее от конституционных рыночных канонов.

В то же время тенденция расширения вмешательства государства обусловлена неудачной практикой применения свободных рыночных

инструментов. К числу негативных результатов такой практики можно отнести просчеты ваучерной приватизации, отсутствие должного слоя эффективных собственников и цивилизованной конкурентной среды, нерешенную задачу перехода от сырьевой экономики к инновационной и т.д.

Помимо этих факторов, также следует учитывать и важнейшую особенность российской экономической системы. Нельзя не признать справедливость слов академика А. Аганбегяна, который считает, что наша экономика не является рыночной в прямом смысле слова: она смешанная с преобладанием государственно-монопольных и олигархических структур с неразвитой конкуренцией¹.

В этих условиях в России объективно государство вновь стало претендовать на роль основного института по обеспечению социально-экономического роста и благополучия общества.

Вместе с тем руководители страны (Президент РФ, Председатель Правительства РФ) в своих выступлениях постоянно подчеркивают о своей приверженности рыночным принципам², демонстрируют свое понимание того, что «большое государство» закостенеет и становится препятствием для современного экономического роста [6].

На наш взгляд, конституционные ценности рыночной экономики (сле-

дование им) находятся в состоянии объективной противоречивости: прежде всего между рыночной экономикой и социальным государством, а также между государством как основным «дирижером» и свободой экономической деятельности. Это «балансирование» власти в среде названных противоречий не является чем-то новым, уникальным. В любой стране идет постоянный поиск оптимального равновесия и снятия антагонистических противоречий (все противоречия снять нельзя и недопустимо, в противном случае разрушается собственно источник саморазвития общества) различными социально-экономическими интересами в рыночном хозяйстве.

Вместе с тем особую роль в реализации конституционных ценностей в сфере экономики играют методы государственного воздействия. Значение этих методов не раз отмечал В.В. Путин: в экономике у нас имеется отставание методов государственного регулирования экономики от лучших мировых аналогов [2]. Отставание, как правило, означает засилье административных барьеров, искажение рыночных принципов (например, вассальная зависимость бизнеса от представителей власти), давление на бизнес (доведение до банкротства; недобросовестная конкуренция; административные инструменты, направленные на «захват» бизнеса).

К проблемным методам следует также отнести ряд формально-правовых инструментов, умаляющих ряд экономических прав и способов их защиты. Например, законодатель упростил процедуру и условия изъятия частной собственности в собствен-

¹ См.: Коммерсантъ- наука. 2015. №05. С. 54.

² Эта позиция неоднократно подтверждается и в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ, и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., а также в конструировании различных форм государственно-частного партнерства и т.д.

ность государства¹. Конечно, это связано с реализацией важнейших федеральных проектов. Но при этом он ограничил способы и сроки защиты прав собственника.

Особо следует отметить проведение фактической национализации [5]. Понятно, что государству требуется усиление экономического потенциала, основанного на публичной собственности в ряде стратегических областей экономики. Или необходимость национализации требует историческая ситуация, например, «принудительный выкуп» ряда объектов «недружественной» частной собственности в Республике Крым для немедленного решения политических и экономических задач нового субъекта России.

¹ Например, Федеральный закон от 5 апреля 2013 года №43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ. «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участников форума “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество” в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., Кубка конфедераций FIFA 2017 г. и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Но использование этих способов более соответствовало бы конституционным идеям, если бы вовремя был принят (подробнее, например, см. [5]) предусмотренный ГК РФ федеральный закон о национализации, в котором были бы закреплены основания, условия, порядок изъятия частного имущества для государственных нужд, а также необходимые конституционные и процессуальные гарантии частному собственнику.

В настоящее время следование конституционным принципам рыночной экономики в деятельности государственной власти как никогда проблематично: санкционная война, проблемы защиты экономического (и политического) суверенитета государства, стагнация экономического развития и пр. требуют неординарных мер и усилий для решения глобальных задач. Вместе с тем для решения указанных проблем любое отступление от исходных конституционных ценностей, например, таких как предсказуемость и правовая определенность правового акта, соразмерность интересам человека и субъектов хозяйственной деятельности, могут существенно умалить смысл конституционализма как механизма обеспечения баланса всех основных участников экономической деятельности.

В связи с этим в качестве примеров можно назвать ряд Указов Президента РФ: Указ Президента РФ от 11.09.2012 № 1285 «О мерах по защите интересов Российской Федерации при осуществлении российскими юридическими лицами внешнеэкономической деятельности» и Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях

обеспечения безопасности Российской Федерации». В первом Указе установлены ограничения для хозяйственной деятельности открытых акционерных обществ, включенные в перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ. Им запрещается предоставлять органам иностранных государств информацию, касающуюся своей деятельности, вносить изменения в договоры, отчуждать принадлежащее им имущество. В Указе Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» запрещен либо ограничен ввоз на территорию России отдельных видов товаров из стран, принявших решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц.

Не вызывает сомнений политическая обоснованность таких актов. И с позиции правового государства также имеется основательная аргументация. Эти Указы были приняты в рамках полномочий Президента РФ, установленных Федеральным законом от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и Федеральным законом от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». В то же время нельзя не отметить, что ограничения, установленные в указах имеют достаточно серьезные негативные последствия как для субъектов экономической деятельности, так и для граждан (масштабные экономические потери для российского частного бизнеса, экономические (инфляционные) издержки граждан, умаление свободы экономической деятельности, права собственности).

На наш взгляд, столь серьезные ограничения экономических инте-

ресов и свобод (это касается прежде всего российских физических и юридических лиц, в том числе свободы выбирать товары и услуги) должны быть соразмерны целям защиты экономического суверенитета государства, более основательно обоснованы и просчитаны и иметь более определенную правовую форму: например, хотя бы для того, что должна быть ясность, когда заработает механизм импортозамещения и компенсации убытков граждан. В данной ситуации роль парламента и закона была недооценена. Такие общественно значимые правила, предполагающие ограничения важнейших конституционных экономических прав, логичнее принимать в форме федеральных законов, в которых как минимум должны предусматриваться определенные гарантии права собственности, порядок компенсации возможных экономических потерь для граждан и бизнеса [10].

Указанные примеры отражают определенную непоследовательность властных субъектов в применении таких конституционных ценностей, как правовая определенность, соразмерность, приоритет прав и свобод человека.

В оценке методов государственного воздействия на экономику в современной России можно наблюдать тенденцию воссоздания модели мобилизационной экономики [7, с. 288; 8]. При этом предполагается сужение содержания ряда конституционных ценностей рыночной экономики.

На наш взгляд, для решения судьбоносных задач в короткие сроки и при неблагоприятной внешней среде мобилизационная экономика есть вполне приемлемая конструкция. С

правовой точки зрения мобилизационная экономика является особым политико-правовым режимом. Его суть заключается в концентрации ресурсов общества и государства для решения наиболее значимых задач экономического развития с использованием организационно-правовых мер чрезвычайного и / или неординарного характера, имеющих временный характер. Вся проблема заключается в том, чтобы этот режим соответствовал режиму конституционализма.

Возможны различные варианты режима мобилизационной экономики. Наиболее простым является тот, где акцент делается на чрезвычайные полномочия, прежде всего президента и исполнительной власти, сокращение роли парламента в вопросах экономического выбора, установление директивного планирования и ценообразования, ограничения свободы экономической деятельности и конкуренции, сокращение социальной поддержки населения. В этом варианте интерес государства становится непререкаемым, и этот интерес представляет лидер исполнительной власти. Политико-экономическая целесообразность доминирует, баланс интересов всех основных субъектов общественной жизни не является приоритетом.

Конечно, авторитарные модели в ряде стран показывали свою экономическую результативность (Южная Корея, Тайвань, Чили и др.). Однако практика показала существенные издержки этого режима (ликвидация конкуренции, свободы экономической деятельности и, как результат, экономический застой). Поэтому авторитарные режимы в названных

странах вовремя сменились на демократические, что позволило продолжить успешное поступательное экономическое развитие.

Вариант мобилизационной экономики может осуществляться и в режиме основных ценностей конституционализма. Верховенство права, социальная справедливость, правовая определенность и защита основных социально-экономических прав не мешают консолидировать общество для решения сверхзадач. Их соблюдение только повысит легитимность определения стратегических задач экономического развития и способов их достижения всеми ветвями государственной власти.

На наш взгляд, усиление роли государства в экономике в решении мобилизационных задач не корреспондирует свертыванию конституционализма. Эффективность власти в преодолении кризисов строится не на произволе, а на наличии обоснованных, соразмерных и легальных критериев государственного вмешательства в экономическую деятельность.

Итак, система ценностей конституционализма является той универсальной, гибкой политико-правовой формой, которая позволяет сделать наиболее справедливым и взвешанный выбор экономической модели, методов ее осуществления применительно к данным историческим условиям. Такой подход обеспечит государству необходимую консолидированную поддержку общества и понимание граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, Сашко, 2000. 426 с.

2. Владимир Путин: «Нам нужна новая экономика» [Электронный ресурс] // Ведомости. 2012.30.01. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 02.09.15).
3. Концепция кибермира [Электронный ресурс] // Кафедра кибермира. 2012. URL: <http://cyberpeace.org.ua/files/> (дата обращения: 30.08.15).
4. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.
5. Мазаев В. Национализация как конституционный фантом // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 95–105.
6. Мау В. Экономика спроса или экономика предложения? Правительство ищет экономическую модель для России [Электронный ресурс] // Forbes. 28.02.11. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-column/vlast/64060-ekonomika-sprosa-ili-ekonomika-predlozheniya> (дата обращения: 30.08.15).
7. Научный макет новой Конституции России / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2011. 456 с.
8. Пастухов В. Чем болеют конституции? Российский конституционализм: поэзия принципов и проза применения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 74–75.
9. Пономарев И. Евгений Примаков: ждать ли перелома в 2014 году? [Электронный ресурс] // Торгово-промышленные ведомости. 14.01.2014. URL: <http://www.tpp-inform.ru/official/4208.html> (дата обращения: 27.08.15).
10. Пункт 4 Распоряжения Президента РФ от 22 апреля 1992 г. N 189-рп «О мерах, связанных с выполнением Резолюции 748 Совета Безопасности ООН» // Ведомости РФ. 1992. № 18. Ст. 1012.
11. Чиркин В.Е. Конституция: российская модель / Институт государства и права РАН. М.: Юристъ, 2002. 158 с.
12. Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. 2013 г. [Электронный ресурс] // Семинар-презентация Экономического обзора ОЭСР по Российской Федерации: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 17.01.14. С. 76–80. URL: <http://oecdcentre.hse.ru/EconomicSurvey/materials> (дата обращения: 05.09.15).

УДК 342.413(470+571)

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-63-75

Марченко М. Н.*Московский государственный областной университет*

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей действующей Конституции России и методологии ее познания. Автором поставлены актуальные проблемы в части понимания основного закона государства, раскрывается совокупность методов и способов познания Конституции Российской Федерации как важного и основного документа для страны. В выводах подчеркивается, что изучение позитивных и негативных сторон действующей Конституции России создает предпосылки для ее дальнейшего развития и совершенствования как Основного закона в формально-юридическом плане и повышения ее роли и значения в практическом отношении.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, познание, методология, теория, содержание.

M. Marchenko*Moscow State Regional University*

PROBLEMS OF THEORY AND METHODOLOGY OF STUDYING THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the issues concerning the features of the Constitution of Russia and methodology of its interpretation. The author raises urgent problems of understanding the fundamental law of the state, devises a group of methods and means of its understanding. In conclusion it is underlined that the study of positive and negative aspects of the current Constitution provides grounds for its further development and improvement as a fundamental law both in formal judicial and practical aspects.

Keywords: The Constitution, constitutionalism, cognition, methodology, theory, contents.

Со времени принятия первой постсоветской Конституции России до наших дней в отечественной и зарубежной литературе было подготовлено и издано, без преувеличения, множество самых различных по характеру и содержанию работ, посвященных исследованию разных сторон и аспектов данного Основного закона.

Однако, несмотря на это, в силу сложности, многоликости, а нередко – и противоречивости рассматриваемой материи, равно как и других объективных и субъективных причин в познании первой постсоветской Конституции с позиций общей теории государства и права и конституционного права, а также практики реализации содержащихся в ней положений,

остается ряд спорных вопросов, требующих дальнейшего исследования и использования при этом иногда нестандартных методов и подходов с учетом происходящих в мире изменений.

Они касаются в основном *реальной значимости для большинства членов общества и общесоциальной эффективности* Основного закона современной России, «заложенного» в нем потенциала и перспектив его дальнейшего развития, а также *оценочной характеристики* Конституции РФ 1993 г.

При этом, если одни авторы характеризуют ее как «одно из главных достижений постсоветской эпохи» и не без оснований считают, что «этим достижением надо дорожить» и что «необходим бережный и осторожный подход к Конституции» [1, с. 211], то другие исследователи, не отрицая огромной социально-политической и иной значимости постсоветской Конституции, в то же время воздерживаются от столь возвышенной и однозначной оценки данного документа.

Констатируя тот неоспоримый факт, что «имеющиеся конституционные институты зачастую существуют как бы в формально-правовом плане» и что *реальное использование конституционных норм* таково, «что приводит к их обесцениванию», исследователи-специалисты в области конституционного права уже с первых лет существования данного одного «из главных достижений постсоветской эпохи» ставили вопрос о необходимости его «реформирования». При этом подчеркивали, что оно требуется как в связи «с конструкцией конституционно-правовых институтов», так и в связи с «неясностью многих конституционных положений» [1, с. 214].

Следует отметить, что аналогичная оценка действующей российской Конституции сохраняется и поныне. Несмотря на то, резонно замечает по этому поводу С.А. Авакьян, что Основной закон был призван стать фундаментом общественного «климата», однако в реальности оказалось, что «Конституция и жизнь пока сильно расходятся». Указывая на перекосы, «которым попустительствует конституционное регулирование», автор – один из ведущих специалистов в области конституционного права – не без сарказма замечает, что создатели Конституции, по-видимому, «даже не представляли, что создают фундамент другого общества, которого они и сами вряд ли желали» [2, с. 4–5].

Помимо отмеченных спорных вопросов, касающихся оценочного характера, реальности и эффективности тех или иных положений Основного закона современной России, в научной литературе вполне естественно акцентируется внимание и на других спорных положениях, а также на «белых пятнах» в исследовании природы, характера, особенностей модели, самобытности и самодостаточности первой постсоветской Конституции России.

Нет необходимости, в силу очевидности, доказывать, что удовлетворительное решение их имеет огромное не только и даже не столько теоретическое и методологическое, сколько практическое, точнее – политико-правовое значение; это – во-первых. А во-вторых, в современных условиях – в условиях глобализации и регионализации, сопровождаемых углублением взаимосвязи и взаимного влияния друг на друга государственно-правовых образований, конституционно

значимые и иные им подобные вопросы не могут быть познаны и успешно разрешены, как это было раньше, на относительно узкой в теоретическом и методологическом плане, сугубо национальной основе, без учета определенного воздействия на происходящие в стране процессы извне и без учета возникающих на современном этапе развития государственно-правовой материи новых веяний и разработок в сфере общей теории права и конституционного права.

В плане более глубокого и разностороннего познания сущности, содержания, социальной роли и назначения Конституции современной России, равно как и любого иного государства и общества, юридически и методологически важным представляется обратить внимание прежде всего на то, *как, в каких условиях и под влиянием каких объективных и субъективных факторов данный Основной закон формируется и в каких социально значимых направлениях для всего общества, а не только для его отдельных слоев и классов, он развивается.*

Исследованию данных и других, тесно связанных с ними вопросов в отечественной литературе традиционно уделяется значительное внимание¹. Поэтому нет необходимости применительно к Конституции РФ обстоятельно останавливаться на их рассмотрении.

Следует отметить с общетеоретических и методологических позиций, во-первых, что необходимость принятия Конституции 1993 г. была

¹ См.: Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2002; Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. М., 2007; Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. Чиркин В.Е. М., 2011; и др.

объективно обусловлена возникновением принципиально нового, по сравнению с прежним, государственного образования и, соответственно, сменой государственного режима, требующего для своего закрепления и развития новой Конституции и создания на ее основе нового, обслуживающего этот режим, текущего законодательства.

Во-вторых, на процесс разработки и принятия новой Конституции России оказали как позитивное, так и негативное влияние многочисленные внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы. Разумеется, это не могло не сказаться соответствующим образом на характере и содержании, а также на других сторонах создаваемого документа.

Говоря о влиянии *внутренних факторов* на процесс формирования Конституции России, следует обратить внимание, в первую очередь, на состояние страны и общества в данный период, психологический настрой населения, наконец, в-третьих, на соотношение сложившихся в обществе под влиянием различных факторов социальных сил.

В подобных случаях исследователи традиционно апеллируют к многократно подтвержденному самой жизнью положению, сформулированному еще в XIX в. Ф. Лассалем о том, что «действительная Конституция страны – это фактическое соотношение сил, существующих в стране» и что она «тогда лишь прочна и имеет значение, когда является точным выражением реальных соотношений общественных сил» [13, с. 33–34]. Или тогда обращаются к высказыванию В.И. Ленина, согласно которому «сущность

Конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [14, с. 345]. Данное положение об отражении в Конституции соотношения сложившихся в обществе социальных («классовых») сил и их борьбы за содержание Основного закона *касаются не только процесса его разработки и принятия*, когда, по словам одного из разработчиков проекта Конституции 1993 г. В.Д. Зорькина, «велись бои за каждую строчку этой Конституции», поскольку победившим в 1991 г. силам в лице «радикальных демократов» казалось «вполне логичным закрепить до конца свое политическое превосходство, очистив политические институты от противников» [6, с. 34]. В не меньшей степени положение о соотношении и борьбе различных социальных сил относится также и к *процессу функционирования, реализации конституционных установлений на практике*. Это в полной мере подтверждается двадцатилетней практикой существования и функционирования Конституции Российской Федерации, когда, в том числе по причине противостояния различных социальных сил, ряд положений Основного закона или не реализуется вообще, или под давлением той или иной стороны в процессе реализации деформируется (см. подробнее об этом: [5, с. 324–326; 8, с. 213–215; 12, с. 63–64]).

Ситуация, по сути, не изменилась и после того, как, по справедливому замечанию Б.С. Эбзеева, Конституция «из способа закрепления строя патерналистского государства с характер-

ной для него неограниченной правовыми рамками властью» на начальном этапе своего существования и функционирования стала на более позднем этапе «законом, закрепляющим строй правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина, составляющими сферу индивидуальной автономии личности» [18, с. 217].

Что касается *внешних факторов*, оказавших наряду с внутренними факторами влияние на процесс формирования Конституции РФ и разработку если не ключевых, то весьма важных конституционных положений, здесь, очевидно, следует указать на два обстоятельства. Первое связано с влиянием на российский конституционный процесс конституционных актов ряда западных государств (Франция, США, Германия и др.) и заимствованием у них некоторых устоявшихся принципов и положений (в частности, принципа разделения властей, принципа «идеологического многообразия», формы частной собственности, которая признается и равным образом защищается наряду с государственной, муниципальной и иным формами собственности, и др.). Второе обстоятельство связано с влиянием на российский конституционный процесс *западных либеральных и неолиберальных политико-правовых концепций*, касающихся «государства всеобщего благоденствия» (российский термин – «социальное государство»), социально-экономических прав граждан – их фактического непризнания западными теоретиками и практиками как таковых или признания в виде неких «привилегий», принципа «политического многообразия» – политическо-

го плюрализма и др. Особое значение при этом имеет развивающийся в *виде тенденции* на глобальном, региональном и национальном уровне, включая отчасти СССР и постсоветскую Россию, *парламентаризм*, основным кредо которого является система организации государственной власти с доминированием в ее структуре высшего представительного органа – парламента и *конституционализм*.

В отечественной и зарубежной литературе нет общего понятия и, как верно конституируют исследователи, даже общего «согласованного подхода» в понимании конституционализма [5, с. 323; 20]. Хотя изучению данного явления и разработке отражающей его концепции, особенно в последние годы, с развитием процессов глобализации и регионализации, отечественными и зарубежными учеными уделяется повышенное внимание.

При этом в одних случаях авторы ограничиваются в основном указанием на трудности в определении понятия конституционализма как такового, вообще, и регионального (европейского) конституционализма в частности, а также на основные пути и средства их преодоления [26, р. 489].

В других случаях предпринимаются попытки, как отечественными, так и зарубежными авторами, использования описательного подхода к познанию конституционализма, определения его в узком смысле [17, с. 3–4; 28]. Наконец, в третьих случаях исследователи, не достигнув «консенсуса» в определении понятия конституционализма, пытаются рассматривать его как «*универсальную*» *тенденцию* на глобальном, региональном и национальном уровнях, а также в формаль-

ном и реальном (фактическом) плане [24, р. 11–13; 26, р. 490–493].

Существуют и другие подходы к определению общего понятия конституционализма. Однако не о них как таковых, и даже не о самом формально-юридическом определении данного понятия, идет речь, а о том, какой смысл вкладывается в термин «конституционализм», какими признаками и чертами «наделяется» это явление, и что делает его не только социально-значимым, но и способным оказывать влияние на конституционно-правовое развитие разных регионов (например, на Западную Европу в лице Европейского Союза) и национальных государств, включая постсоветскую Россию.

Набор этих признаков и черт, как свидетельствует анализ специальной отечественной и зарубежной литературы, посвященной рассмотрению различных сторон конституционализма, весьма широк и разнообразен. Но наиболее значимыми из них являются следующие: а) связь конституционализма с принципом **Rule of Law** (господства, верховенства права) и с другими *демократическими принципами*; б) ограничение прерогатив парламента в ряде стран строгими рамками Конституции (во Франции, США и других странах «Конституция, а не парламент обладает верховенством» (*supreme*)); в) наделение «политическим мандатом и ответственностью правительства»; г) признание высокой значимости Конституции как «правовой основы государства и социального контракта между гражданами» и др. [23].

Аттестуя конституционализм как «идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути

социального прогресса» [1, с. 226] и представляя правовое государство как воплощение идей и применение принципов конституционализма» [5, с. 323], отечественные авторы акцентируют внимание также и на других признаках и чертах данного явления. В частности, указывается на то, что конституционализм содержит в себе целый «ценностный ряд как неотъемлемую часть правосознания личности и правовой культуры» [5, с. 323; 10, с. 6].

Из этих и иных положений, признаков и черт складывается общее представление о конституционализме как о явлении, отражающем его понятие, оказавшем, как представляется, судя по формально-юридическому содержанию действующей российской Конституции, на процесс ее разработки и принятия определенное влияние.

Однако, говоря об этом, не следует упускать из поля зрения тот факт, что речь идет о *традиционном конституционализме*, появившемся в арсенале западной политико-правовой идеологии во второй половине XX в. и ассоциирующемся с *национальными государствами и их конституционно-правовыми актами* [20].

В настоящее время в западной конституционно-правовой теории, как известно, в связи с процессами глобализации и регионализации развиваются новые идеи и теории, касающиеся *наднациональных конституций и наднационального конституционализма* [25, р. 11–16; 26, р. 495–497; 27, р. 3–5], которые, несомненно, оказывают и, по мере их развития, будут оказывать определенное воздействие на конституционно-правовые процессы, происходящие в разных странах.

Помимо внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на процесс разработки и принятия первой постсоветской Конституции, с теоретической и методологической точки зрения, в плане ее более глубокого и всестороннего изучения, представляется важным обратить внимание на характер данного Основного закона, а также на то общее и особенное, что Конституцию современной России объединяет с другими конституционными актами и что ее среди них выделяет.

При выявлении характера действующей российской Конституции специалистами в области конституционного права традиционно указывается на то, что она: а) *имеет основополагающий характер*, который заключается в регулировании ею наиболее важных общественных отношений, а также в том, что она «является базой движения общества по пути исторического прогресса»; б) *обладает стабильностью*, основывающейся на «незыблемости самого социального строя, в условиях которого она принимается и который оформляет» и «проявляющейся в длительности действия Конституции без внесения существенных изменений»; в) *отличается реальностью* в том смысле, что соответствует фактически существующим общественным отношениям и в том, что Конституция «должна отвечать потребностям общества, интересам граждан РФ»; г) *обладает народностью*, поскольку, как и предшествующие нынешнему Основному закону прежние российские Конституции, выражает интересы народа. Это проявляется в том, что «именно сам народ создает объективные предпосылки появления новых конститу-

ций» и в том, что «народ может непосредственно участвовать в разработке и (или) принятии нового Основного закона» [1, с. 27–30].

В целом разделяя данные и им подобные суждения, высказанные относительно характеристики Конституции РФ как акта, обладающего основополагающим характером и стабильностью [4], мы затрудняемся, однако, сообразуясь с современной российской действительностью, говорить о ее «реальности», как она обычно понимается, и о ее «народности». В данном случае, как представляется, имеет место «перебор».

Несомненно, что реальная, а не формальная Конституция должна отвечать потребностям всего общества и интересам всех граждан, *реально гарантировать и защищать их права*. Но это декларация, конституционно-правовая теория, которая гласит о том, *что должно быть, а не что есть на самом деле*.

Практика же, реальность, ассоциирующаяся с чудовищным материально-финансовым и порожденным им иным фактическим неравенством в стране; с непомерным, заработанным «в поте лица» богатством одних (небольшой «горстки»), как правило, приближенных к власти людей, и проживающих на грани нищеты остальной – весьма значительной – части общества; с перманентной безработицей и прочими социальными и иными невзгодами, – эта практика и реальность свидетельствуют об обратном. А именно – о том, что в ряде случаев конституционные декларации по отношению к «рядовым», законопослушным гражданам, как правило, остаются не чем иным, как обычными декларациями,

порождающими индифферентное отношение к основному закону и правовой нигилизм [8, с. 224].

В современных российских условиях, когда речь идет о реальности постсоветской Конституции, которая, скажем, провозглашая, что «труд свободен» и что «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду» (ст. 37), но при этом, в отличие от Конституции РСФСР 1978 года (ст. 38), никак этот «свободный труд» не обеспечивает, – в этих условиях можно говорить о ее реальности как «проективной» модели Конституции [3] лишь гипотетически, апеллируя не к настоящему, а к будущему.

Что касается «народности» действующей Конституции, то, исходя из ее настоящей сущности, а также из истории ее формирования, принятия и двадцатилетнего опыта ее функционирования, когда она фактически «обслуживала» и защищала прежде всего интересы чиновников разных рангов и, образно говоря, сидящих в банках, а также на нефтяных и газовых трубах олигархов, – исходя из этого постсоветскую Конституцию было бы более точно и близко к реальности именовать не «народной, а условно-элитарной», если можно считать «элитой» стоявших вокруг первого Президента России людей.

Рассмотрение в подобных случаях в виде элитарных по своей природе и характеру конституционных актов не является, как известно, чем-то необычным, а тем более – оригинальным в современной юридической и социологической литературе «цивилизованных» стран, включая, в том числе, США. В подтверждение этого, можно

сослаться на работу известных американских авторов Т. Дая и Л. Цайглера под названием «Ирония демократии», в которой они, установив, что «Америкой правят не массы», а «очень незначительное меньшинство» (*tiny minorities*), именуемое *элитой*, которое принимает «все ключевые политические, экономические и социальные решения» [22, р. 1], пришли к вполне логичному выводу об «элитарном» характере не только текущего законодательства, но и самой Конституции США. В силу того, что «массы людей не принимали никакого участия в подготовке и принятии Конституции», рассуждают исследователи, «есть основания полагать, что они неизбежно будут находиться к ней в оппозиции». Осознавая это, элита предусмотрительно закрепляла «в самом этом документе» – в Конституции – ряд положений, защищающих «свои политические и экономические интересы от угрозы (*from threats*) со стороны народных масс» [22, р. 54].

Сравнивая характер Конституции США и постсоветской Конституции России, можно заключить, что у последней есть все основания, исходя из ее «проективной» модели и одной из ее главных изначальных задач, как справедливо отмечают исследователи, – закрепление позиции «сильного Президента РФ» [1, с. 132], – именоваться не «народной», а элитарной Конституцией.

Наряду с выявлением природы и характера действующей Конституции России с теоретических и методологических позиций большое значение в процессе ее познания имеет, как представляется, определение у нее *общих с другими Конституциями черт*, которые их объединяют, и выявление у нее

особенностей, которые ее среди них выделяют.

При выявлении и рассмотрении *общих черт*, акцент с необходимостью делается на *формально-юридической стороне* Конституции РФ и других государств, поскольку их фактическая сторона в каждой отдельной стране конкретизируется и индивидуализируется, приобретая при этом в рамках общего частный характер [19; 29].

Среди *общих черт*, ставящих Конституцию России – Основной закон общества и государства как общеродовое, однопорядковое явление, в один ряд с другими Конституциями – аналогичными явлениями, необходимо выделить следующие: обладание высшей юридической силой; регулирование наиболее важных общественных отношений; выступление в качестве основы правовой системы государства; проявление в качестве основы организации государственной власти и управления обществом; выступление в виде выразителя основных юридических ценностей, связанных с правами и свободами человека и гражданина; наличие особого порядка принятия и изменения.

Кроме названных общих черт Конституций, в отечественной и зарубежной литературе обращается внимание также на такие черты, как, например, многогранный и многоаспектный характер конституционных актов, позволяющий исследователям рассматривать их в качестве «универсальных» регуляторов общественных отношений, возникающих в самых различных сферах жизни общества и деятельности государства.

Выделяя и обстоятельно рассматривая различные грани и аспекты

конституционных актов, западные авторы, специализирующиеся в области конституционного права, нередко проводят мысль (пытаются ее доказать) о том, что в каждой стране фактически существует не одна, а несколько Конституций, каждая из которых охватывает лишь ту или иную сферу. В качестве самостоятельных актов предлагается рассматривать, в частности, экономическую, политическую, юридическую, социальную Конституции и “Конституцию по безопасности” (*security Constitution*) [27].

Несомненно, построение такого рода конституционных конструкций позволяет более глубоко и обстоятельно сосредоточиться на рассмотрении роли и значения Основного закона в различных сферах жизни общества и деятельности государства.

Однако, при этом остаются весьма спорные вопросы относительно такого рода “отраслевых” Конституций, построенных фактически на *гипертрофировании отдельных сторон и аспектов Основного закона*. Суть этих вопросов заключается прежде всего в том, можно ли такого рода Конституции рассматривать в виде основополагающих актов не только в “своих”, непосредственно охватываемых ими, но и в других сферах? Обладают ли они свойствами универсальности, как традиционный Основной закон, по отношению друг к другу и к обычным законам? Наделяются ли они высшей юридической силой? И как в таком случае они, будучи “узкопрофильными”, “отраслевыми” Конституциями, соотносятся друг с другом? Возникает целый ряд и других, им подобных вопросов, искусственно порожденных стремлением создать в каждой от-

дельно взятой стране вместо одной существующей Конституции несколько отличающихся друг от друга Конституций. Вряд ли это оправдано как с теоретико-методологической, так и с политико-правовой, практической точки зрения. Ибо ничем не оправдана сумятица, вносящаяся в сложившиеся и многократно подтвержденные самой жизнью конституционно-правовые теории и представления; она лишь порождает много вопросов и не дает на них удовлетворительных ответов.

В перечне общих черт, ставящих Конституцию современной России в один ряд с конституционными актами других стран и с прежними российскими Конституциями, кроме названных, следует указать также с точки зрения общей теории права на их *позитивистский характер*.

В научной литературе верно отмечалось по этому поводу, что в действующей Конституции РФ «текстуально заявлены все критерии национального позитивного права как универсальной нормативной целостности, необходимой для обеспечения каждому содержательно конкретизированной возможности пользования своими правами, свободами во всякой конституционно значимой ситуации» [11, с. 17]. Аналогично обстоит дело с позитивистским характером Конституций и в других странах. Причем, вполне резонно констатируют западные исследователи, «позитивистские Конституции» существуют не только в национальных, но и в наднациональных правовых системах, в частности, в правовой системе Евросоюза [21].

Разумеется, по мере развития общества и государства позитивистский характер конституционных, равно

как и других нормативно-правовых актов, претерпевал и претерпевает определенные изменения. Это связано, в частности, с тем, как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, что «в конституциях, принятых после Второй мировой войны, возобладали идеи о неотъемлемых, прирожденных правах и свободах человека» [7, с. 26].

Конституция 1993 г., наряду с Конституциями современных «цивилизованных» государств, тоже содержит в себе ряд положений, касающихся «неотъемлемых, прирожденных прав и свобод человека». Более того, она, в отличие от многих других Конституций, прямо закрепляет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). Но от этого она, так же как и другие Конституции, закрепляющие такого рода естественно-правовые положения, отнюдь не меняет своего позитивистского характера и не становится, скажем, естественно-правовой конструкцией.

В сохранении позитивистского характера выражается одно из проявлений общности Конституции современной России с Конституциями других стран и вместе с тем ее *преемственности* [15] от всех предшествовавших ей отечественных конституций.

Будучи позитивистским, элитарным, многогранным и многоаспектным по своему характеру Основным законом постсоветского Российского государства, а также имея ряд иных общих с основными законами других стран и с предшествовавшими отечественными Конституциями положений, действующая Конституция России, наряду с общими чертами, обладает вместе с тем и своими *особенностями*.

В отличие от общих черт, которые проявляются в основном на формально-юридическом уровне, отличительные особенности постсоветской Конституции России выступают *преимущественно в практическом плане*, проявляются в основном в *процессе реализации или, наоборот, нереализации содержащихся в ней положений*. Между тем отдельные особенности Основного закона России проявляются и на формально-юридическом уровне. Речь идет, в частности, о таких его формально-юридических особенностях, как: прямое действие Конституции РФ; закрепление положения об идеологическом многообразии и политическом плюрализме; утверждение принципа равноправия субъектов РФ при их фактическом и формально-юридическом неравенстве (республики и остальные субъекты); закрепление особого положения частной собственности, о защите и охране которой, в отличие от других форм собственности, дважды (ст. 8, п. 2 и ст. 35, п. 1) говорится в Конституции; установление весьма широкого круга прав и свобод человека и гражданина, включая право на достоинство, право на свободу, личную неприкосновенность и право на жизнь; закрепление положения, согласно которому «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» является обязанностью государства, и др.

Данные и другие формально-юридические особенности Основного закона страны дополняются *особенностями, возникающими в процессе их реализации*. В современной России так же, как и в любой другой стране, социально значимые положения, закрепленные в конституционном по-

рядке, формально-юридически, далеко не всегда одинаково претворяются в жизнь, реализуются фактически.

При этом речь идет не только и даже не столько, скажем, о разных формах, приемах и методах реализации тех или иных конституционных положений, сколько *о разных уровнях их реального обеспечения и осуществления.*

При попытке оценить действующий Основной закон России как с формально-юридической, так и с фактической стороны – со стороны его реального воздействия на различные сферы жизни общества и государства, необходимо обратить внимание прежде всего на то, что Конституция РФ 1993 г. способствовала, после распада СССР, сохранению целостности Российского государства; создала условия для установления в стране определенного правопорядка и поддержания принципа законности и конституционности; способствовала созданию предпосылок в стране для формирования и развития демократического, правового и социального государства.

Однако, отдавая дань действующей уже в течение 20-летнего срока Конституции России, следует в то же время указать на то негативное *с точки зрения интересов всего общества*, что совершалось под сенью Конституции в 90-е годы и что происходит перманентно под ее прикрытием сейчас.

Весьма банальным представляется перечень тех «славных» событий и явлений, которые происходили в столь же «славные» 90-е годы. Это – приватизация «по понятиям», порождение сверхбогатых и сверхбедных, раскол «социума» по материальному и всемирным, обусловленным им признакам, деградация общества, демографиче-

ская яма, ослабление государства [6, с. 306], разгул чиновничьей коррупции и криминала и т. д.

Нелегитимность возникшей при этом собственности, равно как и неоднозначность всех иных, связанных с ее использованием «проектов», является, образно говоря, миной замедленного действия как для будущего общества, так и для государства. Нелегитимность такого рода собственности, верно подмечает В.Д. Зорькин, «это в итоге главная причина неэффективности российской экономики, обуславливающая и ее «сырьевой перекос», и вывоз капиталов из страны, и отсутствие потенциала для инновационного развития, и низкую инвестиционную привлекательность России» [9].

Если перечень «славных» событий и явлений 90-х гг. является банальностью, то не банальным, а требующим своего специального исследования и осознания представляется тот факт, что все эти события и явления происходили не сами по себе, а под воздействием той социально-политической и иной среды, которая, хотя и в номинальной степени, но закреплялась и охранялась Конституцией.

Аналогичным образом обстоит дело и в настоящее время, когда под эгидой Конституции совершаются также рукотворные события и явления, которые не всегда в полной мере соотнобразуются и учитывают интересы общества, да и самого Российского государства.

Речь идет, в частности, *о продолжающейся приватизации стратегически важных объектов*, рассматриваемой экспертами как «сценарий ликвидации государства» [16, с. 13]; *об абсолютизации рынка*, насаждаемого практически

во всех сферах жизни общества как некоего универсального средства решения не только экономических, но и иных, возникающих в обществе проблем; *о недооценке социальной значимости и подмены ведущей роли* в любом жизнеспособном обществе *труда производителя материальных и иных благ* активностью ничего не производящего *посредника*, который раньше именовался спекулянтом, а ныне – бизнесменом; о проведении в стране по западному образцу так называемых реформ в сфере отечественного образования и науки, приводящих, как свидетельствует «опыт» их существования, к постепенному снижению их уровня и последующему за этим разрушению, и др.

Изучение позитивных и негативных сторон действующей Конституции России, несомненно, создает предпосылки для ее дальнейшего развития и совершенствования как Основного закона в формально-юридическом плане и повышения ее роли и значения в практическом отношении. Вместе с тем это способствует осознанию властью имущими необходимости *корректировки в интересах всего общества и российского государства* нынешнего, далеко не бесспорного экономического и социально-политического курса, по которому идет страна к виртуальному «светлому будущему».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, Сашко, 2000. 426 с.
2. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 3–10.
3. Аврутин Ю.Е. Перспективы развития административного права в контексте конституционной самоидентификации современной России // Журнал российского права. N 5. 2008. С. 42.
4. Автономов А. Конституция как ценность // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3. С. 57–58.
5. Добрынин Н.М. Дискурс о правовом государстве // Конституционный контроль: доктрина и практика. Материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации. СПб., 28-29 октября 2011 г. / Под ред. Зорькина В.Д. М.: Норма, 2012. С. 319–330.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: ИНФРА М, 2011. 720 с.
7. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: Норма, 2008. 224 с.
8. Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 416 с.
9. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2007. 144 с.
10. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: монография. М.: ООО «Изд-во ЮКЭА», 2002. 362 с.
11. Крусс В.И. Конституционное правописание и злоупотребление правом // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 8. С. 13–20.
12. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 444 с.
13. Лассаль Ф. Сущность Конституции. Что же дальше? СПб.: Молот, 1905. С. 33–34.
14. Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В.И.

- Полное собр. соч. в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1958–1967. Т. 17. С. 345.
15. Марченко М.Н. Методологические аспекты познания российских Конституций 1978 и 1993 гг.: сравнительный анализ // Государство и право. 2008. № 12. С. 19–22.
16. Приватизация России // Совершенно секретно. 2011. № 3. С. 13.
17. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. М.: Манускрипт, 1996. 108 с.
18. Эбзеев Б.С. Конкретизация и актуализация норм Конституции Российской Федерации как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека и гражданина // Российское правосудие. Теория права и государства. М., 2009. С. 217.
19. Besselink L. Constitutional, Adjudication in the Era of Globalisation: The Netherlands in Comparative Persective / European Public Law. 2012. Issue 2.
20. Bogdandy A. Constitutionalism in international Law: Comment on Proposal from Germany // Harvard international Law Journal. 2006. Vol. 47. № 1. P. 223–225.
21. Christiansen Th. and Reh Ch. Constitutionalizing the European Union. N.Y., 2009. P. 8–11.
22. Dye Th. And Zeigler L. The irony of Democracy. An Uncommon introduction to American Politics. Belmont, 1980.
23. Ghai Y. Constitutionalism and the Challenge of ethnic Diversity // Heckman J., Nelson R. and Cabatingan L. (eds). Global Perspective on the Rule of Law. NY., 2010. P. 280–283.
24. Nergelius J. The Constitutional Dilemma of the European Union. Amsterdam, 2009.
25. Palermo Fr., Toggenburg J. (eds). European Constitutional Values and Cultural Diversity. Bozen, 2003. P. 11–16.
26. Scicluna N. EU Constitutionalism in Lux: Is the Euro zone Crisis Precipitating Centralization or Diffusion? // European Law Journal. 2012. Vol. 18. № 4.
27. Tuori K. The Many Constitutions of Europe / Tuori K. and Sankari S. (eds). The Many Constitutions of Europe. London, 2010. P. 9–11.
28. Walker N. Multilevel Constitutionalism: Looking Beyond the German Debate // Tuori K. and Sankari S. (eds). The Many Constitutions of Europe. London, 2010. P. 143–144.
29. Weiler J. and Wind M. (eds.). European Constitutionalism Beyond the State. Cambridge, 2003.

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.2

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-76-82

Гапеев Д.Е.

Московский государственный областной университет

НАЕМНЫЕ ДОМА – НОВЕЛЛА ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования рынка доступного арендного жилья и развития некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень дохода, но не являющихся при этом малоимущими. Автор акцентирует внимание на особенностях законодательной регламентации, создания и эксплуатации наемных домов социального использования, особенностях предоставления «льготного режима» инвесторам. В статье приведен анализ состояния современного жилищного законодательства, сделаны выводы относительно перспектив развития некоммерческого жилищного фонда.

Ключевые слова: малоимущие, нуждающиеся, некоммерческий жилищный фонд, договор найма жилого помещения, жилищный фонд социального использования, наемные дома, инвестор.

D.Gapeyevok

Moscow State Regional University

HOUSES FOR RENT AS A NEW PHENOMENON IN HOUSING LEGISLATION

Abstract. The article considers the issue of forming the market of affordable rent housing and the development of noncommercial housing stock for citizens of low income, but not needy. The author focuses attention on the features of legislative regulation, creation and maintenance of houses for social rent and terms of granting «preferential mode» to investors. The conditions

© Гапеев Д.Е., 2015.

of modern housing legislation are analyzed and conclusions are made concerning the prospects of noncommercial housing stock development.

Key words: the needy, noncommercial housing stock, the tenancy agreement, housing stock of social use, houses for rent, investor.

Согласно ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации, малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. Таким образом, как вытекает из ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации, право на бесплатное получение жилища гарантируется не всем, а только малоимущим и иным указанным в законе гражданам [7].

Жилищным кодексом предусмотрена возможность предоставления жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда малоимущим гражданам, признанным нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма. Малоимущими гражданами являются граждане, если они признаны таковыми органом местного самоуправления в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Российской Федерации, с учетом дохода, приходящегося на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению (ст. 49 Жилищного кодекса РФ) [2].

В связи с ограничением круга лиц, имеющих право на получение жилого помещения по договору социального найма, законодательством не обозначены пути решения жилищной

проблемы семьями, не подлежащими обеспечению жильем по договору социального найма и не имеющими финансовой возможности приобрести жилье [6; 8].

Для сравнения, по опыту зарубежных стран, Федеральные власти США начали бороться с проблемой обеспечения жильем давно; еще в 1937 г. был принят Жилищный акт, в соответствии с которым федеральное правительство субсидировало аренду жилья для малоимущих слоев населения: арендатор оплачивал часть аренды (30 % от чистого совокупного дохода семьи), остальное оплачивало государство.

В США существуют специальные программы для строителей. Если застройщик согласен отдать 20 % жилья для малоимущих, то государство дает ему возможность увеличить плотность застройки и построить, например, вместо трех восемь домов. В результате, всем выгодно: государство решает проблему жилья для малоимущих, люди получают квартиры, застройщик – прибыль от строительства дополнительных зданий [9].

Правительство Германии периодически рассматривает концепции социального строительства, разрабатываемые, как правило, партийными фракциями парламента. В рамках таких программ, во-первых, предполагается выделение определенных средств на строительство социальных квартир. Во-вторых, что не маловажно, в концепцию закладываются положения

о качестве жилья: согласно исследованиям и оценкам уже построенного социального жилья, проведенным экспертами, около 45 % квартир имеют планировочные, конструктивные и другие недостатки. Предлагаются, как правило, способы, позволяющие повысить качество и уровень комфорта социального жилья без существенного увеличения его стоимости. Доля социального жилья в общем жилищном строительстве Германии составляет примерно 10 процентов [5].

Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 предусматривается формирование рынка доступного арендного жилья и развитие некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень дохода. В данном случае речь идет о лицах, нуждающихся в улучшении жилищных условий, но не являющихся при этом малоимущими. В Госдуму в конце декабря 2012 г. был внесен законопроект, призванный выполнить поставленную главой государства задачу. По оценке председателя Комитета Госдумы по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Галины Хованской, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ коснется примерно 40 % населения России [7].

Как считают авторы законопроекта, арендное жилье позволит решить сразу несколько проблем: снизить стоимость коммерческой недвижимости, повысить мобильность населения, обеспечить жильем граждан, имеющих невысокий уровень дохода [3].

Галина Хованская отмечает: «Речь идет в первую очередь о бюджетниках, имеющих “белую” зарплату, которая превышает порог, о молодых семьях – это вторая категория, которая остро

нуждается в этом виде жилищного фонда. Третья категория – это специалисты, которых привлекают развивающиеся крупные предприятия. Руководство привлекает их с семьями, и, естественно, они кровно заинтересованы в жилищном фонде, который предоставляется на длительный срок, за разумную плату, которая будет меньше, чем на рынке жилья. Особенно этот вопрос остро стоит в крупных региональных центрах, где стоимость найма на рынке достаточно высока» [4].

Предполагается, что доля жилья в арендных многоквартирных домах от общей площади ввода жилья в многоквартирных домах составит 3,8 % в 2015 г., 7,4 % в 2017 г. и 9,4 % в 2020 г. [3].

Квартира в наемном доме социального использования может быть представлена гражданину, который признан нуждающимся в жилом помещении по основаниям, предусмотренным Жилищным кодексом РФ или другими нормативными актами. При этом его доход и доход членов его семьи, а также стоимость подлежащего налогообложению имущества не должны превышать определенные значения, которые будет устанавливать индивидуально каждый субъект РФ (ст. 91.3 Жилищного кодекса РФ) [2].

Уровень благосостояния, который позволит человеку претендовать на квартиру в наемном доме, региональные власти будут устанавливать исходя из простого принципа. Доход гражданина не должен позволять ему и членам его семьи приобрести жилье в собственность за счет собственных средств, кредита или займа, причем определяться это будет исходя из цен на квартиры на территории муниципального образования, где он проживает.

В ходе обсуждения Закона многие граждане опасались, что квартиры в рамках некоммерческого найма можно будет передавать иностранным гражданам, что негативно скажется на российских «очередниках». Однако Законом это прямо запрещено с единственной оговоркой – исключение из данного правила может быть установлено международным договором. Также жилье на основании некоммерческого найма не смогут получить граждане, признанные или имеющие основания быть признанными малоимущими – для них предусмотрен социальный наем.

Наемным домом, или, другими словами, домом, предназначенным для найма, считается дом, в котором все помещения (или весь дом) принадлежат одному собственнику и предназначены для сдачи в наем. При этом помещения в таком доме могут сдаваться для социального или коммерческого найма.

Наемный дом, в котором доля помещений, сдаваемых в наем по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования, и их площадь составляет более 50 процентов, считается наемным домом социального использования. Остальные наемные дома считаются наемными домами коммерческого использования. Для создания и эксплуатации наемных домов социального использования могут использоваться средства государственного или муниципальных бюджетов или иных лиц.

Наемным домом является здание (или все помещения в здании), которые принадлежат одному собственнику и предназначаются для предоставления гражданам по договорам найма

жилых помещений (ст. 91.16 Жилищного кодекса РФ) [2].

Положение о том, что доля жилых помещений, предоставленных по договорам некоммерческого найма в наемном доме социального использования, не может быть менее 50 % (равно как и доля соответствующих помещений в общей площади дома), породило бурные дискуссии еще на этапе рассмотрения Закона Госдумой, так как фактически позволяет половину квартир в наемном доме социального использования сдавать в коммерческий наем.

При этом в качестве наймодателя по договору некоммерческого найма могут выступать:

- уполномоченный государственный или муниципальный орган либо уполномоченная указанным органом организация;
- организация, являющаяся собственником жилого помещения или уполномоченная собственником такого жилого помещения (ст. 91.2 Жилищного кодекса РФ [2]).

Наймодателем по договору некоммерческого найма в одном наемном доме социального использования может являться только одно лицо.

Председатель Комитета Госдумы по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Галина Хованская отмечает: «Изначально 100 % квартир в таком наемном доме должны были быть отданы очередникам. К великому сожалению, все-таки пролоббировали застройщики возможность в этом же доме сдать квартиры под коммерческие цели. Мне эта норма крайне не нравится, она нарушает концепцию, которую я предлагала изначально. Представьте себе, завтра придет 100 очередников, на 100 квартир, а

им скажут: 50 % – да, а остальные – на коммерческие цели. Я вообще считаю, что эту формулировку нужно переделывать и прописать, что отдавать на коммерческие цели жилье можно только в том случае, если нет очередников, нуждающихся в нем» [7].

При этом данное положение, по мнению Галины Хованской, также может стать причиной конфликта интересов среди жильцов таких домов, так как очевидно, что «коммерческие» и «некоммерческие» наниматели относятся к разным социальным категориям. «Никогда их жители не договорятся, потому что у них разные возможности и разные требования к услугам управляющей компании» [7], – заметила Галина Хованская в ходе обсуждения документа в Госдуме.

Кроме того, согласно позиции Галины Хованской, обойти норму 50 % достаточно просто, так как штраф для застройщика – 100–200 тыс. руб. «Он заплатит, и весь дом станет коммерческим», – пояснила депутат [4].

В разрешении указанной проблемы законодатель бессилен. Предоставление застройщикам права сдачи 50 % жилых помещений под коммерческий наем – вынужденная мера стимулирования застройщиков для реализации проектов по строительству наемных домов.

Управление наемным домом осуществляет сам наймодатель, если собственник такого дома или помещений в нем не передал данную обязанность управляющей организации.

При этом собственник здания может изменить цель использования наемного дома (с социальной на коммерческую) или же вообще перестать использовать его в качестве такового.

Однако при этом законодатель установил ряд гарантий соблюдения интересов, как нанимателей, так и государственных и муниципальных органов. Так, подобные действия не допускаются, если хотя бы одно из жилых помещений предоставлено внаем гражданам. Кроме того, собственник здания должен возместить государству или муниципальным властям всю полученную поддержку, выделенную ему для создания и эксплуатации наемного дома, а также проценты. Однако такая обязанность у него возникает, только если он «передумал» до истечения срока, прописанного в договоре о предоставлении поддержки (ч. 2 ст. 91.17 Жилищного кодекса РФ) [2].

Поддержка застройщиков также зависит от того, является наемный дом государственным (муниципальным) или частным. В первом случае для создания, эксплуатации, приобретения наемного дома или всех помещений в нем могут использоваться бюджетные средства или находящееся в государственной или муниципальной собственности имущество. Во втором случае за счет этих же источников может осуществляться государственная, муниципальная или иная поддержка. Она будет предоставляться на основании федеральных законов, законов субъектов РФ, муниципальных правовых актов и иных правовых актов федерального и регионального уровня в порядке, установленном государственными или муниципальными программами (ст. 91.19 Жилищного кодекса РФ) [2].

При этом договором или решением о предоставлении поддержки для создания, эксплуатации наемного дома социального использования могут

быть установлены условия ее выделения (например, определенный уровень платы за наем жилого помещения). Также может прописываться возвратность и возмездность поддержки, в том числе если целевое использование наемного дома меняется с социального на коммерческое или же здание вообще прекращает использоваться в качестве наемного дома. При этом если государственная или муниципальная поддержка предоставлялась для создания или эксплуатации наемного дома социального использования, то эти условия включаются в договор или решение обязательно.

Однако застройщику для начала придется заключить договор об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемного дома социального использования на срок от 20 до 49 лет. Это будет происходить по итогам аукциона, который проводится одним из указанных способов (ст. 55 Градостроительного кодекса РФ) [1]:

- путем повышения начальной цены за право заключения данного договора;
- путем снижения размера платы за наем жилых помещений в социальном наемном доме в расчете на один квадратный метр общей площади жилого помещения.

Кроме того, отдельные самостоятельные регионы смогут осуществлять прямое субсидирование строительства наемных домов, а у застройщика будет возможность сдавать нежилые помещения в социальных наемных домах под коммерческие цели и таким образом компенсировать свои расходы. При этом, как отметила Галина Хованская, уже в сентябре Госдума планирует рассмотреть законопроект

о внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, в котором будут предусматриваться и налоговые льготы для застройщиков [4].

С нашей точки зрения, частные компании в настоящий момент не заинтересованы в строительстве таких домов. Можно предположить, что строительство будет возложено на крупные проекты частных застройщиков, но тогда встает вопрос о качестве жилья и обслуживании подобных домов.

Сама идея строительства наемных домов социального использования очевидно хорошая, но в то же время предстоит еще принять необходимые нормативные акты на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что займет определенное время. При этом нет гарантии, что застройщиков заинтересует строительство подобных домов, ведь затраты на них будут возвращаться дольше, чем при строительстве коммерческого жилья. Кроме того, новый механизм не заработает тотчас же, так как на строительство каждого подобного дома уйдет минимум 1,5 года.

По данным опроса, проведенного порталом «ГАРАНТ.РУ», 62 % респондентов в успех наемных домов не верят [7]. Часть из них (11 %) считают, что застройщикам будет невыгодно возводить такие здания. По мнению других (51 %), из-за различных злоупотреблений жилье в итоге может не дойти до нуждающихся. «Как обычно, часть квартир уйдет по “нужным” людям». «Дай “на лапу” – и кто-нибудь вселится в такую квартиру. Какой-нибудь более состоятельный гражданин», – так объясняли свое недоверие участники опроса [7].

Безусловно, оценить эффективность введения нового института воз-

можно будет только со временем. На данный момент пилотные проекты по строительству наемных домов уже запущены в Новосибирской, Нижегородской, Пензенской области и Республике Алтай [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №190-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочная правовая система). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2015).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочная правовая система). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2015).
3. Недвижимость [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]: [1995–2015]. URL: <http://realty.rbc.ru/> (дата обращения: 20.06.2015).
4. Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 20.06.2015).
5. Пути решения жилищной проблемы в Германии [Электронный ресурс] // Slide Share. URL: http://www.slideshare.net/mamn_minsk/ (дата обращения: 20.06.2015).
6. Садовникова Е.В. Проблемы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 216 с.
7. Справочно-правовая система Гарант. RU (информационно-правовой портал) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 20.06.2015).
8. Шешко Г.Ф. К вопросу обоснованности и целесообразности отдельных изменений жилищного законодательства. Некоторые соображения доступности жилья // Жилищное право. 2007. № 10. С. 3–8.
9. HUD.COV. U.S. Department of Housing and Urban Development [Электронный ресурс]. URL: <http://portal.hud.gov/hudportal/HUD> (дата обращения: 20.06.2015).

УДК 347.453.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-83-88

Егупов В.А.*Московский государственный областной университет*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЙМА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА СОЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа действующего жилищного законодательства исследуются актуальные вопросы реализации конституционного права каждого человека на жилище. Указываются конкретные проблемы приобретения жилого помещения в собственность гражданами, а также проблемы предоставления жилья по договорам социального и коммерческого найма. В качестве законодательного пути решения указанных проблем предлагается заключение наймодателями с нанимателями договоров найма жилого помещения жилищного фонда социального использования в наемном доме социального использования. По мнению автора, это внесет существенный вклад в обеспечение всех граждан Российской Федерации жильем.

Ключевые слова: договор найма, жилое помещение, наемный дом, право на жилище, социальный наем, коммерческий наем, жилищный фонд, наем жилого помещения жилищного фонда социального использования, наниматель, наймодатель.

V. Yegupov*Moscow State Regional University*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RENTING LIVING QUARTERS OF SOCIAL HOUSING STOCK

Abstract. On the basis of the analysis of current housing legislation the author examines some topical issues of realization of the constitutional right of every person to housing. Specific problems of acquisition of residential premises into ownership by citizens are indicated, as well as the problem of housing for social and commercial contracts of employment. A conclusion of rental agreements with landlords is suggested as a legislative solution for these problems. According to the author it will make a significant contribution to housing provision of all citizens of the Russian Federation.

Key words: rental agreement, living quarters, a house to rent, right to housing, social recruitment, commercial rent, housing stock, housing stock for social use renting, tenant, landlord.

Одним из основных личных конституционных прав человека и гражданина является право на жилище. Оно прямо закреплено в части 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации [3].

К сожалению, в нашей стране далеко не каждый человек имеет в собственности жилое помещение, многие граждане пользуются жилым помещением на основе договора социального или коммерческого найма. Есть

граждане, и их немало, которые вообще не имеют каких-либо вещных прав на жилое помещение, проживая у родственников или знакомых в качестве временных жильцов, среди которых встречаются так называемые лица без определенного места жительства, у которых в лучшем случае есть регистрация по месту пребывания, но отсутствует, по крайней мере, в субъекте, где они постоянно или преимущественно пребывают, осуществляют трудовую деятельность, жилое помещение, как на праве собственности, так и на праве пользования. При этом далеко не всегда такие люди признаются малоимущими, и в то же время у них недостаточно финансовых средств для приобретения жилья в собственность или для заключения договора коммерческого найма, регулируемого гражданским законодательством. Именно такой весьма многочисленной категории граждан жилищное законодательство предоставило возможность заключения договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования.

Правовое регулирование договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования и правовой статус наемных домов регламентируются в настоящее время новыми статьями Жилищного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ЖК РФ), например, ст. 91.1–91.20 ЖК РФ [2].

Ранее из жилищного фонда социального использования выделялись жилые помещения государственного и муниципального жилищного фонда для предоставления малоимущим социально незащищенным гражданам по договору социального найма.

В настоящее время из данного фонда должны предоставляться жилые помещения в наемном доме социального использования для тех граждан, которые удовлетворяют требованиям, указанным в статье 91.3 ЖК РФ [2]. Поэтому, как справедливо отмечает Е.С. Крюкова, «целью таких нововведений является социальная поддержка граждан посредством расширения возможных, а главное – доступных способов удовлетворения жилищных потребностей граждан. Многие российские граждане, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, не вправе претендовать на жилище по договору социального найма, поскольку не относятся к малоимущим, и в то же время не в состоянии приобрести жилье за счет собственных экономических усилий» [4, с. 187].

Таким образом, исследователи данной проблематики положительно оценивают новеллу жилищного законодательства относительно строительства наемных домов как государственного, муниципального, так и частного жилищного фонда и предоставления нуждающимся в жилье гражданам пригодных для проживания жилых помещений по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования.

К сожалению, на практике механизм жилищно-правового регулирования наемных домов еще не апробирован, поскольку строительство и введение в эксплуатацию таких домов не получило пока должного распространения. А ведь именно от полноты практической реализации данных новелл зависит эффективность жилищной реформы по обеспечению каждого человека жилым помещением, право

на которое гарантировано ему Конституцией РФ.

Вполне разумна позиция Е.В. Богданова, который предлагал увеличить количество граждан, которые были бы вправе решить свою жилищную проблему не путем приобретения жилища в собственность, а посредством найма жилища из государственного или муниципального фондов по доступной для них цене, для чего необходимо предусмотреть в ЖК РФ положение о доходных домах [1, с. 61], что и было отражено в новом жилищном законодательстве.

Поскольку жилищное законодательство относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, то регионам должно, на наш взгляд, быть предоставлено право определять предельную цену за наем жилого помещения в наемном доме социального использования исходя из средней заработной платы по региону, превышать которую наймодатель не вправе. Это в корне должно отличать рассматриваемый нами вид договора от договора коммерческого найма, регулируемого гражданским законодательством, где предельного размера платы за наем в силу диспозитивных норм гражданского права существовать не может. В отличие от гражданского права, где стороны договора самостоятельно определяют его существенные, обязательные и факкультативные условия, договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования наряду с договором социального найма жилого помещения носит диспозитивно-императивный характер, поскольку защищает права и законные интересы нуждающихся в жилье социально не-

защищенных слоев населения. И именно в этом договоре проявляется, в том числе, и социальная политика нашего государства.

У каждого гражданина России должно быть право выбора как жилого помещения, так и вещного права на него. Разнообразие договоров найма жилого помещения позволяет каждому человеку выбрать для себя наиболее приемлемый вариант пользования жилым помещением, поэтому договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования должен существовать в любом правовом государстве и иметь свои особенности, приемлемые и выгодные для соответствующей категории граждан. Не случайно право на жилище, как и право на жизнь, относится к числу естественных прав человека, поэтому государство должно обеспечить полную реализацию данного права и его максимальную защиту.

Для того чтобы уяснить важность указанной новеллы жилищного законодательства, необходимо указать и проанализировать особенности данного договора. Е.С. Крюкова к числу особенностей договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования относит:

- условия и порядок заключения договора, включающие двойную систему учета потенциальных нанимателей;
- субъективный состав договора, в котором нанимателем может быть лицо исключительно из числа нуждающихся в жилых помещениях и имеющих определенный уровень доходов граждан РФ, а наймодателем может выступать, наравне с публичным образованием, и частный собственник;

- требования к предоставляемым жилым помещениям, указывающие на их принадлежность к наемным домам и на нормирование их площади;
- срочность;
- согласованный с органами публичной власти размер платы за наем;
- ограниченный круг прав нанимателя;
- основания и последствия расторжения договора [4, с. 188].

Несмотря на данные особенности, а также на то обстоятельство, что, в отличие от договора социального найма, жилые помещения в наемном доме нельзя приватизировать или иным образом получить в собственность, значение договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования нельзя умалять, поскольку он является законной гарантией реализации конституционного права на жилище, предоставляя реальную возможность получения жилого помещения во владение и пользование на определенный срок, в том числе и на срок решения финансовых проблем, связанных с покупкой жилья. Ведь каждый человек мечтает иметь жилой дом или квартиру в собственности, чтобы в дальнейшем распоряжаться принадлежащим ему жилым помещением по собственному усмотрению. А жилое помещение в наемном доме социального использования наниматель, в отличие от нанимателя в договоре социального найма, не вправе даже сдать в поднаем, то есть возможность распоряжения здесь вообще отсутствует. Поэтому, на наш взгляд, для большинства граждан такой вид пользования жилым помещением будет носить временный характер до приобретения или получения жилого

помещения в собственность. Но даже несмотря на ограниченный круг прав нанимателя в данном виде правоотношений, новеллу жилищного законодательства следует рассматривать как весьма важный шаг на пути к его гармонизации. Именно потребность, нуждаемость граждан в благоустроенном жилым помещении должна в данном случае выходить на первый план.

Анализируя правовой статус наемных домов, Н.Е. Сосипатрова справедливо отмечает, «что концепция доходных домов социального использования нацелена не на быструю окупаемость строительства таких домов и скорейшее получение прибыли инвесторами, а на решение социальной задачи по удовлетворению потребности в жилье граждан, которые не имеют права на получение жилого помещения по договору социального найма и не обладают средствами для приобретения жилья в собственность или его наем по рыночной цене» [5, с. 163].

Таким образом, на наш взгляд, нанимателями по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования должны быть либо государственный или муниципальный орган, либо некоммерческая организация, не ставящая получение прибыли в качестве основной цели деятельности и не распределяющая ее между участниками. Иначе данный договор практически не будет отличаться от договора коммерческого найма. Прибыль, получаемую от сдачи внаем жилых помещений в наемных домах социального использования, такая организация должна направлять на достижение социально полезной цели – обеспечить максимальное число граждан доступным и благоустро-

енным жильем со всеми удобствами. Жилищный кодекс РФ справедливо предоставил решение данной злободневной проблемы не только государственным и муниципальным органам (как при социальном найме), но и частным лицам, соответствующим требованиям, установленным Правительством Российской Федерации (пп. 2 п. 1. ст. 91.2 ЖК РФ) [2]. Далее Н.Е. Сосипатрова вполне обоснованно отмечает, что «новая договорная форма – договор некоммерческого найма жилого помещения в форме социального использования, обладая свойствами договоров как социального, так и коммерческого найма, имеет свое предназначение – создать рынок арендного жилья по доступным ценам. По мнению Г. Хованской, этот договор рассчитан в первую очередь на работников бюджетной сферы, имеющих «белую» зарплату, которая превышает порог, необходимый для признания их малоимущими, на молодые семьи и специалистов, которых привлекают развивающиеся крупные предприятия, то есть на десятки миллионов граждан» [5, с. 166]. Соглашаясь в целом с позициями данных исследователей проблем жилищных правоотношений, отметим, что государство должно всячески поощрять жилищное строительство наемных домов социального использования и предоставлять комплекс льгот и привилегий некоммерческим организациям, собственникам таких домов. Более того, на покупку наемных домов социального использования местным органам власти и некоммерческим организациям в расходной части федерального и регионального бюджетов должны предусматриваться соответствующие субсидии

и субвенции. Только в этом случае, на наш взгляд, строительство и эксплуатация наемных домов приобретет необходимые для общества масштабы. И, конечно, государство в лице правоохранительных и контролирующих органов должно осуществлять постоянный и полный контроль за деятельностью наемных домов социального использования на предмет соответствия данной общественно-полезной деятельности требованиям жилищного и гражданского законодательства. За нарушение требований как со стороны наймодателя, так и со стороны нанимателя, виновные лица должны быть привлечены как к административной, так и к гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования является новым и слабо апробированным на практике видом жилищного договора. Это связано в первую очередь с отсутствием заинтересованности самого государства в заказе и эксплуатации наемных домов социального использования. Мы надеемся, что в ближайшее время новелла жилищного законодательства будет должным образом реализована на практике: наемные дома будут построены, а нуждающиеся в жилых помещениях граждане получат в пользование доступное, благоустроенное и комфортное жилье.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданов Е.В. Конституция и жилищное законодательство России // Современное право. 2014. № 2. С. 59–64.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ. (В редакции Федеральных законов от

- 21.07.2014 г. № 217-ФЗ, 255-ФЗ, 263-ФЗ) (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.09.2014 г.). // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Текст по состоянию на 2014 год. М.: Проспект, 2014.
4. Крюкова Е.С. Новеллы жилищного законодательства в сфере наемных отношений // Вестник СамГУ. 2014. № 11/1 (122). С. 186–191.
5. Сосипатрова Н.Е. Реформирование договорных отношений в жилищном фонде социального использования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2014. № 6. С. 162–166.

УДК 347.6

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-89-96

Косенко Е.В.*Саратовская государственная юридическая академия*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости разработки методологии научного познания отрасли семейного права. В основу положены общие методологические исследования, философские воззрения и правовая логика. Предложена новая терминология, которая, по мнению автора, может быть применима для обозначения научных исследований в сфере семейных правоотношений и ученых, занимающихся указанными исследованиями. В работе решены отдельные методологические проблемы, связанные с определением объекта и предмета исследования, основных критериев научного поиска с учетом специфики отрасли семейного права, а также определены формы научного познания указанной отрасли права.

Ключевые слова: методология, семейное право, объект и предмет исследования, формы изучения права.

Ye. Kosenko*Saratov State Academy of Law*

TOWARDS THE ISSUE OF FAMILY LAW METHODOLOGY

Abstract. The article raises the question of the need to develop a methodology of scientific study of a family law. It is based on common methodological research philosophies and legal logic. New terminology can be applied to the research in the field of family relations. The paper addresses some methodological issues related to the definition of the object and subject of the study, the main criteria for scientific research, as well as the form of scientific study of this branch of law.

Key words: methodology, family law, the object and subject of study, forms of studying law.

В процессе изучения научных работ по семейному праву мы обратили внимание на то, что до настоящего времени в сфере семейного права нет комплексных исследований, посвященных методологии указанной отрасли. Придерживаясь той точки зрения, что семейное право является самостоятельной отраслью права, полагаем, что оно может претендовать

и на самостоятельную методологическую основу научного познания. Необходимость поиска ответов на отдельные методологические вопросы побудила нас к написанию настоящей научной работы.

Итак, прежде чем определять методы научного познания, их состав и структуру, следует установить объект и предмет самого научного исследования. Необходимо определить преде-

лы и направления научного поиска, а уяснив их границы, мы уже можем выявить и средства, а также методы, которыми будем воздействовать на избранную область познания.

Надо полагать, что первичным звеном познания является объект, суть определения которого есть его вычленение из объективной реальности и отделение его от других объектов. Ю.В. Карякин верно указывает, что объект «... проявляется для исследователя в статусе отдельности, того, что можно изучать, игнорируя его связи с целым, с реальностью» [7, с. 29–31]. В свою очередь, изучение его взаимосвязи с другими объектами представляет собой уже применение определенного метода познания. Исследователь может и вовсе не изучать эти взаимосвязи, ограничив область познания лишь самим объектом.

«... Объект в философии определяют как то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не тождественен объективной реальности, а выступает как та ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом» [11, с. 453].

Очевидно, что объектом не может выступать вся объективная реальность. В научном познании семейного права **объектом исследования** всегда будет выступать некая область семейных отношений, а предметом научного познания будет являться их правовое регулирование и практика применения конкретных правовых норм. Справедливым в этой связи будет высказывание А.Л. Жуланова: «... Объект науки – это нечто существующее независимо от познающего субъекта... Предмет познания – созданные дея-

тельностью человека материальные или идеальные объекты (назовем их для краткости моделями), воспроизводящие некоторые свойства реально существующих явлений. На теоретическом уровне познания предмет науки составляет система ее абстрактных идеализированных объектов. Поэтому один материальный объект может быть отображен множеством моделей» [6, с. 17–26].

Отношения, возникающие в сфере семейных связей – это объективная реальность, явление, которое существует независимо от того, будет ли государство регулировать его проявление с помощью права, или нет. Но само право, а затем и его применение, есть созданные деятельностью человека свойства семейных отношений, возведенные в некую модель. Так, право полагает, что семейные отношения строятся на основе взаимоважения и взаимопомощи, поэтому предлагает для урегулирования их эти основы. Соответственно, предметом исследования ученого-фамилиариста всегда является правовое воздействие на уже объективно существующее отношение. В европейских странах ученых, занимающихся наукой *семейное право*, именуют *фамилиаристами* (от лат. *familiaris* – *семейный, домашний*) [12]. Указанный термин, мы полагаем, может быть внедрен и в юридический словарь на русском языке. Далее по тексту мы будем придерживаться указанной терминологии применительно и к исследованиям в сфере семейного права.

Полагаем, что право всегда несколько идеализированно, приближено к некоторому «образцу», если угодно – «эталону», правоотношения.

Несоответствие объективной реальности и «образца» правоотношения порождает, в свою очередь, возможность научного поиска средств достижения последнего. При этом исследователь избирает определенный аспект воздействия права. Например, рассматривая родительское правоотношение, акцентирует внимание на воспитательной функции.

Можно также заметить, что в процессе исследования определяется теоретический и практический предмет, подвергающийся научному познанию. Взаимодействие их, полагаем, – частный вопрос, и исследование может быть с одинаковым успехом полезно, как только теоретическое, так и только практическое, однако именно такое взаимодействие наиболее распространено среди научных работ по семейному праву.

Однако является ли практика в научном познании семейного права определяющим фактором, диктующим исследователю идеальную цель применения права? В свою очередь, может ли право, регулирующее отношение, быть представлено как идеальный образец правоотношения? Что является для исследователя-фамилиариста вектором, определяющим безупречность его познания?

Полагаем, таким вектором в фамилиарных исследованиях могут служить *только нормы морали и нравственности, духовные начала*, которыми без преувеличения «дышит» семейное отношение. Это критерии лишь относительно достижимые, но единственно правильные. Любое семейное правоотношение следует подвергать изучению с точки зрения именно таких доминант, а необходимо это в силу

особого характера отношений, носящих личный и доверительный характер, а нередко и касающихся вопросов жизни субъекта права, нуждающегося в особой заботе и поддержке, присутствующих именно семейному праву.

Таким образом, научное исследование объекта реальной действительности в его различных аспектах, которые в свою очередь представляют собой предмет фамилиарного исследования, создает научную картину мира с точки зрения одной из отраслей юридической науки – семейного права. Это специфическая форма научного знания, подчиненная указанной отрасли права, в которой картина мира будет представлена сообразно принципам отрасли, базирующимся, как мы полагаем, на философских и нравственных устоях общества.

Безусловно, формы, в которых происходит научное познание, свойственны любому научному исследованию, но очевидно, что в каждой отрасли знаний они будут наделяться собственными характерными чертами.

Основой фамилиарных исследований являются *факты, под которыми мы понимаем определенные обстоятельства объективной реальности, подверженные правовому урегулированию нормами семейного права (это юридические факты)*, либо сами эти обстоятельства непосредственным образом влияют на семейные правоотношения, но не урегулированы правом (*реальные факты*), а также факты – как *результат научного исследования* в области семейного права.

Некоторыми учеными высказывается мнение, с которым мы согласны, о дроблении факта на явления: «... Факт как научная категория отличается от

явления. *Явление* – объективная реальность, отдельное событие, а факт – собрание многих явлений и связей, их обобщение. Факт в значительной мере есть результат обобщения всех аналогичных явлений, сведения их в некоторый определенный класс явлений» [10, с. 63].

Это верно, однако позволим себе заметить, что в праве понятия **явление** и **факт** могут совпадать в том смысле, что факт не всегда является примером обобщения нескольких явлений. Так, например, рождение ребенка – это юридический факт, который с точки зрения классификации, принятой в цивилистике, следует отнести к событию (объективная реальность, которая возникает помимо воли человека); другой пример: вступление в брак или расторжение брака – это тоже юридический факт, который, придерживаясь указанной классификации, следует отнести к действию.

И в первом, и во втором случае речь идет о единичном явлении, которое мы все же отнесем к фактам (юридическим), при этом последний не представляет собой совокупность идентичных явлений.

Что же касается реальных фактов, подвергающихся научному познанию, но избежавших правового регулирования семейным правом, то, полагаем, их количество вполне может быть сопоставлено с юридическими фактами. Так, например, объективным явлением будет наличие фактических брачных отношений между мужчинами и женщинами в РФ, однако такие отношения отечественным правом не урегулированы. (Единственное исключение – родительское правоотношение между сожителями, которое из сооб-

ражений равенства прав детей, рожденных в браке и вне брака, приравнено к родительскому правоотношению между супругами. Надо полагать, что законодатель стремится здесь соблюсти права ребенка, именно поэтому иного упоминания о сожительстве семейное законодательство РФ не содержит, намеренно акцентируя внимание именно на брачных отношениях).

Другой пример – воспитание ребенка отчимом (мачехой). Действующее семейное законодательство вообще устранилось от решения правового вопроса о задействовании чужого для ребенка лица в процесс его воспитания. И лишь одно упоминание об алиментной обязанности ребенка в отношении отчима (мачехи) дает нам представление о том, что на практике воспитание и содержание чужого ребенка – это реальный факт.

Наконец, реальным явлением современности становится борьба между родителями за право удерживать ребенка у себя. Действующее законодательство также не содержит регламентации осуществления родительского права на подобные действия родителя. Именно поэтому мы наблюдаем серьезные родительские баталии, в которых ребенок, как трофей, переходит от одной враждующей стороны к другой.

Список реальных фактов, подвергающихся научному познанию, но не урегулированных правом, можно было бы продолжать.

В свою очередь научные факты представляют собой результат изыскания ученого-фамилиариста, на их основе формируется концепция научного исследования. При этом научный факт всегда является обобщением объективной реальности, это, если угодно,

«выжимка» реальных фактов, представляющая интерес для достижения поставленных в исследовании целей.

Например, для изучения брачного правоотношения немаловажными будут являться статистические данные, указывающие, в частности, на возрастные категории граждан, вступающих в брак, на количественные и причинные показатели разводов за разные годы и т.д. Их анализ и обобщение представляют собой создание научного факта, где объективная реальность дает ученому возможность прийти к научному выводу о наличии определенных данных. Ошибочные теоретические выводы ученого не поколеблют существо реального факта, и причиной тому является его объективная основа. При этом один и тот же научный факт может позволить прийти к разным выводам, но совокупность научных фактов не представляет самостоятельного интереса без теоретических выводов, поскольку именно последние являются сутью исследования ученого-фамилиариста.

Факты, полученные в результате исследования, могут быть положены в основу теоретических форм познания семейного права. К таковым следует отнести принципы, категории, положения, определения, понятия.

Принципы отрасли права играют существенную роль не только в теоретических исследованиях. Принципы являются основополагающими доминантами в урегулировании возникающих на практике вопросов, они напрямую влияют на все нормы права в отрасли, по сути, формируя единое русло, в котором будет и формироваться, и реализовываться право. Полагаем, принцип является системообразующим фактором в отрасли права.

Однако, самостоятельному изучению следует подвергать не только принципы отрасли права, но и принципы, действующие в правовых институтах, субинститутах и подотраслях права. Например, в рамках гражданского права довольно подробно исследованы принципы исполнения обязательств. При этом, полагаем, что речь идет о принципах, действующих в субинституте, тогда как к институту обязательствных отношений можно отнести и субинститут их обеспечения.

В рамках отрасли «семейное право», мы полагаем, также возможно говорить о выделении самостоятельных институтов: брачные отношения, родительские отношения, алиментные отношения, институт устройства детей в семью (где мы также можем выделить и ряд субинститутов) и т.д.

В целом, о каком бы институте ни шла речь, мы видим осуществление прав и обязанностей субъектами права, при этом очевидно, что они действуют на основании неких принципов, основополагающих положений, которыми руководствуются. Осуществляя право, субъект неизбежно взаимодействует с правом другого лица, субъекта или участника правоотношения, нередко это осуществление сопряжено и с разумным ограничением права одного лица в интересах государства или общества. Однако до настоящего времени указанные принципы учеными-фамилиаристами не определены. Полагаем, принципы эти очевидно нуждаются в своем определении и изучении.

Формой научного познания семейного права, безусловно, служит **понятие**, разрабатываемое в процессе исследовательской работы. Глубоко-

му изучению понятие с точки зрения философии и логики подверглось в работах Е.К. Войшвилло, к заслугам которого относят разработанное представление о понятии как конструкции двух составляющих: свободной переменной составляющей и местной переменной составляющей [3]. «... Понятия первого типа собирают в класс (обобщают) отдельно взятые объекты (например, «человек, родившийся в 1900 году»), а понятия второго типа – кортежи, то есть пары, тройки и т.д. объектов (например, «люди, родившиеся в одном и том же году») [8].

Под *содержанием понятия* Е.К. Войшвилло предлагает понимать совокупность признаков, по которым обобщаются предметы в понятии [3, с. 92], при этом указывая на необходимость проведения разности между логическим и фактическим содержанием понятия, а также логическим и фактическим объемом понятия.

Определение *понятий* как «... сокращений, в которых мы охватываем, сообразно их свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» содержится в трудах Ф. Энгельса [9, с. 550].

Разработка нового понятия в семейном праве имеет большое научное значение, поскольку позволяет ученому двигаться дальше к намеченной научной цели исследования. Это происходит благодаря тому, что выработав понятие, определив его содержание, ученый-фамилист может определить любые другие формы познания: принципы, категории, положения и т.д. В этой связи представляется, что понятие имеет превалирующее значение в фамилиарных исследованиях. Для его разработки следует руковод-

ствоваться принятыми в логике правилами построения понятий [2; 4; 5].

«... Каковы же отличительные черты понятия как формы познания? Как считает А.А. Ветров, такой чертой понятия является его «расчленяющий» характер. Если в представлении нам дан целостный образ какого-то предмета или класса предметов, то в понятии происходит аналитическое выделение ряда признаков, характеризующих этот предмет или класс. Именно благодаря аналитической, расчленяющей функции понятие выводит нас за пределы представлений и становится мощным орудием познания. «Расчленяя предмет на признаки, выделяя их каждый в отдельности и познавая предмет через расчлененные признаки, мы получаем понятие, лишенное элемента чувственности. А последнее, в свою очередь, составляет основу для раскрытия нечувственных связей и отношений» [1, с. 44] (цит. по: [6]).

Отрасль «семейное право» имеет и собственную систему **категорий**. Последние, как форма научного познания, представляют собой понятия, но более широкие, объединяющие в себе наиболее общие признаки или свойства изучаемого объекта.

Если *понятие* и *категория* объединяют выявленные признаки объекта, то **положение** содержит некое научное заявление, которое автором исследования обозначается как частное утверждение. Это констатация научного достижения, отстаивание авторского тезиса. Понятие и категория могут входить в состав положения, последнее может состоять только из них, либо понятие и категория являются основой для дальнейшего вывода в положении.

Но, полагаем, в фамилиарных исследованиях речь не может идти о положении как аксиоме. В таком случае отдельные положения семейного законодательства воспринимались бы как безусловная истина. Однако право тем и отличается от точных наук, что в процессе своего развития ранее принятые положения постоянно подвергаются критике, сомнению в своей точности. Поэтому мы наблюдаем, по сути, бесконечный процесс совершенствования теоретических основ, а за ними и норм права (этому способствует и развитие философии, норм морали и нравственности). В этой связи любое положение, выдвинутое в рамках научного познания семейного права, претендующее на истинное сегодня, может быть опровергнуто завтра, поэтому парадигма в семейном праве обладает динамично развивающимся характером. В этом мы видим отличие научного поиска в семейном праве (и праве вообще), по сравнению с точными науками.

Примером может служить эволюция правового статуса ребенка: первоначально право рассматривало его как объект, далее – как субъект права с усеченными правами, и лишь в **XX в. ребенок** приобретает права полноправного субъекта и права, и правоотношения. И мы видим, как положение, принимаемое как истинное в определенный исторический период развития права, будет отвергнуто позднее и заменено на другое, более соответствующее общим представлениям, бытующим в сознании, об этом объекте исследования.

Наконец, отметим, что положение, как форма научного познания семейного права, всегда определяется научными доказательствами, добываемы-

ми в процессе научного исследования.

Фундаментальные исследования в области семейного права представляют собой создание **концепции**, суть которой – определение абстрактно-логического вывода автора по проблеме, определенной им в качестве основы исследования. Следует полагать, что особенностью изучения семейного права является невозможность построения концепции исключительно в описательном ключе (как, например, в области биологии, генетики) или эмпирическом ключе (как, например, в области физики). В такой области знания, как семейное право, создание концепции представляет собой создание системы идеалистических **утверждений**, решающих поставленную исследователем **задачу**. Утверждения, в свою очередь, связаны между собой логически, они подчинены основному (центральному) утверждению, но имеют собственные обоснования. Разработка концепции в праве нередко связана с необходимостью выработки новых терминов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат, 1968. 263 с.
2. Власов В.Д. Логические и философские подходы к построению теоретической модели образования понятия [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1: Философия. Политология [сайт]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/html> (дата обращения: 20.06.2015).
3. Войшвилло Е.К. Понятие: монография. М.: Изд-во Московского университета, 1967. 104 с.
4. Жеребкин В.Е. Логика: учебное пособие. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1968. 256 с.

5. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. 150 с.
6. Жуланов А.Л. К вопросу о соотношении понятий объекта и предмета науки в классическом и неклассическом естествознании // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 1. Серия №3. Гуманитарные и общественные науки. С. 17–26.
7. Карякин Ю.В. Объект и предмет науки // Философия образования. 2008. № 1 (22). С. 29–31.
8. Маркин В.И. Учение Е.К. Войшивилло о понятии: значение и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Iph.ras.ru/html> (дата обращения: 23.06.2015).
9. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 39 т. (2-е изд.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. 205 с.
10. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: Синтез, 2007. 668 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Сост.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
12. KRÁLÍČKOVÁ. Lidskoprávní dimenze českého rodinného práva // Zdeňka Vydavatel: Masarykova univerzita Brno, 2009. 1. Vydání. 191 s.

УДК: 347.788.36

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-97-104

Молчанов А.А., Афанасьева Е.С.*Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации***КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
АВТОРСКИХ ПРАВ НА СЛУЖЕБНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
КОТОРЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОВЛИЯЛИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ**

Аннотация. В статье проанализированы изменения в авторском праве на служебные произведения, положительно повлиявшие на научную деятельность сотрудников полиции. В контексте изменений ГК РФ сотрудник полиции, являясь автором служебного произведения, обладает предусмотренными законодателем правами на созданное им в пределах трудовых обязанностей служебное произведение. В настоящее время дефиниция служебного произведения в сравнении с ранее действовавшим законодательством, значительно сужена, так как ранее действовавшее законодательство служебным признавало и произведение, которое могло быть создано работником как в связи с выполнением им служебных обязанностей, так и согласно служебному заданию работодателя.

Ключевые слова: служебное произведение, авторское право, интеллектуальная собственность, творчество, научная деятельность.

A. Molchanov, Ye. Afanasyeva*St.-Petersburg University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia***CARDINAL CHANGES IN THE LEGAL REGULATION OF COPYRIGHT LAW
TO SERVICE-RELATED WORKS POSITIVELY AFFECTING THE RESULTS
OF POLICE OFFICERS SCIENTIFIC ACTIVITY**

Abstract. The article studies the changes in copyright of the office works which positively influenced scientific activity of police officers. In the context of changes of the Civil Code of the Russian Federation, the police officer, being the author of an office work, has rights for the office work created by him/her within labor duties. Currently the definition of an office work in comparison with the previous legislation, is significantly narrowed, as earlier the law recognized official both a piece of writing created by an employee in connection with his/her labor duties and a document composed on demand of the employer.

Key words: office work, copyright, intellectual property, creative activity, scientific activity.

Признаваемые и охраняемые в Российской Федерации результаты интеллектуальной деятельности на протяжении всего своего развития пре-

© Молчанов А.А., Афанасьева Е.С., 2015.

терпевали существенные изменения. Большое влияние на изменение национального законодательства оказывали и продолжают оказывать разработка и принятие европейских директив, меж-

дународных договоров, законодательство и правоприменительная практика иностранных государств.

На сегодняшний день Российская Федерация – участница ряда международных договоров, регулирующих отношения в области авторского права [20, с. 721], например:

- Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. [1];

- Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. [2];

- Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г. [6].

Принимая во внимание новшества правового регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности, можно отметить, что произошли изменения и в отношении авторских прав на служебные произведения. Так, анализируя нормы современного и ранее действовавшего законодательства, можно прийти к следующим актуальным выводам.

С переходом России к развитию рыночных отношений в 1990 г. существенному реформированию подверглась система гражданского законодательства. Важнейшими нормативными актами, закрепляющими основы предпринимательской деятельности стали Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» [3], Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [4], введенные в действие с 1 января 1991 г., и Постановление Совмина РСФСР от 25.12.1990 № 601 «Об утверждении Положения об акционерных обществах» [8], что, в свою очередь, способствовало внесению соответствующих изменений и в авторское право на служебные произведения.

Огромную роль в этом сыграло принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [7], где в абз. 1 ст. 140 закреплялся правовой режим служебного произведения, под которым понималось произведение, созданное в порядке выполнения служебного задания. Авторское право на данное произведение закреплялось за автором, а за работодателем признавалось лишь право использовать служебное произведение способом, который обусловлен целью задания, и в вытекающих из него пределах.

Принятый в 1993 г. и действовавший до вступления в силу части четвертой ГК РФ Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» [5] (далее – Закон об авторском праве) в ст. 14 расширил понятие служебного произведения как произведения, созданного в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя.

В отличие от ст. 14 Закона об авторском праве, относившего к служебным лишь те произведения, создание которых входило в служебные обязанности или служебное задание работодателя, ныне действующее законодательство в ст. 1295 ГК РФ к служебным произведениям относит лишь те произведения науки, литературы или искусства, которые созданы в пределах, определенных для работника (автора) трудовыми обязанностями.

При этом необходимо отметить, что произведения, созданные за пределами исполнения непосредственно установленных для данного работника трудовых обязанностей, не могут признаваться служебными [13, с. 136].

На основании этого можно сделать вывод, что в настоящее время дефи-

ниция служебного произведения в сравнении с ранее действовавшим законодательством, значительно сужена, так как ранее действовавшее законодательство служебным признавало и произведение, которое могло быть создано работником как в связи с выполнением им служебных обязанностей, так и согласно служебному заданию работодателя.

О.А. Рузакова в данном случае отмечает, что законодатель отказался от упоминания о служебном задании, в рамках которого может быть создано служебное произведение. В то же время не следует отказываться от возможности работодателя дать конкретное задание по созданию служебного произведения в рамках конкретизации общих трудовых обязанностей по созданию служебных произведений [17, с. 297].

К служебным обязанностям сотрудника полиции (автора) также может относиться выполнение творческих работ, в результате которых будет создано произведение науки, литературы или другого вида искусства. В п. 1 ст. 11 Федерального Закона РФ «О полиции» [9] находит свое отражение положение, закрепляющее обязанность сотрудников полиции использовать в своей деятельности достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру.

Сотрудники полиции имеют право сами достигать определенных научных и иных творческих результатов, осуществляя по совместительству с основной работой научную и иную творческую деятельность. Данное право сотрудников полиции закреплено

в п. 4 ст. 34 Федерального закона РФ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10].

При этом если произведение создано по заданию работодателя, и оно выходит за пределы трудовых обязанностей, в этом случае произведение признать служебным нельзя. Это является важным моментом, поскольку при наличии спора по распоряжению правами в отношении данного объекта авторских прав, необходимо будет установить, создано ли такое служебное произведение в пределах трудовых обязанностей автора, и не были ли при этом нарушены какие-либо нормы труда. К примеру, если будет установлено, что сотрудник полиции (автор) создал служебное произведение во внеслужебное время, не на рабочем месте, даже если оно и соответствует характеру его служебных обязанностей, то у работодателя будут отсутствовать права на данное произведение. На практике произведение считается созданным в пределах установленных для сотрудника трудовых обязанностей с того момента, когда автор (применительно к МВД России – сотрудник полиции) передает его работодателю – Федеральному государственному казенному учреждению МВД РФ, а не с момента выражения данного произведения в объективной форме.

Следует отметить, что с 1 сентября 2014 г., согласно ФЗ от 05.05.14 № 99-ФЗ [11], юридические лица создаются исключительно в тех организационно-правовых формах, которые предусмотрены ГК РФ. Как организационно-правовая форма юридического лица учреждение отнесено к унитарным

некоммерческим организациям, оно занимает особое место в системе некоммерческих юридических лиц [16, с. 486].

В соответствии со своим гражданско-правовым статусом казенное учреждение МВД России как юридическое лицо участвует в гражданском обороте от своего имени только для совершения сделок, обеспечивающих его внутривозможностную деятельность. В других случаях сделки соответствующего учреждения надлежит рассматривать как действия самого казенного учреждения МВД России.

Действующее гражданское законодательство регулирует деятельность казенных учреждений МВД как обычных субъектов гражданских правоотношений. Одним из направлений деятельности, приносящей доход, выступает деятельность, связанная с созданием интеллектуальной собственности. Доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации (п. 4 ст. 298 ГК РФ, п. 3, 5 ст. 41, п. 1 ст. 51 БК РФ).

Продолжением процесса кодификации авторского права в России стало принятие Государственной Думой Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12].

Как и планировалось при внесении законопроекта в Государственную Думу, в рамках Концепции развития гражданского законодательства РФ изменения в часть четвертую ГК РФ связаны прежде всего со стремительным процессом информатизации общества

и с развитием телекоммуникационных сетей и, как следствие, с необходимостью защиты интеллектуальных прав правообладателей в информационно-коммуникационных сетях, а также с необходимостью решения выявленных правоприменительной практикой за период действия части четвертой ГК РФ проблем реализации отдельных норм Кодекса [21, с. 356].

Автору служебного произведения в соответствии с п. 1 ст. 1295 ГК РФ принадлежит авторское право на него, исключительным же правом на данное произведение обладает работодатель, если иное не предусмотрено в трудовом или гражданско-правовом договоре между работодателем и автором.

Следует отметить, что Закон об авторском праве формулировал рассматриваемое правило несколько иначе. Так, в соответствии с п. 2 ст. 14 указанного закона исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное [18, с. 719].

В настоящее время законодатель четко указал, что подобные изменения (отступления от общей нормы) возможны как в трудовом, так и в гражданско-правовом договоре. Таким образом, законодатель расширяет перечень оснований, по которым может быть передано исключительное право на служебное произведение.

Кроме того, в ст. 1295 ГК РФ данные изменения связаны с возвращением от работодателя к работнику (автору) исключительного права на служебное произведение в предусмотренных законодателем случаях, а именно если

работодатель после предоставления в его распоряжение служебного произведения в течение трех лет не начнет использовать данное произведение, не передаст иному лицу исключительное право на это произведение, не информирует автора о сохранении произведения в тайне.

В редакции п. 2 ст. 1295 ГК РФ, действующей до 1 октября 2014 г., использовался термин «принадлежность» в отношении исключительного права на служебное произведение, в котором работодатель не был заинтересован, что вызывало различные толкования в части возникновения исключительного права. В новой редакции ясно отражена позиция, согласно которой изначально исключительное право возникает у работодателя и лишь по истечении трех лет может «вернуться» к работнику [15, с. 195].

Обладание работодателем исключительным правом говорит о том, что у работника (автора) сохраняются право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения. Однако относительно служебных произведений не действует право на отзыв.

Произошли изменения и в регулировании права автора на вознаграждение. Теперь право на вознаграждение возникает у автора служебного произведения, в том случае если работодатель начнет использование служебного произведения либо передаст исключительное право на него другому лицу в течение трех лет, а также по истечении трех лет с того момента, когда работодатель не начал использовать произведение по зависящим от него моментам [14, с. 872].

Для произведений науки, литературы и искусства, созданных в пределах установленных для автора трудовых обязанностей до 1 января 2008 г., по которым работодатель не совершил в течение срока, предусмотренного законодателем в п. 2 ст. 1295 ГК РФ, ни одного из указанных выше действий, трехлетний срок начинает течь с 1 января 2008 г.

Очевидно, когда работодатель до истечения трехлетнего срока со дня предоставления в его распоряжение служебного произведения, совершит одно из предусмотренных п. 2 ст. 1295 ГК РФ действий, в этом случае работник (автор) получает право на вознаграждение за созданный им творческий результат. Если же работодателем не будет совершено ни одного из указанных в данной статье действий, то он не обязан платить работнику (автору) вознаграждение за созданное им служебное произведение.

При таком подходе, как отмечает С.А. Судариков, материальные интересы автора не оказываются существенным образом ущемленными, поскольку вместе с изъятием имущественных прав автору предоставляется право на дополнительное авторское вознаграждение при использовании служебного произведения [22, с. 75].

Следует отметить, что в части четвертой ГК РФ игнорируются проблемы, связанные с определением величины и порядка выплаты авторского вознаграждения.

Статья 1295 ГК РФ в п. 2 содержит лишь общее положение, указывающее на имеющееся у работника (автора) право на получение вознаграждения, размеры, условия и порядок выплаты которого определяются договором

между работодателем и работником, а в случае спора – судом [15, с. 195].

В п. 2 ст. 1295 ГК РФ был введен дополнительный абзац, согласно которому право на вознаграждение за служебное произведение неотчуждаемо и не переходит по наследству, однако права автора по договору, заключенному им с работодателем, и не полученные автором доходы переходят к наследникам.

Следовательно, никто, кроме автора служебного произведения не имеет возможности по осуществлению права на получение вознаграждения. Признание оборотоспособности права на вознаграждение за служебное произведение потребовало бы и принятия отчуждаемости других прав, принадлежащих автору данного результата интеллектуальной деятельности.

Таким образом, в абз. 4 п. 2 ст. 1295 ГК РФ устанавливается ограничение оборотоспособности права на вознаграждение за служебное произведение. При этом уточняется, что то вознаграждение, которое было присуждено автору при жизни, но не выплачено, переходит по наследству.

Кроме того, к наследникам переходят и другие права на служебное произведение, например, права на использование объекта, которые могут быть предусмотрены договором между автором и работодателем, право наследования и др. [15, с. 196].

В п. 3 ст. 1295 ГК РФ работодателю предоставляется право в отношении служебного произведения, исключительное право на которое принадлежит в силу договора работнику, использовать соответствующее служебное произведение на условиях простой лицензии с выплатой правообладателю вознаграждения.

В договоре между работодателем и автором, как правило, определены пределы использования служебного произведения, размер, условия и порядок выплаты вознаграждения. В случае возникновения спора относительно пределов использования служебного произведения, размера, условий и порядка выплаты вознаграждения, перечисленные позиции определяет суд.

Важно заметить, что ст. 1295 ГК РФ дополнена новым п. 4, в соответствии с которым работодателю предоставлено право обнародования служебного произведения при условии, что договором между ним и автором не предусмотрено иное, а также указывания при использовании служебного произведения своего имени, наименования или требования такого указания [19, с. 50].

Такова краткая характеристика положительно повлиявших на научную деятельность сотрудников полиции изменений, произошедших в правовом регулировании интеллектуальных прав на такой объект авторских прав, как служебное произведение. Обобщая сказанное, заметим, что, как бы ни менялось правовое регулирование авторских прав на служебные произведения, концептуальные предпосылки остаются неизменными. При этом исследование образуемой авторским правом системы правовых норм возможно только путем последовательного изучения норм действующего законодательства, международных договоров, европейских директив, законодательства и правоприменительной практики иностранных государств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (ред. 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
2. Всемирная конвенция об авторском праве (Женева, 6 сентября 1952 года, вступила в силу для СССР 27 мая 1993 года) // СП СССР. 1973. № 24. Ст. 139.
3. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД и СССР. 1990. № 30. Ст. 416.
4. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости СНД и СССР. 1990. № 30. Ст. 418.
5. Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242.
6. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14 июля 1967 года, вступила в силу для СССР 26 апреля 1970 года) // Ведомости ВС СССР. 1968. № 40. Ст. 363.
7. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
8. Постановление Совмина РСФСР от 25.12.1990 № 601 «Об утверждении Положения об акционерных обществах» // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.
9. ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
10. ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.
11. ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу

отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

12. ФЗ от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.

ЛИТЕРАТУРА:

13. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2014. 416 с.
14. Борисов А.Б. Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации части первой, части второй, части третьей, части четвертой, с постатейными материалами и практическими разъяснениями официальных органов. М.: Книжный мир, 2015. 1200 с.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69-71 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 510 с.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 524 с.
17. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / О.А. Рузакова. М.: Изд-во «Экзамен», 2007. 768 с.
18. Постатейный научно-практический комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. В 2-х книгах. Книга 1 // под ред. Ю.А. Дмитриева, А.А. Молчанова. М.: ООО «Издательский дом «Буквоед», 2008. 800 с.
19. Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 248 с.

20. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. 958 с.
21. Рузакова О.А. Вопросы кодификации законодательства об авторском праве в Российской Федерации и Европейском союзе / Кодификация российского частного права 2015 // под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 447 с.
22. Судариков С.А. Авторское право: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. 464 с.

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.97:351.74;343.98

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-105-111

Варыгин А.Н.

Саратовская государственная юридическая академия

ПРЕСТУПНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье анализируются состояние, динамика и иные показатели преступности сотрудников органов внутренних дел, рассматриваются криминологические характеристики совершаемых ими преступлений. Автор выделяет и анализирует два вида таких преступлений, а именно «профессиональные», то есть должностные и против правосудия, а также общеуголовные преступления. На основе проведенного автором исследования определены особенности и тенденции развития данного вида преступности; констатируется, что, несмотря на осуществляемое реформирование системы МВД РФ, существенных положительных изменений в преступности сотрудников не достигнуто.

Ключевые слова: преступность, преступность сотрудников органов внутренних дел, показатели преступности сотрудников органов внутренних дел, тенденции развития преступности в органах внутренних дел.

A.Varygin

Saratov State Academy of Law

CRIMINALITY OF THE POLICE AS A CRIMINOLOGICAL PHENOMENON

Abstract. The article analyzes the status, dynamics and other indicators of the police criminality and examines criminological characteristics of the committed crimes. The author highlights two types of such crimes, namely malfeasance and general crimes. Based on the research the author identifies the features and tendencies of the development of the crime in question. It is stated that despite the ongoing reform in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, no positive changes in the police misconduct have been observed.

Key words: criminality, the police misconduct, the rates of the police misconduct, tendencies in the police misconduct.

© Варыгин А.Н., 2015.

В данной статье нами затрагивается проблема, нелицеприятная для определенной системы (имеется в виду система МВД РФ), а именно проблема преступности сотрудников органов внутренних дел. Ее «нелицеприятность» связана с рядом факторов. Во-первых, ни одно ведомство не любит говорить о своих недостатках, в данном случае – о преступлениях своих сотрудников, и МВД РФ в этом отношении не является исключением. Во-вторых, речь следует вести именно о преступности сотрудников ОВД, а не о простом количестве совершенных ими преступлений. Полагаем, что в стране сложился и развивается сравнительно новый, достаточно распространенный и устойчивый, имеющий свою специфику вид преступности, а именно преступность сотрудников органов внутренних дел. Его специфика обусловлена личностными особенностями самих преступников – сотрудников органов внутренних дел. Преступник – «человек в погонах», наделенный властными полномочиями, имеющий право применять принуждение к гражданам, обладающий познаниями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, знающий криминалистику и оперативно-розыскную деятельность, иногда намного опаснее иного преступника. Знание законодательства, положений криминалистики и ОРД, ко всему прочему, нередко позволяет сотрудникам успешно избегать уголовной ответственности и наказания. Преступность сотрудников правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, как и вся преступность в целом, стала динамично развиваться (расти) с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого

столетия. По-другому, по сути, быть и не могло. Это связано с тем, что полиция, адвокатура, суды и прочая часть общества живут и действуют в рамках той же системы общественных отношений, испытывают на себе влияние тех же кризисных или конфликтных ситуаций, которые возникают в экономических отношениях, социальной сфере, политике, т. е. во всем, что составляет суть противоречивого развития общества [2, с. 264].

На долю сотрудников органов внутренних дел приходится наибольшее количество преступлений по сравнению с сотрудниками других правоохранительных структур. Она составляет около 90% всех преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов страны. Статистические данные показывают, что с 1989 по 2007 г. количество совершаемых сотрудниками ОВД преступлений возросло более чем в 5 раз. Так, если в 1989 г. (с того момента, когда были рассекречены такие данные) было зарегистрировано 1020 преступлений и привлечено к уголовной ответственности 1057 сотрудников, то в 2007 г. эти показатели составили 5180 преступлений и 4367 сотрудников, их совершивших. С 2008 г. эти показатели стали несколько снижаться – было зарегистрировано 4367 преступлений¹. В 2009 г. в отношении 4202 сотрудников милиции были возбуждены уголовные дела, в 2010 г. – в отношении 4171 сотрудника, в 2011 – в отношении 3301, а в 2013 г. – только в отношении 3046

¹ Отчеты ГИАЦ МВД РФ «О нарушениях законности и преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел» формы НЗ за 1989–2013 гг.

сотрудников¹. В настоящее время, к сожалению, данные о состоянии преступности сотрудников органов внутренних дел вновь перестали быть достоянием гласности, несмотря даже на общее снижение количества преступлений, совершаемых сотрудниками, то есть на кажущееся «благополучие» в этом вопросе.

Снижение количества преступлений сотрудников связано, на наш взгляд, с рядом факторов. Это и реформа МВД РФ, в ходе которой министерство попыталось избавиться от ряда сотрудников, нарушающих закон, и самое главное – сокращение штата ОВД. Сократилось количество сотрудников – закономерным образом сократилось и количество совершаемых ими преступлений. Если же рассмотреть такой показатель, как уровень преступлений сотрудников ОВД, то он остается практически одним и тем же – около 40 преступлений на 1 тыс. сотрудников. Он был таковым и в 90-е гг. прошлого столетия, и остался таковым в настоящее время, то есть существенного улучшения в плане законопослушания сотрудников не произошло. Нетрудно предположить, что и в ходе очередного сокращения количества сотрудников органов внутренних дел незначительно сократится количество совершаемых в системе МВД РФ преступлений, но уровень таких деяний не изменится.

При этом следует отметить, что далеко не все преступления сотрудников доходят до официальной статистики. Иными словами, латентность престу-

плений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, довольно высока. Согласно результатам нашего исследования, 80% преступлений сотрудников органов внутренних дел не доходят до уголовно-правовой статистики. Исходя из этого можно предположить, что ежегодно в стране сотрудниками ОВД совершается не менее 15 тыс. преступлений, основная масса которых остается вне статистики.

Преступность сотрудников органов внутренних дел, на наш взгляд, может быть разделена на две большие группы преступлений, а именно преступления, непосредственно связанные с профессиональной деятельностью сотрудников (так называемые «профессиональные» преступления – это преступления должностные и против правосудия), и преступления общеуголовные, не связанные с их профессиональной деятельностью.

Характерно, что в последние годы все большее число сотрудников органов внутренних дел вовлекается в совершение «профессиональных» преступлений. С 2000 г. впервые за предшествующее время количество таких преступлений (а они носят, как правило, коррупционный характер) превысило количество зарегистрированных общеуголовных преступлений, совершаемых сотрудниками милиции, а теперь – полиции. Например, в 2013 г. в отношении 1518 сотрудников были возбуждены уголовные дела по таким преступлениям. Это свидетельствует о том, что все большее количество сотрудников органов внутренних дел используют свое служебное положение для извлечения материальной выгоды, обеспечивая себе тем самым безбедное существование.

¹ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/press/interview/7774/print> (дата обращения: 14.09.2015).

Как в целом во всей преступности, в настоящее время меняются не только количество преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, но и их качественные характеристики. Увеличивается число тяжких и особо тяжких преступлений. Например, с 1989 г. по настоящее время количество убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений возросло более чем в два раза. Например, в 2012 г. в отношении 36 должностных лиц МВД России возбуждены уголовные дела за убийство, 19 – за разбой, 21 – за грабеж, 390 – за мошенничество, 69 – за кражу, 165 – за незаконное хранение и сбыт наркотиков. Все большее число преступлений совершается сотрудниками в составе преступных групп, в том числе организованного характера. 4,1% опрошенных нами осужденных сотрудников также совершили преступления в составе организованных преступных групп. Это такие преступления, как убийства, разбойные нападения, бандитизм, вымогательство. Подобные факты участия сотрудников в организованной преступной деятельности становятся обыденной действительностью, о чем также неоднократно сообщалось и в печати.

Как показывают результаты анкетирования приговоренных к лишению свободы сотрудников ОВД, распространенными преступлениями, совершенными ими, являются преступления против собственности. На их долю приходится 39,5% всех преступлений, совершенных опрошенными осужденными. Из них 14,6% – кражи; 10% – грабежи и столько же – разбойные нападения. 2,8% преступлений – мошенничество и 2,1% – вымогательство.

Велика доля преступлений против личности. Так, 13,6% из них – убийство (ст. 105, ст. 108 УК РФ), а также причинение смерти по неосторожности – ст. 109 УК РФ; 10,6% – причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью; 6,9% – изнасилование. В общей сложности такие преступления составили 19,5% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными сотрудниками, отбывающими наказание в виде лишения свободы. В качестве примера таких преступлений можно привести уголовное дело по обвинению бывшего оперативного дежурного отдела милиции г. Ангарска М. Попкова, который за период с 1994 по 2000 г. в г. Ангарске изнасиловал и убил 24 женщины [4].

Самым распространенным, как мы говорим, «профессиональным» преступлением является превышение должностных полномочий. На его долю приходится 12,4% всех преступлений, совершенных опрошенными; 2,7% – получение взятки, 2,1% – злоупотребление должностными полномочиями, 1,9% – принуждение к даче показаний, 0,4% – служебный подлог.

Время вносит существенные изменения в структуру преступности сотрудников органов внутренних дел. В последние годы сотрудники совершают все больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (они участвуют в сбыте наркотиков, в том числе изъятых ими же у преступников; осуществляют и прикрывают перевозки больших партий наркотиков и совершают иные противозаконные действия). В качестве примера можно привести случай обнаружения наркотиков в кабинете заместителя начальника по району

Щукино г. Москвы – подполковника полиции Т. Вострикова, который хранил в копировальном аппарате 26 пакетов со спайсом [5].

Насыщенность страны огнестрельным оружием в настоящее время обуславливает его незаконное использование. Не случайно в последние годы распространенным преступлением, совершаемым сотрудниками, стало преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. На долю названного преступления приходится 3,2% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными осужденными сотрудниками органов внутренних дел. В общей сложности на долю всех вышеперечисленных деяний приходится около 97% всех преступлений, совершенных нами опрошенными осужденными сотрудниками.

В последние годы нередкими стали случаи совершения сотрудниками органов внутренних дел ранее «нетрадиционных» для них преступлений – заказных убийств, создания банд, похищения людей с целью получения выкупа, терроризм [1, с. 178–180]. Сотрудники ОВД стали специализироваться и на других деяниях – участвовать в захвате чужой собственности; заниматься через подставных лиц, родственников предпринимательской деятельностью (они содержат магазины, увеселительные учреждения, автосалоны); их услуги используются для устранения политических и экономических конкурентов (путем возбуждения в отношении них уголовных дел и привлечения к ответственности);

ими создаются банды с целью нападения на банкиров и предпринимателей. По словам начальника ГУСБ МВД РФ А. Макарова, отчитывавшегося о результатах работы службы собственной безопасности за 2013 г., выявлена организованная преступная группа так называемых «черных риэлторов», в состав которой входили сотрудники столичной полиции; пресечена деятельность группировки, которая предоставляла водительские удостоверения, раскрыта организованная группа сотрудников, которая занималась поборам с коммерсантами. Вскрыты и факты оказания услуг «полицейского такси» – незаконного эскорта коммерсантов и даже бандитов на служебных автомобилях [6, с. 8].

Обыденным делом стало «крышевание» сотрудниками коммерческих структур и занятие самими коммерческой деятельностью. Как отмечает М.П. Клейменов, так называемые «красные крыши» являются наиболее удобными и надежными. Не случайно крупные российские банки уже давно не находятся под контролем бандитских группировок [3, с. 15].

Кроме того, растет доля групповых преступлений, совершаемых сотрудниками. Если ранее подобные преступления, например, получение взятки, совершались обычно в одиночку, то сейчас ситуация изменилась. Около 50% «профессиональных» преступлений совершены опрошенными осужденными в группе, что подчеркивает повышенную общественную опасность подобных деяний. Наблюдается своеобразное распределение ролей в таких группах. Одни сотрудники вымогают взятку и рекомендуют передать ее конкретному лицу, которое ее и

получает; другие принимают решение, например, фальсифицируют материалы уголовных дел, выносят постановления об их прекращении и т. д. Как правило, группы состоят из сотрудников одного и того же подразделения. Подобная тенденция отмечается и другими исследователями.

Сказанное позволяет констатировать, что в стране сложился и динамично развивается новый вид преступности – преступность сотрудников органов внутренних дел. Ее можно определить следующим образом: это новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в стране за определенный промежуток времени. Речь следует вести именно о преступности как массовом, относительно устойчивом, специфическом явлении, а не о простой массе преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Характерными особенностями данного вида преступности, на наш взгляд, являются следующие:

- повышенная общественная опасность, определяемая тем, что преступления сотрудников органов внутренних дел, кроме причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам, влекут за собой дискредитацию правоохранительных органов в глазах населения страны и всей государственной власти в целом;
- высокий уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками;
- корыстный характер большинства совершаемых преступлений.

Данный вид преступности отличается в последние годы негативными тенденциями, в частности:

- увеличением уровня групповых (в том числе носящих организованный характер) преступлений, совершаемых сотрудниками;
- связью преступной деятельности сотрудников с организованной преступностью;
- активным использованием сотрудниками органов внутренних дел при совершении общеуголовных преступлений своего служебного положения;
- ростом количества «профессиональных» (должностных и против правосудия) преступлений.

Все сказанное обуславливает необходимость дальнейшего изучения данного вида преступности с целью разработки мер противодействия ей. Разработка подобных мер необходима, так как принятые шаги по реформированию МВД РФ существенных положительных результатов, к сожалению, не принесли. С учетом латентности уровень преступности сотрудников органов внутренних дел достаточно высок, о чем, по всей видимости, догадывается руководство министерства, которое, стараясь «завуалировать» ситуацию с преступностью своих сотрудников, в очередной раз «засекречивает» данные о преступлениях, совершенных ими.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапов А.П. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 312 с.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.

3. Клейменов М.П. Проблемы коррупции среди сотрудников службы криминальной милиции // Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 15.
4. Маньяк-полицейский убил более 20 женщин [Электронный ресурс] // SHTURMNEWS.INFO: Штурмновости. URL: <http://wqwww.shturmnews.info/content/manyak-policeyskiy-ubil-bolee-20-zhenshchin.html> (дата обращения: 10.05.2015).
5. МВД Москвы зафиксировало рост преступлений среди полицейских [Электронный ресурс] // LIFENEWS. URL: <http://lifenews.ru/news/142255> (дата обращения: 18.05.2015).
6. Фалалеев М. Служба собственной безопасности МВД выявила 3,5 тыс. преступлений полицейских // Российская газета. 2013. 18 дек.
7. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/press/interview/7774/print> (дата обращения: 14.09.2015).

УДК 339.19;679.87;343.2/7

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-112-119

Гладких В.И.*Государственный университет управления (г. Москва)***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, ПРИРОДНЫХ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ
ИЛИ ЖЕМЧУГА (СТ. 191 УК РФ)**

Аннотация. В статье представлен анализ состава незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, рассматриваются различные точки зрения на его квалификацию, предлагается авторское видение теории и практики применения статьи 191 УК РФ. Автором анализируется практика по указанной теме, обращается внимание на инициирование новых норм права, необходимость верного толкования и применения УК РФ. В ходе исследования указанной статьи УК РФ обнаруживаются формулировки, требующие пояснения и уточнения.

Ключевые слова: незаконный оборот, драгоценные металлы, природные драгоценные камни, жемчуг, проблемы квалификации.

V. Gladkikh*State University of Management***CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION OF TRAFFICKING OF PRECIOUS
METALS, NATURAL JEWELS OR PEARLS (ARTICLE 191 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Abstract. The article analyses the composition of trafficking of precious metals, natural precious stones or pearls; considers various interpretations of its qualification; suggests the author's understanding of the contents and practice of enforcement of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is paid to initiation of new legal forms and proper interpretation and enforcement of the Criminal Code, though some provisions of it need clarification.

Key words: trafficking, precious metals, natural precious stones, pearls, qualification problems.

Общественная опасность рассматриваемого состава (незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга) заключается в посягательстве на финансовые отношения, составляющие основу экономической безопасности государства.

В теории уголовного права существуют различные точки зрения на непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ [2; 4; 6; 8].

М.Ю. Туранов, например, считает, что объектом данного преступления «являются общественные отношения, регулирующие порядок совершения

сделок, связанных с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо с жемчугом, установленный... нормативными актами» [9]. На наш взгляд, оборот драгоценных металлов и драгоценных камней регулируют не общественные отношения, а соответствующие правовые акты. Данные акты устанавливают порядок обращения этих ценностей и тем самым упорядочивают общественные отношения, а не наоборот. На основе этого, непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, можно определить как порядок обращения драгоценных металлов и драгоценных камней (порядок совершения сделок, хранения, перевозки и пересылки), установленный в Российской Федерации. Аналогичной позиции придерживается и Р.Г. Абсолямов [1, с. 19].

В качестве предмета преступления выступают драгоценные металлы, природные драгоценные камни и жемчуг, за исключением драгоценных камней искусственного происхождения.

Поскольку законодатель устанавливает особый порядок обращения только природных камней (ст. 1 Федерального закона РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (в редакции, введенной в действие с 13 мая 2015 г. Федеральным законом от 2 мая 2015 г. № 111-ФЗ), искусственные (синтезированные или культивированные) камни не могут быть предметом анализируемого преступления.

Известно, что драгоценные камни (особенно алмазы) часто используют в производственно-технических целях. К примеру, алмазы применяют в промышленности для резцов и сверл. Из низкосортных алмазов изготавливают

алмазные порошки, с помощью которых производят огранку, резку, шлифовку и полировку наиболее твердых материалов. Такие алмазные порошки, а также алмазная крошка и алмазная пыль не могут считаться предметом незаконного оборота.

Спорная ситуация возникает в отношении достаточно крупных драгоценных камней, которые по своим размерно-весовым, цветовым и качественным характеристикам признаны непригодными для изготовления ювелирных изделий. В случаях, если в отношении таких камней осуществляются незаконные действия, то в содеянном формально усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ. Однако в ч. 3 ст. 22 Федерального закона РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» установлено, что драгоценные камни, непригодные для изготовления ювелирных изделий, используются как продукция производственно-технического назначения без ограничений, установленных вышеназванным законом. На основе систематического толкования этих нормативно-правовых актов и диспозиции ч. 1 ст. 191 УК РФ, можно сделать вывод, что такие камни не могут быть предметом анализируемого преступления [7, с. 73].

В настоящее время законодатель не устанавливает особых правовых ограничений оборота ювелирных и бытовых изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней, а также лома этих изделий, поскольку они являются обычными вещами, обычными товарами. В соответствии с Законом РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в редакции от 4

ноября 2014 г.) указанные предметы исключены из категории валютных ценностей. Федеральный закон РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» не регулирует порядок совершения гражданами (физическими лицами) сделок с ювелирными и иными бытовыми изделиями из драгоценных металлов и драгоценных камней. Таким образом, систематическое и историческое толкование правовых норм позволяет сделать вывод, что к предмету незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, совершенного как в виде сделки, так и в виде хранения, перевозки или пересылки, не относятся ювелирные и бытовые изделия, а также лом этих изделий.

Отнесение изделий к ювелирным или бытовым не зависит от наличия на них пробирного клейма. В то же время, отдельные исследователи утверждают, что продажа и иные сделки с ювелирными украшениями из драгоценных металлов, в том числе и иностранного производства, на которых отсутствует государственное пробирное клеймо Российской Федерации, должны рассматриваться как уголовно наказуемые.

На самом деле, все изготавливаемые на территории Российской Федерации ювелирные и другие бытовые изделия из драгоценных металлов, а также изделия, ввезенные на территорию Российской Федерации для продажи, должны соответствовать пробам, определенным Постановлением Правительства РФ от 18 июня 1999 г. № 643 «О порядке опробования и клеймения изделий из драгоценных металлов», и быть заклеены государственным пробирным клеймом. Однако опро-

бование и клеймение изделий из драгоценных металлов производится в целях защиты прав потребителей ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов, прав изготовителей этих изделий от недобросовестной конкуренции, а также в целях защиты интересов государства, поэтому клеймение государственным пробирным клеймом не превращает данное изделие в ювелирное или бытовое, а всего лишь удостоверяет потребителям фактическое достоинство драгоценного металла, из которого оно изготовлено. В связи с этим ювелирные и бытовые изделия из драгоценного металла останутся по своему назначению такими же, даже если они не были заклеены в установленном порядке [7, с. 89].

Появляется вопрос: могут ли считаться ювелирными изделиями ограненные драгоценные камни без оправы? Следует иметь в виду, что процесс обработки камня складывается из нескольких операций, включая его сертификацию, поэтому после сертификации ограненные природные драгоценные камни становятся ювелирной ценностью и не являются предметом преступления ст. 191 УК РФ. Однако отсутствие сертификата само по себе не означает, что ограненный драгоценный камень не является ювелирным. В то же время, неограниченные, хотя и прошедшие предварительную механическую обработку камни не могут быть отнесены к ювелирным изделиям.

Что касается жемчуга, то в отношении него огранка не производится. Из жемчуга, как правило, изготавливают бусы либо включают жемчуг в состав изделий из драгоценных ме-

таллов. Именно поэтому «ниточный» («просверленный») жемчуг должен считаться ювелирным изделием и не может рассматриваться в качестве предмета анализируемого преступления.

В качестве лома ювелирных и других бытовых изделий признаются сломанные, годные только для переработки, а не для применения их по прямому назначению предметы, то есть изделия, которые после первоначального полного их использования (износа) могут применяться повторно в производстве как исходное сырье. Выяснение того, являются ли те или иные предметы ломом ювелирного либо бытового изделия, как правило, не представляет большой сложности, поскольку они обычно сохраняют отдельные черты, присущие целому изделию.

Однако нередко лом таких изделий сплавляется (переплавляется).

Полученный таким образом слиток металла не имеет никаких общих черт с ранее существовавшими изделиями. На наш взгляд, даже такое изменение внешнего состояния этих предметов не меняет их юридического статуса, поскольку их собственник вправе поступить с ними любым способом.

В соответствии с Положением «О совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1994 г. № 756 (в редакции от 24.08.2004), в нашей стране разрешено обращение некоторых монет из драгоценных металлов (например, юбилейные монеты из золота, серебра или платины). Подобные монеты также не

являются предметом преступления, предусмотренного ст. 191 УК России¹.

В России разрешены сделки и банковские операции со стандартными или мерными слитками золота, платины или серебра². Это могут быть как слитки российского производства, соответствующие государственным стандартам, действующим в России, так и слитки зарубежного производства, соответствующие международным стандартам качества, принятым Лондонской ассоциацией участников рынка драгоценных металлов. В связи с тем, что для слитков драгоценных металлов в диспозиции ст. 191 УК РФ не сделано никаких исключений, они также могут быть предметом незаконного оборота.

Ломом такого изделия должны также считаться драгоценные камни, ранее входившие в состав ювелирного или бытового изделия, но затем извле-

¹ Предметом рассматриваемого преступления не являются также: сусальное золото (тончайшие пленки золота, наносимые химическим путем на различные изделия), сусальное серебро, государственные ордена и другие награды, выполненные с применением драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, а также диски из драгоценных металлов для зубопротезирования. Памятные, юбилейные и другие знаки и медали, кроме государственных наград, считаются ювелирными изделиями. Государственные награды РФ, РСФСР, СССР не могут считаться ни ювелирными, ни бытовыми изделиями. Однако уголовная ответственность за приобретение или сбыт таких наград установлена в специальной норме (ст. 324 УК РФ), поэтому незаконные сделки с ними не могут быть квалифицированы по ст. 191 УК РФ.

² В то же время, монеты из драгоценных металлов, не находящиеся в обращении на территории РФ (монеты, вышедшие из обращения, либо монеты иностранных государств), могут считаться предметом анализируемого преступления (за исключением единичных экземпляров коллекционных монет).

ченные из него. Данная точка зрения нашла свое подтверждение и в современной судебной практике.

Диспозиция анализируемой статьи Уголовного кодекса РФ описывает «варианты» незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней. Законодатель в тексте данной статьи использовал союз «либо» и выражение «а равно». Например, виновный в незаконном обороте драгоценных металлов и драгоценных камней может совершить сделку купли-продажи в отношении необработанных изумрудов, может совершить аналогичные действия с золотым слитком, выплавленным из отходов производства, а может «всего лишь» хранить один из этих предметов. Для привлечения к ответственности все варианты действий виновного равноценны, так как любое из них можно квалифицировать по ст. 191 УК РФ.

По конструкции состав преступления формальный, то есть считается оконченным с момента совершения указанных в диспозиции действий.

Объективная сторона включает следующие действия:

1) сделки с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо с жемчугом в нарушение установленных законодательством РФ правил;

2) прочие незаконные операции с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями и жемчугом: хранение, перевозка, пересылка.

Вышеуказанные действия совершаются в отношении объектов гражданских прав, под которыми в соответствии со ст. 128 ГК РФ понимаются: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе иму-

щественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Самый распространенный вид договора – это договор купли-продажи, под которым в соответствии со ст. 454 ГК РФ следует понимать такой договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать имущество в собственность другой стороне (покупателю), а та, в свою очередь, обязуется уплатить за него определенную денежную сумму. Возможны разновидности договора купли-продажи (например, договор поставки).

Понятно, что в отношении драгоценных металлов и драгоценных камней могут быть заключены и договоры аренды, займа, ссуды.

При описании признаков состава преступления законодатель использовал такую конструкцию, как «совершение сделки, связанной с...». Представляется, что тем самым к категории уголовно наказуемых отнесены не только сделки, предметом которых являются драгоценные металлы и драгоценные камни, но и иные сделки. Например, драгоценные металлы и драгоценные камни могут использоваться в различных договорах в качестве средства платежа (например, при оплате каких-либо услуг). Данные ценности при этом исполняют функции денег. Такие сделки также следует относить к разновидностям незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней.

Помимо того, под сделками следует понимать и договоры возмездного оказания услуг, в силу которых исполнитель обязуется оказать заказчи-

ку услуги (совершить определенные действия с драгоценными металлами и драгоценными камнями), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (ст. 779 ГК РФ). Примером такой сделки может служить договор переработки минерального сырья, содержащего драгоценные металлы.

Вместе с тем, не всякие сделки являются уголовно наказуемыми. В диспозиции ст. 191 УК РФ применительно к сделкам установлен такой признак, как совершение сделки в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации.

Как уже отмечалось, правила оборота драгоценных металлов и драгоценных камней детально регламентированы не только ГК РФ и федеральными законами, но и подзаконными нормативно-правовыми актами (Указами Президента, постановлениями Правительства, актами уполномоченных министерств и ведомств). Такой способ установления порядка совершения сделок с этими ценностями ранее определялся в ст. 3 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и соответствовал ст. 141 ГК РФ. В настоящее время, как известно, существенным образом изменился понятийный аппарат, а именно драгоценные металлы и природные драгоценные камни исключены из числа валютных ценностей.

Так как в ст. 191 УК РФ говорится о совершении сделки в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации, то уголовно наказуемыми следует признавать только сделки, нарушающие установленные предписания, либо запреты федеральных нормативно-правовых актов.

Формы преступного поведения, связанного с незаконным оборотом драгоценных металлов, природных драгоценных камней и жемчуга, весьма разнообразны.

Незаконный оборот драгоценных металлов и камней нередко связан с незаконной добычей. В том случае, когда деятельность по добыче драгоценных металлов и камней осуществляется ненадлежащим субъектом, действующим без лицензии либо в отсутствие договора с добывающей организацией, то добытые таким образом драгоценные металлы и природные драгоценные камни впоследствии перевозятся и хранятся этими же субъектами незаконно, а также они становятся предметом незаконных сделок.

Например, Н., не имея соответствующего разрешения, самовольно осуществлял открытым способом добычу минерального сырья, содержащего драгоценные металлы, а затем добытое россыпное (шлиховое) золото, чистым весом 524,4 г, незаконно хранил при себе.

Преступные действия, как правило, связаны с приобретением драгоценных металлов и камней, похищенных с перерабатывающих предприятий. Предметом сделки выступают в таких случаях необработанные драгоценные камни, а также техническое сырье и концентраты драгоценных металлов. Весьма часто предметом сделки выступают детали, содержащие драгоценные металлы.

Случаются факты приобретения на территории перерабатывающих предприятий концентрата, содержащего драгоценные металлы. Концентрат выпускается в виде брикетов и содержит золото, палладий, платину, серебро и другие драгоценные металлы.

Например, К., сотрудник ОАО «Вторчермет» в г. Владимире, отыскивал среди лома черных металлов сданные в утиль детали приборов, представляющие собой пластины из сплава металла на основе серебра. Всего таким образом им было приобретено 53 пластины, общий вес серебра в чистом виде составил 596,7 г. Пластины серебра он хранил у себя на рабочем месте, а затем перевез на автомашине и продал за 1450 руб., найдя покупателя по объявлению.

А., Б. и В., действуя в группе, в г. Магнитогорске приобрели 72 драгоценных камня – изумрудное природное сырье общей массой 47,24 г, которые затем перевезли в г. Челябинск, распределили между собой, незаконно хранили, а затем подыскивали покупателя К. и незаконно продали ему за 350 долларов.

Нередко совершение незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями носит характер незаконной предпринимательской деятельности. Это имеет место, когда рассматриваемая деятельность осуществляется организацией или предпринимателем без лицензии.

К примеру, организованная преступная группа в составе П., Н. и М., не имея надлежащей лицензии, в течение длительного времени, действуя как ЗАО «Аметист», открыто занималась скупкой вторичного сырья – радиодеталей. Сырье затем перерабатывалось, драгоценные металлы извлекались и хранились в офисе ЗАО.

Законодательно не определен минимальный размер (стоимость, количество, объем) драгоценных металлов, драгоценных камней, достаточный для наступления уголовной ответственности за незаконный оборот указанных

предметов.

Нередко деяния виновных, связанные с незаконным оборотом драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, квалифицируются по совокупности со ст. 158, 171, 188, 192 УК РФ.

Законодатель в диспозициях ст. 191 УК РФ не оговаривает форму вины. Однако характер преступных действий свидетельствует, что такие деяния могут быть совершены лишь умышленно.

Субъект преступления общий, т. е. физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

В ч. 2 ст. 191 УК РФ предусмотрены следующие квалифицирующие признаки:

- 1) совершение преступления в крупном размере (если стоимость предметов превышает полтора миллиона рублей);
- 2) организованной группой;
- 3) по предварительному сговору [3; 4; 5, с. 269–281; 8].

Квалификация указанных составов, как правило, не вызывает особых затруднений и не нуждается в отдельном толковании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абсолямов Р.Г. Противодействие незаконному обороту драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Арзамасцев М.В. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
3. Архипова М.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика

- незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.
4. Иванова А.Н. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней. СПб., 2001.
 5. Квалификация преступлений в сфере экономики: курс лекций / Под общей ред. В.И. Гладких. М., 2014.
 6. Королев А.Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному обороту драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. СПб., 2004.
 7. Ларичев В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых при добыче, производстве, использовании и обращении драгоценных металлов. М., 2012.
 8. Тумалевич Г.С. Спорные вопросы квалификации незаконных операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями: Вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2002.
 9. Туранов М.Ю. Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: Лекция. М., 1998.

УДК 343.57-055.2

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-120-127

Киркина Н.В.*Саратовская государственная юридическая академия*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЖЕНСКУЮ НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются криминологические проблемы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых женщинами, анализируется их состояние и динамика, выделяются криминологические особенности. На основе проведенного анализа автором предлагаются основные направления и конкретные меры предупреждения женской наркопреступности. Особое внимание уделено уголовно-правовым мерам воздействия на женскую наркопреступность, в частности, предлагается ряд изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: наркомания, наркопреступность, женская наркопреступность, основные направления предупреждения женской наркопреступности, уголовно-правовые меры предупреждения женской наркопреступности.

N. Kirkina*Saratov State Academy of Law*

SOME BASIC DIRECTIONS IN PREVENTING FEMALE DRUG CRIMINALITY

Abstract. The article discusses criminological problems of crimes related to drug trafficking committed by women, analyzes the status of such crimes and their dynamics, with criminological characteristics being identified. On the basis of the conducted analysis the author offers basic directions and specific measures for the prevention of female drug-related crime. Special attention is paid to criminal law measures to women's drug crime, in particular. The author proposes a number of changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation aimed at improving criminal liability for crimes related to drug trafficking.

Key words: drug addiction, drug crime, female drug crime, the main directions of preventing female drug crime, legal measures for preventing female drug crime.

Одним из опаснейших явлений современной России и всего мира следует назвать наркоманию и связанную с нею наркопреступность. В совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом

наркотиков, вовлекается все больше лиц, в том числе женского пола. Так, если по данным А.А. Габиани, доля женщин, употребляющих наркотики и совершающих наркопреступления, в общей массе наркоманов-наркопреступников составляла

в 1990 г. 8,3% [2, с. 55], то в 2013 г. – уже 12,3%¹.

Между тем, имеются все основания полагать, что эти цифры не в полной мере отражают масштаб проблемы, так как латентность наркотизма в женской среде (в том числе криминального), как это признано на официальном уровне, всегда была гораздо выше, чем среди мужчин [8, с. 15]. В этой связи остро стоит проблема воздействия на женскую наркоманию и наркопреступность. Проведенное нами исследование проблем женской наркопреступности позволило сформулировать некоторые выводы и предложения по данной проблеме.

С учетом ранее разработанных криминологами определений как предупреждения преступности, так и воздействия на нее, предлагаем следующее определение воздействия на женскую наркопреступность: это деятельность по осуществлению разнообразных мер, реализуемых различными субъектами по выявлению, ослаблению, устранению причин и условий женской наркопреступности, оказанию профилактического воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также привлечению к уголовной ответственности тех, кто совершил такие преступления. Специфика такого воздействия обусловлена личностными особенностями самих женщин, совершающих наркопреступления.

Исходя из положений Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г., такое воздействие должно обеспечить:

а) разработку и внедрение государственной системы мониторинга наркоситуации в Российской Федерации;

б) создание и реализацию общегосударственного комплекса мер по пресечению незаконного распространения наркотиков, особенно среди несовершеннолетних и женщин, на территории Российской Федерации;

в) выработку мер противодействия наркотрафику на территории Российской Федерации, адекватных существующей наркоугрозе;

г) надежный государственный контроль за легальным оборотом наркотиков и их прекурсоров;

д) создание государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков с приоритетом мероприятий первичной профилактики;

е) совершенствование системы оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией и их реабилитации;

ж) совершенствование организационного, нормативно-правового и ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности [12, с. 6].

Ученые, которые занимались проблемами предупреждения наркопреступности, отмечают, что к числу общесоциальных мер, направленных на борьбу с данным видом преступности, следует отнести:

– укрепление нормативно-правовой базы в сфере борьбы с наркоманией и наркопреступностью;

– профилактическую работу, прежде всего среди детей;

– заслон пропаганде легкомысленного поведения и праздного образа жизни для молодежи в целях снижения спроса на наркотики, фор-

¹ Отчет ГИАЦ МВД РФ формы 492 «Сведения о лицах, совершивших преступления» за 2013 год.

мирования антинаркотического мировоззрения и здорового образа жизни [10, с. 184].

Другие авторы, мнение которых мы разделяем, полагают, что основные направления предупреждения наркопреступности должны заключаться в следующем:

1) в профилактике потребления наркотиков, особенно среди лиц несовершеннолетнего возраста, и лечении (реабилитации) лиц, уже имеющих диагноз «наркомания», что позволит снизить уровень спроса на наркотические средства;

2) в борьбе с организованными формами преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, в частности с транснациональной организованной преступностью и контрабандой наркотиков, легализацией и отмыванием доходов от наркобизнеса, а также коррупцией в сфере противодействия преступности рассматриваемого вида, что обеспечит подрыв сферы предложения наркотических средств [11, с. 111].

Мы, конечно, солидарны с данными предложениями, но необходимо отметить, что основным направлением борьбы с женской наркопреступностью должно быть воздействие на самих женщин, совершающих наркопреступления, а также на причины и условия их индивидуального преступного поведения.

В рамках воздействия на женскую наркопреступность и женщин-наркопреступниц нам видится прежде всего необходимым осуществление таких крупномасштабных социально-экономических мер, как:

– создание условий для успешной и нормальной трудовой деятель-

ности женщин с соответствующей заработной платой;

– создание условий для участия женщин в деятельности государственных и общественных органов и организаций;

– обеспечение конкурентоспособности женщин на рынке труда;

– создание системы охраны труда женщин;

– организация и развитие социальных услуг, которые бы позволяли женщинам успешно совмещать трудовую деятельность с воспитанием детей и заботой о семье;

– всемерная материальная поддержка семьи как важнейшего социального института, имеющего ключевое значение в жизни женщины.

Кроме того, видится необходимым развитие системы лечения женщин, страдающих наркоманией, так как именно они, так же как и несовершеннолетние, быстрее всего приобретают наркотическую зависимость. Для этого требуется дополнительно создать лечебные учреждения, занимающиеся реабилитацией женщин, страдающих наркотической зависимостью. Полагаем, что лечение больных наркоманией должно осуществляться только в учреждениях государственной системы здравоохранения с обеспечением гарантии бесплатной медицинской помощи, применением средств и методов, определенных в стандартах медицинских услуг, и обязательным перечнем лечебно-диагностических процедур и лекарств, а также с минимальными требованиями к условиям оказания медпомощи, обязательными для исполнения в каждом населенном пункте России. Это связано с тем, что далеко не каждый из числа страдаю-

щих наркоманией может позволить себе платное лечение. В этих целях Правительство РФ и органы исполнительной власти субъектов РФ должны обеспечить целевое финансирование и материально-техническое снабжение сети таких государственных наркологических учреждений для их эффективной деятельности.

Уместно отметить, на наш взгляд, и ряд общесоциальных мер правового характера. Видится необходимым установление уголовной ответственности за немедицинское (без назначения врача) потребление наркотических средств и психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ. Ранее в уголовном законодательстве страны (до 1991 г.) существовала норма, предусматривающая ответственность за подобные деяния, которая впоследствии была отменена. Вопрос является, несомненно, дискуссионным, существуют как сторонники, так и противники уголовной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств. Противники ссылаются на то, что это противоречит Конституции РФ в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина [5, с. 87–88]. Мы же солидарны с теми учеными, которые выступают за то, чтобы признать немедицинское потребление наркотиков преступной деятельностью [4, с. 28; 7, с. 8–10].

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным внести изменения в содержание статьи 228.5 УК РФ и предлагаем следующую ее редакцию:

«Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных

веществ, совершенное лицом неоднократно, наказывается принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание. Потреблением наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ без назначения врача, совершенное лицом неоднократно, признается потребление наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ без назначения врача, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней».

Кроме того, полагаем в обязательном порядке считать совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или иных одурманивающих веществ, в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, для чего необходимо внести соответствующее изменение в статью 63 УК РФ, а именно дополнить ее пунктом «с» («... совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ»), а также исключить из нее ч. 1.1.

Целесообразным видится и принудительное лечение лиц, больных наркоманией и алкоголизмом. Речь должна идти именно о принудительном, а не о добровольном лечении таких лиц в случае совершения ими преступления. В настоящее время в стране только официально насчитывается около 550 тыс. наркозависимых лиц, в действительности их цифра составляет

примерно 1,7 млн. человек [12, с. 276; 3, с. 88]. Причем, как показывают отдельные исследования, основная масса таких лиц наркоманами себя не считают и добровольно лечиться не желают [6]. Согласно результатам нашего исследования, 32,3% женщин-наркопреступниц и 43,7% наркопреступников-мужчин также не признают себя наркоманами и лечиться добровольно от наркомании не хотят. Чтобы лечение наркомана было более или менее эффективным, как отмечают специалисты, необходимо блокировать его контакты с отрицательной средой, с потребителями и распространителями наркотиков [12, с. 308]. При отсутствии добровольности лечения без определенного принуждения больного такое лечение невозможно осуществить, поэтому речь должна идти о принудительном лечении указанных лиц. Правовая основа для этого существует. Так, пункт 3 статьи 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» позволяет по решению суда возлагать на лиц, больных наркоманией, обязанность пройти лечение и применять иные меры, предусмотренные законом. Поэтому полагаем, что следует дополнить статью 97 УК РФ пунктом «г» следующего содержания: «... совершившим преступление и признанным нуждающимся в лечении от алкоголизма или наркомании». В части второй статьи 99 УК РФ также необходимо, на наш взгляд, внести соответствующие дополнения и изложить ее в следующей редакции: «Лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяе-

мости, в том числе лицам, указанным в пункте «д» части первой статьи 97 настоящего Кодекса, а также лицам, нуждающимся в лечении от алкоголизма или наркомании, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра или нарколога». В связи с этим возникает необходимость исключения из УК РФ статьи 82-1 «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией».

В этом вопросе мы не одиноки, многие ученые и практические работники высказываются о необходимости принудительного лечения наркоманов [13, с. 188–192]. Согласно результатам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», 80% граждан страны также одобряют принудительное лечение наркоманов [1].

В связи с тем, что несовершеннолетние и женщины быстрее, чем мужчины, получают наркотическую зависимость, в целях предупреждения женской наркомании и женской наркопреступности нами предлагается следующее:

– пункт «в» части четвертой статьи 228.1 УК РФ (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) изложить в редакции: «... в отношении женщины, а равно лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении заведомо несовершеннолетнего»;

– наименование и часть 1 статьи 230 УК РФ изложить в следующей редакции: «Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

– пункт «а» части 3 статьи 230 УК РФ изложить в следующей редакции: «а) в отношении несовершеннолетнего, женщины либо двух или более лиц»;

– наименование и часть 1 статьи 232 УК РФ сформулировать в следующем виде: «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

– часть 2 статьи 232 УК РФ изложить в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а также для потребления наркотических веществ или психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ несовершеннолетними или женщинами».

Воздействие на женскую наркопреступность, на наш взгляд, должно осуществляться одновременно с предупреждением наркомании в стране по таким основным направлениям, как сокращение предложения наркотиков и сокращение спроса на них [9].

В целях сокращения предложения наркотиков на «черном рынке» необходимы следующие меры:

– пресечение каналов поставки наркотиков в незаконный оборот;

– разработка системы объективного мониторинга наркоситуации в стране и ее регионах;

– разработка и принятие федеральной целевой программы по сокращению предложения наркотиков в стране;

– широкое вовлечение граждан, в том числе и на платной основе, в процесс борьбы с наркоманией и наркопреступностью, в частности в информирование правоохранительных органов о фактах потребления и распространения наркотиков;

– расширение работы телефонов доверия, приемных по работе с обращениями граждан по таким фактам;

– определение, в том числе с помощью аэросъемки, мест произрастания дикорастущей конопли и других наркосодержащих растений;

– разработка и внедрение методик эффективного и безвредного для окружающей среды уничтожения таких посевов.

Еще большее количество мер необходимо осуществить для сокращения спроса на наркотики, то есть в целях профилактики наркомании и наркопреступности [9]. Полагаем, что к числу таких общесоциальных мер следует отнести:

– формирование четко обозначенной, научно обоснованной антинаркотической политики в стране и неукоснительное следование ей;

– проведение антинаркотической пропаганды опасности наркомании во всех средствах массовой информации, включая создание цикла специальных передач;

– привлечение к такой пропаганде представителей религиозных конфессий;

– проведение антинаркотической пропаганды среди несовершеннолетних и молодежи в образователь-

ных учреждениях, начиная с младших классов школ;

- разработку методик противодействия пропаганде распространения и употребления наркотиков;

- осуществление мер ранней диагностики потребления учащимися и студентами наркотиков в образовательных учреждениях;

- разработку и внедрение обучающих материалов для педагогов, родителей, воспитателей по выявлению признаков употребления ребенком наркотиков;

- проведение культурно-массовых и спортивных мероприятий (концертов, выступлений) по пропаганде здорового образа жизни и противодействию наркотикам;

- проведение выставок, фестивалей, викторин на антинаркотическую тематику;

- проведение конференций, круглых столов, методических семинаров с различной целевой аудиторией по антинаркотической тематике;

- создание специализированных медико-социальных центров по выявлению лиц, употребляющих наркотики;

- разработку и внедрение в образовательных учреждениях специализированных учебных курсов по профилактике наркомании;

- увеличение в образовательных учреждениях количества мест для учащихся и студентов, обучающихся для дальнейшей работы по профилактике и лечению наркомании;

- расширение сети лечебных и социально-реабилитационных центров для больных наркоманией;

- совершенствование деятельности лечебных учреждений для лечения

больных наркоманией в исправительных учреждениях;

- разработку и внедрение методик оценки эффективности лечения от наркомании и эффективности деятельности лечебных учреждений, занимающихся таким лечением;

- расширение международного сотрудничества в борьбе с наркоманией;

- усиление контроля легального использования наркотических средств в лечебных, ветеринарных учреждениях, на фабриках по производству наркотических средств, в аптеках и на аптечных складах.

Таковы далеко не все, но наиболее необходимые и целесообразные, на наш взгляд, общесоциальные меры воздействия на женскую наркопреступность и конкретные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, совершаемые женщинами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борьба с наркозависимостью у женщин: Статьи [Электронный ресурс] // Реабилитационный центр «12 Шаг». URL: <http://narcomana.net/statiya/> (дата обращения: 18.06. 2015).
2. Габиани А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990. 223 с.
3. Гришко А.Я. О незаконном обороте наркотиков // Российский криминологический взгляд. 2005. № 3. С. 88.
4. Клименко Т.М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 42 с.
5. Любавина М.А. К вопросу о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // Криминалисть. 2013. № 2(13). С. 87–88.
6. Наркоманов отправят в неизвестном направлении (Владимир Путин утвер-

- дил закон о возможности отправки наркоманов на принудительное лечение) [Электронный ресурс] // Газета. RU. 25.11.2013. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/11/25/5769993.shtml> (дата обращения: 25.06.2015).
7. Носов А.Л. и др. Переосмысление государственной антинаркотической политики: оперативно-розыскная деятельность – ключевой приоритет ФСКН России / Носов А.Л., Корчагин О.Н., Колесников К.А. // Наркоконтроль. 2012. № 2. С. 8–10.
 8. О состоянии борьбы с незаконным оборотом наркотиков в СССР: доклад советской делегации на Первом Европейском совещании глав национальных правоохранительных органов по борьбе с наркотиками (ХОНЛЕА) в г. Москва. 19–23 ноября 1990 г. М., 1990. 125 с.
 9. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.Н. Сергеева. М., 2003. 638 с.
 10. Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика. Владивосток, 2009. 314 с.
 11. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации. Региональные различия / под ред. О.А. Евлановой. М., 2013. 304 с.
 12. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 09.06. 2010 № 690 // Российская газета. 2010. 15 июня.
 13. Щедрин Н.В. О необходимости принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией // Здоровье нации и национальная безопасность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. М., 2013. С. 188–192.

РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-128-134

Гриненко А.В.

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных направлений доказывания на первоначальном этапе расследования террористического акта. Определена цель доказывания по указанной категории уголовных дел, выработаны основные направления ее достижения. Разработаны рекомендации по наиболее эффективному применению уголовно-процессуальных норм на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, предложено проводить освидетельствование непосредственно на месте совершения преступления, если это позволяет состояние организма освидетельствуемого лица и если это послужит целям раскрытия преступления. Разработаны основные направления взаимодействия следователей с работниками иных служб, действующих на месте совершения террористического акта. Предложено использовать средства массовой информации для организации раскрытия и расследования террористического акта.

Ключевые слова: уголовное дело, террористический акт, следователь, место происшествия, допрос, осмотр трупа, судебная экспертиза.

A. Grinenko

*Moscow State Institute of International Relations (University)
The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

FEATURES OF PROOF AT THE INITIAL STAGE OF TERRORIST ACT INVESTIGATION

Abstract. The article is devoted to the main directions of proof at the initial stage of the investigation of a terrorist act. The purpose of proving in this category of criminal cases is defined, the basic directions of its achievement are established. Recommendations on the most effective application of criminal procedural law at the stage of initiation of criminal proceedings

are worked out. In particular, it is proposed to carry out an inspection at a crime scene, if the condition of the body of the examined person permits and if it will serve the purpose of detecting crime. Some basic directions of interaction of investigators with the employees of other services investigating a terrorist act are suggested. It is proposed to use the media to organize the detection and investigation of a terrorist act.

Key words: criminal proceedings, act of terrorism, investigator, crime scene, questioning, examination of the corpse, forensic expertise.

Согласно ст. 85 УПК РФ **доказывание** состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 44–50]. Собираение, проверка и оценка доказательств представляют собой элементы единого процесса доказывания. В случае, когда хотя бы один из элементов не был осуществлен (реализован), весь процесс доказывания можно считать несостоявшимся, поскольку конечный результат уголовного судопроизводства не был достигнут. Вместе с тем, особенность первоначального этапа расследования (будем условно включать в него и стадию возбуждения уголовного дела) заключается в том, что на нем осуществляется не столько оценка доказательств, сколько их собирание и частично – проверка.

Кроме того, ряд особенностей обусловлен спецификой подготовки и совершения преступления, называемого **террористическим актом** (ст. 205 УК РФ).

Террористический акт – одно из самых негативных явлений современности, однако одного лишь осуждения со стороны общественного мнения недостаточно. Лица, причастные к его совершению, должны быть установлены, привлечены к уголовной ответственности и справедливо наказаны. Этому

будет способствовать своевременное и точное использование положений УПК РФ в каждом случае возбуждения и предварительного расследования уголовных дел.

При доказывании обстоятельств, связанных с террористическим актом, особое значение имеет процедура возбуждения уголовного дела и проведения первоначального этапа расследования.

В соответствии со ст. 205 УК РФ террористический акт представляет собой совершение взрыва, поджога и иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий [3, с. 47–56]. Наличие таких действий позволяет уже на стадии возбуждения уголовного дела выдвинуть версию о совершении террористического акта и возбудить уголовное дело по признакам соответствующего преступления.

Несомненно, уголовное дело по признакам террористического акта должно быть возбуждено в кратчайший срок с тем, чтобы все собранные сведения приобретали значение доказательств [7, с. 13]. Наряду с этим еще на стадии возбуждения уголовного дела требуется отграничить данное деяние от смежных составов преступлений (убийство, совершенное общественно опасным способом – п. «е» ч. 2 ст. 105

УК РФ; хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Поэтому уже на момент возбуждения уголовного дела требуется предварительное установление умысла на совершение именно террористического акта. В деянии должны проследиваться цели – попытка воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями.

В соответствии с законом до возбуждения уголовного дела может быть произведен ряд проверочных действий, в том числе следственных [6, с. 54–56]. Анализ содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод, что все действия, осуществляемые на стадии возбуждения уголовного дела, можно условно подразделить на две группы: 1) следственные действия (назначение и производство судебной экспертизы, осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование); 2) иные процессуальные действия, которые к следственным не относятся (получение объяснений, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов, предметов и их изъятие, требование производства документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов). Представляется, что для успешного раскрытия акта терроризма не следует отдавать приоритет одной группе действий перед другой, поскольку изначально неясно, из какого

источника будут получены наиболее значимые в конкретной ситуации доказательства.

Особую роль при производстве осмотра места происшествия играют согласованные действия должностных лиц, представляющих различные министерства и ведомства. Данное следственное действие может происходить в случаях, когда на месте террористического акта еще не закончены спасательные действия, осуществляется тушение пожара и т. п. По нашему мнению, для более полного обнаружения и фиксации доказательств на месте их обнаружения представителей МЧС России и других ведомств следует включать в число участников осмотра места происшествия с отражением этого факта в протоколе.

Требуется правильно, а возможно, и «с запасом», установить границы места происшествия и обеспечить их охрану. С одной стороны, это позволит определить возможные следы преступления на тех участках местности, на которых остались осколки, следы и другие материальные объекты. С другой стороны, ограждение территории позволит сохранить ее в надлежащей сохранности, а возможные доказательства – в стабильном состоянии.

По общему правилу (ч. 1 ст. 170 УПК РФ) в осмотре места происшествия понятые участия не принимают. Вместе с тем, в случаях, когда следователь принял решение о производстве осмотра места совершения террористического акта в отсутствие понятых, он обязан обеспечить детальную видеофиксацию хода и результатов данного следственного действия. Более того, поскольку террористический акт несет особую общественную опасность, сле-

дователь может предусмотреть и участие понятых общим числом не менее двух, и одновременную видеозапись.

Если требуется осмотреть большое пространство, то число понятых может быть и бóльшим, чем два человека. В любом случае в качестве понятых целесообразно использовать лиц, которые могут принимать реальное участие в осмотре места происшествия и впоследствии дать показания о ходе и содержании данного следственного действия.

Если осмотр места происшествия связан с риском для жизни и здоровья понятых либо производится в труднодоступных местах (например, в полуразрушенном здании, шахте лифта и т. п.), то он в соответствии с ч. 3 ст. 170 УПК РФ может быть произведен без участия понятых. В этом случае также применяются технические средства фиксации хода и результатов данного следственного действия. При осмотре места совершения террористического акта следует дополнительно предусмотреть ситуацию, когда понятые участвуют в осмотре лишь определенной части места происшествия, там, где это не представляет для них опасности. Представляется, что при этом следователь должен непосредственно в описательной части протокола осмотра места происшествия указывать, в осмотре каких именно участков места происшествия понятые не участвовали и чем это было вызвано.

При совершении террористического акта весьма важное доказательственное значение имеет осмотр трупа. До возбуждения уголовного дела он может производиться как в качестве самостоятельного следственного действия, так и в рамках осмотра

места происшествия. По нашему мнению, второе более целесообразно, так как это позволит соотнести положение трупа со следами преступления и тем самым установить характер и направленность взрыва. Желательно, чтобы понятыми в данном случае выступали лица, имеющие специальное медицинское образование и (или) опыт практической работы, поскольку психологически неподготовленные граждане в лучшем случае будут сторониться трупа, а в худшем – им самим придется оказывать медицинскую помощь.

Не вполне ясно, чем между собой отличаются такие проверочные действия, как «осмотр трупа» (следственное действие) и «исследование трупа». В данном случае речь идет о том, что осмотр трупа представляет собой «классическое» следственное действие, производящееся следователем непосредственно на месте совершения террористического акта или в другом месте. Что же касается исследования трупа, то оно производится судебно-медицинским экспертом или иным врачом, оформляется «актом судебно-медицинского исследования» и служит для фиксации первоначальных следов на трупе с целью последующего производства более глубокого экспертного исследования.

В УПК РФ отсутствует такое следственное действие, как осмотр частей трупа, а при их обнаружении применяются те же правила, что и в ходе осмотра трупа. Если на месте террористического акта будут обнаружены такие части, то в протоколе следует отражать не только повреждения, которые они имеют, но и то, какие предметы находятся в непосредственной близости от них. Это необходимо для последующе-

го установления личности погибшего, а также механизма совершения преступления.

Освидетельствование также должно производиться незамедлительно после того, как будут обнаружены люди с повреждениями, полученными в результате террористического акта. Поскольку жертвами являются случайные лица, некоторые из них, получившие незначительные повреждения, могут попытаться избежать участия в уголовном судопроизводстве. Кроме того, на момент их явки к следователю следы на теле, могут исчезнуть. Поэтому желательно, чтобы в ходе доказывания один или несколько следователей, входящих в состав следственной группы, с участием врача и сразу же после оказания врачами медицинской помощи составляли протоколы освидетельствования в отношении лиц, получивших незначительные травмы. Впоследствии это позволит установить механизм совершения преступления, а также определить круг лиц, ставших очевидцами террористического акта. Этим лицам нужно незамедлительно сообщать о том, что они также являются заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, и разъяснять соответствующие права [4, с. 39–40].

Уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, может быть возбуждено как по факту обнаружения деяния, так и в отношении конкретного лица. Представляется, что приоритетным должно быть возбуждение уголовного дела именно по признакам преступления, поскольку сам террористический акт предполагает наличие как минимум нескольких лиц, которые заинтересо-

ваны в достижении преступных целей. Если имело место покушение на террористический акт, то может быть задержан непосредственный исполнитель преступления. Лишь в этом случае уголовное дело может возбуждаться в отношении данного лица, но впоследствии в процесс могут быть вовлечены и другие лица, прежде всего организаторы преступления.

После возбуждения уголовного дела требуется провести ряд следственных действий, направленных прежде всего на собирание и проверку доказательств, подтверждающих событие преступления, а также, по возможности, подтверждающих причастность конкретных лиц к его совершению.

Поскольку террористический акт, как правило, совершается в общественном месте, он становится очевидным для многих лиц. Такие лица подлежат допросу в качестве свидетелей, а их показания позволяют установить многие обстоятельства, подтверждающие террористический характер деяния. Если очевидцы производили запись с помощью мобильных телефонов, осуществляли фотосъемку места происшествия непосредственно после совершения преступления, то следователь должен произвести их выемку и приобщить к материалам уголовного дела в качестве так называемых «иных документов» (ст. 84 УПК РФ).

С другой стороны, если лица проверяются на причастность к совершению преступлений, то в отношении них в полной мере должно быть обеспечено конституционное право не свидетельствовать против себя, а также против своих близких родственников [1, с. 39–40].

Весьма значительные результаты могут дать своевременно назначенные и проведенные судебные экспертизы. В данном случае экспертному исследованию подвергаются не только лица, пострадавшие в результате совершения преступления, но и иные объекты, прежде всего источники поражения. Устанавливается, какие поражающие средства были использованы, являются ли фабрично или кустарно изготовленными, нет ли признаков, позволяющих идентифицировать лиц, которым принадлежали взрывные устройства, и т. п. В совокупности с использованием результатов оперативно-розыскных мероприятий это позволит установить лиц, причастных к совершению террористического акта.

Весьма значительные возможности для раскрытия террористических актов появляются при использовании специализированных оперативно-поисковых систем [5, с. 40–43].

Если представитель какой-либо организации взял ответственность за совершенный террористический акт, то соответствующие сведения также должны быть помещены в материалы уголовного дела. Если соответствующие сведения направлены письменно, документ приобщается в качестве доказательства, если же выступление было размещено на сайте террористической организации, то снимаются соответствующие копии. Вместе с тем, следует иметь в виду, что такое заявление должно подвергаться тщательной проверке, так как оно может быть вымышленным.

Если факт совершения террористического акта конкретной преступной организацией подтверждается иными доказательствами, то в отношении

лиц, организовавших данное преступление, уголовное преследование осуществляется в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, где закреплено, что в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Таким образом, доказывание на первоначальном этапе расследования террористического акта должно производиться в строгом соответствии с законом и одновременно отвечать требованию эффективности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриненко А.В. Конституционные гарантии прав и законных интересов участников досудебного производства по уголовному делу // Адвокатская практика. 2002. № 1. С. 38–43.
2. Доля Е.А. Формирование и реализация метода доказывания при производстве по уголовным делам // Законность. 2013. № 5. С. 44–50.
3. Меркурьев В.В. Террористические преступления в новой редакции Уголовного кодекса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 47–56.
4. Никандров В. Заинтересованные лица в уголовном процессе // Советская юстиция. 1987. №13. С. 20–22.
5. Попов И.А. Актуальные проблемы предупреждения, раскрытия и расследования террористических актов // Российский следователь. М.: Юрист, 2013. №19. С. 38–44.
6. Халиков А.Н. Собираание доказательств в ходе проверки сообщения о пре-

- ступлении // Законность. 2013. № 12. С. 54–57.
7. Щерба С.П., Донковцев Н.Н. По поводу действующих процессуальных норм о рассмотрении заявлений и сообщений // Проблемы предварительного следствия и дознания. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1986. С. 11–18.

УДК 343.195

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-135-138

Мельник В.В.*Московский государственный областной университет*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ (I)

Аннотация. В статье анализируется общественно-политическое и юридическое значение суда с участием присяжных заседателей. Основное юридическое значение этой формы судопроизводства заключается в том, что она более надежно защищает права и свободы человека и гражданина от обвинительного уклона профессиональных юристов и народных представителей. Функционирование такой формы судопроизводства в обществе способствует реальному разделению судебной, исполнительной и законодательной властей, помогает сформировавшимся в тоталитарную эпоху следователям, прокурорам и судьям избавиться от правового нигилизма, неуважительного отношения к закону, правам человека и других реликтов общественного и профессионального сознания тоталитарной эпохи, предрасполагающих их к произволу, казенно-бюрократическому стилю деятельности. *Ключевые слова:* суд с участием присяжных заседателей, разделение властей, обвинительный уклон, общественное и профессиональное сознание тоталитарной эпохи.

V. Melnik*Moscow State Regional University*

SOCIO-POLITICAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF COURT JURY (I)

Abstract. The article analyzes the socio-political and legal significance of the court of jury. The main legal value of this form of justice is that it protects more reliably the right and freedoms of man and citizen from the accusatory character of lawyers and national representatives. The operation of this form of justice in the society promotes real separation of judicial, executive and legislative authorities, helps investigators, prosecutors and judges formed in the totalitarian era to get rid of legal nihilism, disrespectful attitude towards law, human rights and other relics of civil and professional consciousness of the totalitarian era, predisposing them to arbitrariness and formally-bureaucratic working style.

Key words: court of jury, separation of powers, accusatory, public and professional consciousness of the totalitarian era.

Постановка и обоснование проблемы

В 1896 г. А.М. Бобрищев-Пушкин в предисловии к своему фундаментальному труду «Эмпирические законы де-

ятельности русского суда присяжных» отмечал: «Русский суд присяжных до сих пор для громадного большинства русских людей тот же сфинкс, каким он явился еще в день рождения его в Уставах 20 ноября 1864 г.» [1, с. 2].

© Мельник В.В., 2015.

После возрождения в Российской Федерации суда с участием присяжных заседателей он продолжает оставаться таинственным и загадочным сфинксом для многих современных россиян и даже для многих профессиональных юристов.

Основная причина непонимания и неприятия суда с участием присяжных заседателей, устойчиво-снобистского отношения к нему как «суду толпы», «суду улицы» заключается в непонимании его общественно-политического и юридического значения.

Общественно-политическое значение суда с участием присяжных заседателей

Одна из общих закономерностей возникновения и функционирования суда с участием присяжных заседателей в различных странах заключается в том, что эта форма судопроизводства вводится на крутых поворотах истории, чаще всего после крушения тоталитарных политических режимов, для решения актуальных социально-политических задач [4].

В такие исторические периоды суд присяжных необходим, во-первых, для того, чтобы реально отделить судебную власть от законодательной и исполнительной, отучить представителей исполнительной и законодательной властей от сформировавшейся у них в условиях авторитарного политического режима вредной привычки хозяйничать в правоохранительных органах и судах, диктовать следователям, прокурорам и судьям обвинительные заключения и приговоры.

По свидетельству авторитетного дореволюционного исследователя су-

дебной реформы 1864 г. Г. Джаншиева, даже «благодушнейший из администраторов, санкт-петербургский генерал-губернатор князь А.А. Суворов не постеснялся арестовать в 1860 г. члена суда... проигравшего дело высокопоставленного лица» [2, с. 6].

Этот произвол всевластной бюрократии по отношению к профессиональным судьям прекратился только после введения в России суда присяжных, в котором, как известно, основные вопросы о том, доказано ли, что совершено преступление, доказано ли, что его совершил подсудимый и виновен ли он, присяжные заседатели решают в совещательной комнате самостоятельно без участия профессиональных судей. Такой процессуальный порядок удобен для честных и беспристрастных судей, поскольку ограждает их от незаконного влияния высокопоставленных сановников и других заинтересованных лиц.

Во-вторых, в посттоталитарную эпоху суд присяжных необходим для того, чтобы в «старые меха налить новое вино», т. е. помочь сформировавшимся в тоталитарную эпоху следователям, прокурорам и судьям избавиться от правового нигилизма, неуважительного отношения к закону, правам человека и других реликтов общественного и профессионального сознания тоталитарной эпохи, предрасполагающих их к произволу, казенно-бюрократическому стилю деятельности.

Постепенно важное социально-политическое значение введения суда присяжных в Российской империи осознали и его бывшие противники. Один из них – профессор Михайловский, – отмечая положительную роль суда присяжных в не отвыкшей от са-

модержавно-крепостнических порядков и нравов России, в которой судьи по своему менталитету и казенно-бюрократическому стилю деятельности ничем не отличаются от чиновников, писал:

«В вопросе о суде присяжных надо строго различать юридическую точку зрения, с одной стороны, и политически-историческую – с другой. Пока страна не обладает классом профессиональных судей, принадлежащих к **высшей духовной аристократии** (выделено нами. – В.М.), <...> пока судьи ничем не отличаются от чиновников, пока государственный строй не знает политической свободы, пока существует рознь между правительством и обществом <...> до тех пор требования упразднения судов присяжных во имя теоретического идеала лучшей формы суда должны рассматриваться как проявление научной близорукости. Вполне естественно, что такие требования находят резкий и страстный отпор со стороны тех, кто ясно понимает важную политическую роль суда присяжных, кто не без основания видит в них палладиум гражданской свободы» [5, с. 123–124].

В то же время, признавая важное общественно-политическое значение суда присяжных для демократического развития страны после крушения тоталитарного самодержавно-крепостнического режима, профессор Михайловский и многие другие представители отрицали юридическое значение этой формы судопроизводства.

Юридическое значение суда с участием присяжных заседателей

Введение суда с участием присяжных имеет важное не только обще-

ственно-политическое, но и юридическое значение. Оно заключается в том, что эта форма судопроизводства более надежно защищает права и свободы человека и гражданина от незаконного и необоснованного обвинения, обусловленного обвинительным уклоном профессиональных юристов и народных представителей.

В суде присяжных права и свободы человека и гражданина более надежно защищены от незаконного и необоснованного обвинения еще и потому, что согласно ч. 1 ст. 348 УПК РФ, для председательствующего судьи обязательен только оправдательный вердикт, который влечет постановление им оправдательного приговора. Обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не обязателен для председательствующего в двух случаях:

1) если председательствующий признает, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания (ч. 5 ст. 348 УПК РФ);

2) обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ).

По аналогичному основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 459 УПК

РСФСР, в 1995 г. постановлен 1 оправдательный приговор, в 1996 г. – 10, в 1997 г. – 2, в 1998 г. – 1, в 1999 г. – 0, в 2000 г. – 0, в 2001 г. – 0 (установить, сколько вынесено оправдательных приговоров по этому основанию в последующие годы не представляется возможным, поскольку с 2002 г. этот статистический показатель, к сожалению, исключен).

Таким образом, процессуальная форма суда присяжных содержит двойной процессуальный механизм защиты невинного человека от ошибок, обвинительного уклона профессиональных и непрофессиональных судей.

Благодаря этому механизму и другим особенностям судопроизводства с участием присяжных заседателей классическая модель суда присяжных по своему правозащитному потенциалу не имеет себе равных.

Об этом свидетельствует высказывание знаменитого французского историка, социолога и психолога, основателя социальной психологии, крупнейшего исследователя поведения человеческих масс, в том числе в суде присяжных, Гюстава Лебона (1841–1931): «Я решительно не вижу ни одного случая, когда бы мог не пожелать лучше иметь дело с присяжными, нежели с судьями, если бы мне пришлось быть неправильно обвиненным в каком-нибудь преступлении. С первыми я все-таки имел бы некоторые шансы на оправдание, тогда как со вторыми этого бы не было» [3, с. 281].

С учетом всего сказанного, глубокий смысл приобретает библейское высказывание «Каким судом судите, таким судимы будете».

В этой связи уместно вспомнить печально знаменитые уголовные дела советской эпохи – «витебское дело» и дело Чикатило, по которым к смертной казни были приговорены случайно заподозренные невинные люди.

Если бы вас случайно зацепил тяжелый маховик Российской Фемиды, какой суд вы бы выбрали?

Мы выбрали бы суд с участием присяжных заседателей, но не французскую модель, а классическую модель суда присяжных.

Преимущество принятой в России классической модели суда присяжных по сравнению с французской будет рассмотрено во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных: с атласом / Изд. журн. «Русская мысль». М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1896. 616 с.
2. Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1891. 364 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.
4. Радченко В.И. Судебная реформа в России // Журнал российского права. № 1. 1999. С. 65–74.
5. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право» 1914. 548 с.

УДК 343.98;343.9.018

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-139-143

Надысева Э.Х.*Московский государственный областной университет***ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ» И ЕЕ СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ**

Аннотация. В статье рассматривается категория «криминалистическая характеристика преступлений». Раскрываются точки зрения ученых-криминалистов относительно интерпретации категории «криминалистическая характеристика отдельного преступления». Автор приходит к выводу о том, что криминалистическая характеристика преступления остается важнейшим направлением криминалистических исследований. По мнению автора, если определить все элементы криминалистической характеристики преступлений, можно будет принять меры к тому, чтобы предупредить и пресечь совершение преступления на стадии подготовки.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступление, частная методика расследования, составные элементы.

E. Nadyseva*Moscow State Regional University***INTERPRETATION OF THE CATEGORY «CRIMINOLOGICAL
CHARACTERISTICS OF CRIMES» AND ITS CONSTITUENT ELEMENTS**

Abstract. The article deals with the category of «criminological characteristics of crimes». The author considers the views of criminological experts with respect to the interpretation of the category «criminological characteristics of a criminal act». The author concludes that the criminological characterization of crime is the most important area of criminalist research. According to the author, if all the elements of criminalist characteristics of a crime are identified, it is possible to take measures of ensuring, preventing and suppressing offenses at their initial stage.

Key words: criminalist characterization, crime, private investigation procedure, constituent elements.

В настоящее время прослеживаются качественные изменения современной преступности, происходит трансформация и изменение как уголовно-правового, так и уголовно-процессуального законодательства, поэтому возникает острая необходи-

мость не только в разработке наиболее эффективных и адаптированных к современным реалиям частных методик расследования отдельных видов преступлений, но и во включении этих методик в практику раскрытия и расследования общественно опасных деяний. Эти действия подразумевают

наполнение существующих методик новым содержанием и их структурное изменение.

В процессе разработки новых частных методик расследования конкретного преступления для начала стоит определиться с направлением и предметом исследования.

Немаловажно оговорить структуру, содержание и характеристику новой частной методики, поскольку некоторые ученые полагают, что в основу частных методик должна быть положена лишь уголовно-правовая характеристика преступления, то есть состав преступления, предусмотренный УК РФ [6, с. 183–184].

Другие же криминалисты считают, что новая методика расследования должна строиться в основном с уклоном на уголовно-процессуальную характеристику. Безусловно, предмет доказывания остается, но обстоятельства, его составляющие, подвергаются высокой степени обобщения и расчитаны на любое преступление. Содержание криминалистической характеристики предполагает рассмотрение особенностей расследования уголовного дела, а не конкретизацию предмета доказывания.

На современном этапе подавляющее большинство теоретиков – криминалистов-процессуалистов придерживаются позиции, в соответствии с которой в основу построения частных методик расследования отдельных видов преступлений входит криминалистическая характеристика преступления.

А.Н. Колесниченко впервые, употребляя термин «криминалистическая характеристика преступления» относительно методик расследования

и раскрытия преступлений, отметил, что «к числу существенных положений, общих для всех частных методик, относится и общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений... преступления имеют схожие черты криминалистического характера» (цит. по: [8, с. 41]).

В дальнейшем он определял криминалистическую характеристику преступлений как систему сведений о криминалистически значимых признаках преступления данного вида, которые отражают закономерные связи между ними и служат построению и проверке следственных версий для того, чтобы решить конкретные задачи при расследовании.

Но до сих пор вопрос о существовании самой криминалистической характеристики конкретного преступления и ее элементах является дискуссионным.

Криминалистическая характеристика преступлений является абстрактной научной дефиницией. И ее теоретическое значение сводится к совершенствованию частных методик раскрытия и расследования преступлений. С практической точки зрения она важна для выдвижения и проверки типичных версий, а также для решения целого ряда задач, возложенных на органы предварительного расследования.

По мнению Р.С. Белкина [2, с. 172], криминалистическая характеристика преступлений должна включать в свой состав как можно большее количество элементов, имеющих важное криминалистическое значение, таких как характеристика системы данных о способе совершения, исходной информации, системы данных сокрытия пре-

ступления, а также типичных последствий его применения, в том числе системы данных не только о личности вероятного преступника и вероятных мотивах преступления, но и о личности типичной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (время, место, обстановка).

Криминалистическая характеристика преступления определяется как некая совокупность общих, особенных признаков и типичных особенностей, присущих определенным видам преступлений. Это разработанная система наиболее устойчивых и типичных криминалистических черт преступления, выявленных и упорядоченных в процессе обобщения и изучения следственной практики раскрытия и расследования преступлений.

По мнению И.А. Возгрна [5, с. 225], криминалистическая характеристика конкретного вида преступления – это система обобщенных фактических данных и рекомендаций о наиболее значимых признаках преступления, знание которых необходимо для организации и осуществления его полного, объективного, быстрого и всестороннего раскрытия и расследования.

Согласно суждению А.С. Шаталова [10, с. 150], неотделимым и полностью обоснованным является включение обстоятельств доказывания в криминалистическую характеристику преступления.

Однако Р.С. Белкин заявляет об отсутствии необходимости включения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в криминалистическую характеристику в качестве самостоятельного составного элемента. Кроме того, он рассматривает кри-

миналистическую характеристику отдельного преступления немного иначе, как «результат научного анализа определенного вида преступной деятельности, обобщение его типичных особенностей и признаков» [3, с. 319].

Ряд авторов-криминалистов рассматривают криминалистическую характеристику преступления как отображение всех ее составных элементов, необходимых для решения вопросов уголовного процесса, то есть имеющих криминалистическое значение.

Однако О.Я. Баев [1, с. 230] полагает, что наиболее значимым и стабильным элементом отдельного вида преступлений является механизм следообразования. И, согласно его предположениям, криминалистической характеристикой преступлений является система элементов отдельного вида преступлений этого вида и взаимосвязей между данными элементами.

В частности, и В.В. Радаев [9] считает, что криминалистическая характеристика является не чем иным, как системой сведений о типичных элементах ситуации совершения преступлений определенных категорий, о существенных связях между данными элементами и особенностях процесса следообразования.

В.Л. Кудрявцев [7, с. 82] к основным элементам криминалистической характеристики преступления считает необходимым отнести как первоначально полученную информацию, а также все известные обстоятельства совершения преступления (обстановка, сопровождавшая совершение преступления, время, место, способ, предмет преступного посягательства), так и непосредственно после совершения преступления и при проведении про-

верки сообщения о совершенном преступлении (о способах сокрытия преступления, подготовки, совершения, а также о приемах, методах, которыми воспользовались виновные при подготовке и в процессе совершения преступления, в том числе о предполагаемом субъекте (группе субъектов) преступления и о возможных мотивах, о результатах, которые последовали после совершения преступления, о пострадавшем, о материальных следах).

В научной литературе имеются и такие суждения, согласно которым к числу составных элементов криминалистической характеристики следует отнести распространенность данного вида преступления, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, условия и причины совершения преступления, предмет посягательства, описание свойств технических средств, используемых преступниками.

Однако данная позиция представляется не совсем корректной, так как указанными авторами в *криминалистическую характеристику преступления* включается содержание криминалистической характеристики.

Также следует отметить, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, самостоятельным элементом криминалистической характеристики преступления не являются, поскольку предмет доказывания оказывает влияние на методику в целом. Предмет доказывания является уголовно-процессуальным понятием и, относясь к теории доказывания, представляет собой совокупность всех существенных обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

Элементы криминалистической характеристики не должны быть одинаковыми для всех групп или видов преступлений. Под каждую группу или вид преступления необходимо формировать отдельный комплекс элементов, которые в совокупности составляют криминалистическую характеристику, свойственную данному виду или группе преступлений.

Криминалистическая характеристика преступления представляет информационную систему, дискуссии в которой носят в большинстве случаев чисто терминологический характер.

Е.В. Давыдов [4, с. 41–43] к основным элементам криминалистической характеристики относит: приготовление к преступлению; способ подготавливаемого или совершенного акта терроризма; способ совершения преступления; орудия и средства, используемые террористами при совершении преступления; характеристика личности террориста и террористической организации или группы; характеристика объекта преступного посягательства; материальные следы преступления и особенности следообразования; обстановка преступления. Также он пишет о возможности добавления в криминалистическую характеристику преступления дополнительных, факультативных элементов, которые помогут характеризовать конкретное преступное деяние.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что только определив все элементы криминалистической характеристики преступлений, можно будет принять меры к тому, чтобы предупредить и пресечь совершение преступления на стадии подготовки, что даст возможность на первоначальном

этапе расследования скоординировать деятельность органов дознания и следствия. Они, в свою очередь, смогут определить характерные следственные ситуации и выдвинуть наиболее правильные и обоснованные версии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М.: Экзамен, 2001. 288 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3 т. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
4. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 475 с.
5. Давыдов Е.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершенных с применением взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2004. 216 с.
6. Криминалистика: Учеб. Ч.1 / Винберг А.И., Комаринец Б.М., Митричев С.П., Попов В.И. и др.; под ред.: Винберг А.И., Митричева С.П. М.: Гостюриздат, 1950. 304 с.
7. Кудрявцев В.Л. Криминалистическая характеристика преступлений: вопросы существования в науке и значимости на практике // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 81–91.
8. Мирский Д.Я. Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинского принципа неотвратимости наказания // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Мат-лы науч. конф. (Свердловск, сентябрь 1970 г.). Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 38–45.
9. Радаев В.В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике: Лекция. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1987. 23 с.
10. Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы: Теория: Проблемы: Прикладные аспекты. М.: Лига Разум, 2000. 252 с.

НАШИ АВТОРЫ

Андреев Валерий Витальевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования РФ, ректор Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, e-mail: vandreev@rusoop.ru

Белова Гертта Витальевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, e-mail: ger.belowa@yandex.ru

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовская государственная юридическая академия, e-mail: VAN808@yandex.ru

Галушкин Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета, e-mail: alexander.galushkin@yandex.ru

Гапеенок Дарья Евгеньевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного областного университета, e-mail: de.gapeenok@mgou.ru

Гладких Виктор Иванович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Государственного университета управления, профессор Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, e-mail: gladkich04@mail.ru

Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, действующий член (Академик) Академии социальных наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Международного юридического института, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого, второго и четвертого созывов, e-mail: Glotov_rgsu@mail.ru

Григорьев Игорь Александрович – начальник Федерального бюджетного учреждения Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ по Московской области, e-mail: info@sudexpert.ru

Гриненко Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. Профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, e-mail: avgrinenko2@mail.ru

Егупов Василий Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного областного университета, e-mail: egupov1981@mail.ru

Киркина Надежда Валерьевна – соискатель степени кандидата кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, e-mail: vandreev@ruscour.ru

Косенко Елена Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Балаковский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная юридическая академия», доцент кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Мазаев Владимир Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ «Высшая школа экономики», e-mail: vmazaev9@mail.ru

Марченко Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского государственного областного университета e-mail: kauftigr@mgou.ru

Мельник Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета, e-mail: melnik55@mail.ru

Афанасьева Елена Сергеевна – адъюнкт кафедры гражданского права, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации», e-mail: alenamarti14@mail.ru

Молчанов Александр Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации», e-mail: Alexmol53@mail.ru

Надысева Эльвира Ханифовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процессуального права и криминалистики Московского государственного областного университета, e-mail: olanad@mail.ru

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного областного университета, ea.pevtsova@mgou.ru

Черногор Николай Николаевич – профессор кафедры правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, e-mail: Chernogor@spa.msu.ru

Шаповалов Николай Иванович – заведующий кафедрой Конституционного и международного права Московского финансово - промышленного университета «Синергия», e-mail: shapovalov_n@list.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала Вестник Московского государственного областного университета серия «Юриспруденция» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2007 г. по настоящее время доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

2015. № 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.А. Кытманова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9, усл. п.л. 9,25.

Подписано в печать 12.10.2015. Заказ № 2015/10-09.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а